

**Россия в эпоху
политических и культурных
трансформаций**

Выпуск III

Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского
Факультет истории и международных отношений
Кафедра отечественной истории

**РОССИЯ
В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Выпуск III

Брянск – 2017

**ББК 63.3(2Р)
И-90**

**И-90 Россия в эпоху политических и культурных
трансформаций.** Сборник научных статей / Под об-
щей редакцией В. Ф. Блохина. – Брянск: «Курсив»,
2017. – Выпуск III. – 176 с.
ISBN ISBN 978-5-89592-293-4

Материалы сборника содержат статьи по различ-
ным проблемам истории важнейших сфер жизни россий-
ского общества. Ключевым принципом для отбора пуб-
ликаций послужило отражение в них политических и
культурных трансформаций, происходивших в России на
различных этапах ее истории.

Материал размещен в хронологическом порядке.
Сборник предназначен для преподавателей, научных ра-
ботников, студентов исторических факультетов ВУЗов.

**ББК 63.3(2Р)
И-90**

ISBN 978-5-89592-293-4

© Коллектив авторов, 2017.

© Издательство «Курсив», 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО. In Memorium Anna Natalia Eugster-Weber (1965 – 2017). В память о друге и товарище.....	5
Чубур А.А. Из истории гутного дела в Орловской губернии. От кустарных мануфактур к промышленному производству.	10
Новикова А.В. Процесс назначения и основные причины увольнения мировых посредников (на материалах Орловской губернии).....	21
Буляк Н.Н. Деятельность орловского дворянства по разработке проекта Положений по улучшению быта помещичьих крестьян.....	30
Смагина Д.Ф. Социально-правовой статус супругов в России и Великобритании во второй половине XIX века.....	42
Фишер Е.С. Становление земской медицины в Брянском уезде	49
Плещеева А.В. Мнение М.А. Таубе по проблеме черноморских проливов.....	57
Грудина А.Д. Законодательные основы социальной поддержки семей нижних чинов Русской армии в годы Первой мировой войны: проблемы и решения	63
Мамотько Н.В. Восприятие славянских подданных Австро-Венгрии в России в начале Первой мировой войны	70
Старостенко Э.В. Управление православным военным духовенством в российской армии в годы Первой мировой войны (на примере армий Западного фронта).....	76
Блохин В.Ф. «Мануфактурная свистопляска»: проблемы снабжения армии и населения обувью в Минском военном округе периода Первой мировой войны	82
Устинова Ю.Н., Василенко В.В. Проблема трудоустройства беженцев на территории Минской и Могилевской губерний Минского военного округа в 1915–1916 гг.	93
Гаврилова М.С. Январь 1917-го в письмах солдат и офицеров III армии Западного фронта.....	102
Гришук Н.В. 1917 г. в истории молодёжного движения России: начало государственной молодёжной политики (на примере ученических союзов).....	108
Трошина Д.В. «Возвратите проститутку на работу и найдите ей место в общественном производстве» (проблемы проституции на страницах печати в 1920-е гг.)	114

Петров Е.В., Криницина Т.С. Источники по истории Выборгского градостроения в советский период	120
Петров Е.В., Криницина Т.С. Историографический обзор советской градостроительной истории Выборга	126
Богданова Т.В. Карты и планы города Выборга и Выборгской губернии второй половины XVIII – начала XX вв. в документах Российского государственного исторического архива	136
Петров Е.В., Криницина Т.С. Особенности градостроительного развития г. Выборга в 1980–1991 гг.	145
Манюк Е.С. Особенности восстановления городов бывшей Восточной Пруссии в послевоенные годы: социально-политический аспект	153
Соловьев Р.А. Развитие системы военного образования в СССР в 1950 – 1960-х гг.	161
Локтюшина А.А. Феномен В.И. Засулич по американскому историку Ричарду Пайпсу: родоначальница революционного движения в России или защитница «поруганной чести»?.....	169
Маркова М.А. Смертность православного населения г. Выборга по данным метрических книг XIX – начала XX в.	173

*Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье,
Говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву.
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?*

Булат Окуджава

*Los, versammelt Euch, meine Gäste, dass ich Euch bewirten kann,
Sagt mir gerade ins Gesicht, was ich vor Euch bedeute.
Der Himmelszar wird mir Verzeihung schicken für meine Fehler.
Wozu lebe ich denn sonst auf dieser ewigen Erde?*

Bulat OKUDŽAVA

Unsere starke und tapfere

Anna Natalia EUGSTER-WEBER

(*07.08.1965)

hat jahrelang heldenhaft gekämpft. Die Krankheit war jedoch unerbittlich.
In der Frühe des vergangenen Donnerstags, den 22.06.17, ist Anna erlöst worden
und friedlich für immer eingeschlafen.

Wir sind sehr traurig.

Margalith, Alba, Minna und Simon EUGSTER, Muri bei Bern
Dore WEBER-LEBZIEN, Bern
Witte Maria WEBER, Basel
Anverwandte und Freunde

Die Trauerfeier findet nächsten Freitag, den 30.06.17 um 14.30 Uhr in der Nydeggkirche
zu Bern statt.

Wer Annas Andenken ehren möchte, spende dem WWF (IBAN CH 180000000800004703),
Vermerk: *in memoriam* Anna Natalia EUGSTER-WEBER).

Traueradresse: Familie Eugster-Weber, Auweg 9, 3074 MURI

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

In Memorium Anna Natalia Eugster-Weber (1965 – 2017)

В память о друге и товарище

22 июня 2017 года в клинике родного города Берна на 52 году ушла из жизни Анна Наталья Ойгстер-Вебер – швейцарский специалист в области славистических знаний, глубоко знавшая и понимавшая культурную традицию и историю восточно-европейского мира. Её отличали обширные познания советской литературы и поэзии. Она успела многое сделать для развития российско-швейцарских академических связей на рубеже XX – XXI вв.

Горечь утраты разнеслась по многим университетским столицам, с которыми госпожу Анну Ойгстер-Вебер связывали тесные и давние узы сотрудничества. Слова соболезнования родным и близким выразили многочисленные коллеги и друзья: А. Манну (Бельгия), Ма Юе и Тянь Бао Го (Китай), Джей Бидал (Канада), Стив Кооб и Роберт Орттунг (США), Иосифу Цутия и Куми Татеока (Япония), Тянь Даврелл (Швеция), Вилинга

Ринсофи (Голландия), В. Вольтинский (Украина), Л. Струцкая, Н. Данильченко, А. Исупов (Россия) и др.

Анна Ойгстер-Вебер всегда оставалась скромной и тяготилась публичности. Её личностное обаяние состояло в ином – она была от природы одарённым интеллектуалом и редким библиофилом, вокруг которого всегда складывалось живое неформальное общение. С присущей и свойственной только ей манере она умела легко и изящно, как по мановению волшебной палочки объединять вокруг себя миры, выстраивать на долгие годы доверительные отношения с людьми.

Она была знающим славистом. В её окружении можно было часто встретить историков и литературоведов, переводчиков и журналистов, математиков и музыкантов. Широкий круг интеллектуального общения являлся для неё питательной средой, в которой она чувствовала себя непринуждённо и вдохновенно. К её словам прислушивались ученики, её мнением дорожили друзья и товарищи. Она умела быть внимательной ко всем. Под её обаяния попадали не только университетские круги. С не меньшим энтузиазмом она бралась за бесконечные образовательные программы и проекты.

Впервые она посетила Ленинград ещё в далёком 1987 году по программе обмена студентами между Бернским (Швейцария) и Ленинградским университетами (СССР). До последнего город на Неве оставался одним из любимых её мест. Тема её дипломного проекта была связана с изучением творческого наследия Константина Паустовского. Насколько глубоко отозвалось слово сказанное классиком можно судить по прощанию её родных и близких посчитавших уместным процитировать Б.Окуджаву.

*Виноградную косточку в теплую землю зарюю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву.
И друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе, зачем на земле этой вечной живу?*

Первое посещение Анны Ойгстер-Вебер Советской России пришлось на нелёгкие годы, когда в настроениях людей звучали требования «перемен». Она, как никто другой, обострённо ощущала разломы исторического времени и с головой окунулась в стихию «перестройки». Увлечённый человек по натуре, она всегда шла вперёд, опережая своё время. Тогда, часто от неё можно было слышать полушутливое: «Приветствую революцию!». Апофеозом тех дней лично для неё стали события, связанные с падением

Берлинской стены. Для неё всегда оставалось крайне важным быть сопричастным и небезразличным к житейским событиям.

Анна Ойгстер-Вебер по праву являла собой образец университетского глубокомыслия. Все, кто соприкасался с ней, помнят её открытый взгляд и радостную улыбку. Вера в силы человека была для неё непоколебимой. Её безграничная готовность помогать людям в любых ситуациях, какими бы запутанными они не были, делали её филантропом. Такой запомнилась Анна Вебер друзьям и товарищам в студенческие годы жизни.

Это было не самое легкое время для советских граждан. Уходила в прошлое эпоха социализма, рушились устои государственной власти. В те, уже успевшими стать далёкими временами, нашему общению, надо сказать, не мешали ни пустые полки магазинов, ни тотальный дефицит продуктов и товаров. Был духовный и интеллектуальный подъём на иное мироустройство. В иной мировоззренческой плоскости развивалось новое поколение. Тогда «большие трудности рождали большие возможности».

Анна несла с собой дух и светоч свободы, отражая настроения нового времени с его гуманистическими идеалами. Гуманизм её проявлялся отчасти и в том, что, будучи книжным человеком, любила жизнь и была открытой в общении. Она всегда находилась в эпицентре событий. Частым прибежищем для неё тогда стал джаз клуб Давида Голощёкина на Загородном проспекте. Надо сказать, увлекаясь игрой на саксофоне, она многих из нас приобщала к пониманию джазовой культуры и классической музыке. Эта преданность и верность осталась с ней до конца дней. В её доме всегда звучала классика. Услышать можно было и Моцарта, и Рахманинова, и Чайковского.

В последствие, каждый раз возвращаясь уже в другую страну, Анна Ойгстер-Вебер всегда стремилась посетить Ленинград – Петербург, родные в её студенческой жизни места на Васильевском острове, в общежитии по ул. Шевченко за номером «5». Так было и в один из последних приездов зимой 2014 года.

Она умела дружить. Всегда находила близких по духу людей. Заботливо и внимательно относилась к друзьям и всегда старалась во всём помочь. Была абсолютным альтруистом и увлечённым по натуре человеком. У неё было много друзей в Швейцарии среди русских эмигрантов. Это её педагог и наставник Галя Бови, друг Миша Шауб и переводчик Саша Андреев. Они привили Анне уважение и понимание русской ментальности. «Русскую душу» она знала не понаслышке. За долгие годы вояжей она всегда находила время и силы посетить русскую глубинку. За ней было труд-

но угнаться. Она спешила жить и всегда ходила чуть повыше, чем земля, живя творчески.

И даже потом, когда судьба разбросала всех по разным странам и континентам, круг Анны Ойгстер Вебер продолжал жить своей жизнью. Его участники поддерживали достаточно тесные и доверительные отношения. Она созидала и строила свой особый мир и была в центре интеллектуальной жизни, строила планы на будущее. Но теперь её не стало. И с уходом осиротели не только её любимые деточки Маргалита, Альба и Минна, супруг Симон, но и многочисленные друзья большого семейства Ойгстер-Вебер.

Проводить в последний путь друга пришли 30 июня 2017 года на гражданскую панихиду в Nydegkirche коллеги, друзья и близкие. Ещё больше друзей госпожи Анны Натальи Ойгстер-Вебер скорбят вместе с семьёй родственниками и близкими во многих университетских столицах мира о безвременно ушедшем друге и прекрасном товарище.

Профессор СПбГУ Е. В. Петров

ИЗ ИСТОРИИ ГУТНОГО ДЕЛА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. ОТ КУСТАРНЫХ МАНУФАКТУР К ПРОМЫШЛЕННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ*

А. А. Чубур (БГУ)

Аннотация: в статье собрана основная доступная информация о гутах (кустарных стеклодельных мануфактурах) и связанных с ними населенных пунктах на территории Орловской губернии в XVIII – начале XIX вв. Основная их часть располагалась в пределах Нерусо-Деснянского полесья, откуда стекольное производство Мальцовых было перенесено в леса верхнего Подесенья. Мальцовские фабрики сделали кустарные гуты неконкурентоспособными и способствовали исчезновению гутного промысла в Подесенье и сопредельных регионах.

Ключевые слова: гуты, гутное стекло, Орловская губерния, Нерусо-Деснянское полесье, Брянское полесье, Мальцовы, стекольные фабрики.

*«Управляя раскаленной каплей,
Облачая в форму вещество...»
(Л. Прибрежная)*

Мануфактуру по выработке стекла и изготовлению стеклянных изделий, как правило, соединенную с небольшим селением возле производственных объектов на территории Восточной Европы в конце позднего средневековья и начале нового времени традиционно называли гутой от немецкого *hutte*. Гуты производили стекло из песка, поташа и ряда других дополнительных компонентов. Центральным объектом гуты было большое помещение со стекловаренной («склярной») печью, в которой варили стеклянную массу в особых глиняных горшках («дойницах»), стоявших над топкой. Таких дойниц в печи было, обыкновенно, несколько. Их приходилось регулярно обновлять, поэтому для гутного производства были необходимы не только мастерские-стеклодувы, но и опытные гончары. Возле печи мастера отливали и выдували изделия «гутного стекла», в основном становившиеся предметами повседневного быта, но порой оказывавшиеся

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ – БРФФИ грант 17-21-01008а(м) / Г17Р-052 проект «Ильянская гута – магнатская мануфактура второй половины XVIII – начала XIX вв. (комплексное изучение источников)».

настоящими произведениями народного искусства. Готовые изделия остывали на верхнем ярусе склярной печи [12].

Гутное стекло, до Смутного времени бывшее лишь экзотическим достоянием богатых домов Московии, быстро приобрело широчайшую доступность и популярность. В рождающейся Российской Империи его использовали уже как богатые дворяне, купцы, духовенство, так и простые люди – крестьяне, мещане, казаки. Приведем для примера выдержку из описи имущества поручика Преображенского полка Петра Попова, пожалованного имением в селе Погребы в конце XVIII века. В его собственности состояло гутное стекло из «3 стаканов фрустальных 4 рюмок 4 графинов 5 фтоф стеклянной 1 чарок фрустальных с цветами золотыми <...> полупштофов фрустальных 4 <...> 3 маленьких графинца фрустальная рюмка 1» [3]. Гуты выпускали огромное количество разнообразной посуды: бутылки, склянки, глечики, баклаги, банки, рюмки, стаканы, бокалы. В основном они были зеленого желто-зеленого и коричневого цвета, но встречались и желтые, синие, фиолетовые и высококачественные прозрачные. Особую славу гутным мастерам принесла уникальная фигурная посуда. Популярностью в народе пользовались сосуда в виде животных (медведей, коней, баранов), птиц (гусей, уток, удонов, петухов), иногда – рыб. Такую посуду можно было часто увидеть на столах во время праздников, свадеб, поминок – как на селе, так и в городах.

Для варки стекла требовалось много топлива, а значит – большое количество дров. Не меньше древесины уходило на создание одного из основных компонентов стекольной шихты – поташа. Именно по этой причине гуты, как правило, оказывались недолговечны: после истребления близлежащих лесных массивов производство прекращалось или переносилось на новое место [15]. С необходимостью расходования большого объема древесины связано и то, что все гуты в бассейне Днепра располагаются к северу от границы лесостепи и зоны широколиственных и смешанных лесов. Запад Орловской губернии был в XVIII – XIX вв. как раз той территорией, по которой проходила эта естественная граница. Все гуты Орловщины (а по имеющимся источникам таких объектов известно шесть) оказались сосредоточенными на территории Неруссо-Деснянского полесья, причем ни одна из них не датируется временем ранее начала XVIII столетия. Практически все они возникли и работали уже на территории Российской Империи.

Есть сведения о том, что в 1693 г. своей грамотой настоятель Свинского Свято-Успенского монастыря иеромонах Иоанн Максимович дал право московскому гутнику Федору Андрееву построить гуту в монастырской

вотчине на Неруссе и владеть ею на правах оброка. В.В. Крашенинниковым установлено, что к Неруссе владения монастыря выходили на очень небольшом участке левого берега - меж устьями Сева и Усожи [6, с.264]. Это район с. Селечня с церковью Фрола и Павла, существующего минимум с 1595 г. (тогда впервые упомянуто как починок Доманов) и пребывавшего во владении монастыря до 1764 г. Однако никаких сведений о том, что в 1693-94 гг. гута все же была построена и дала продукцию не обнаружено. Сплошные археологические разведки в Суземском и Севском районе Брянской области проведенные в 2013-2015 гг. экспедицией под руководством А.М. Обломского при участии автора данной статьи также не подтверждают существования в этом месте гутного производства [1].

Таким образом, самыми первыми в Нерусо-Деснянском полесье на левобережье Десны были основаны Тарасова Гута, Гаврилова Гута, Денисова Гута, и Шемякина Гута.

Тарасова Гута (ныне Тарасовка) основана в 1706 г. Тарасом Родионовым сыном Игнатовым из Болхова. впервые упоминается как слобода в составе Трубчевского уезда. Спустя 11 лет Тарас Родионов принял решение уйти от мирской жизни в монастырь и данную гуту завещал своему сыну Василию. Гута имела одну склярную печь, которую обслуживали 15-17 работников [6, с. 263-264]. Земли Тарасовой Гуты входили в «лес казенный в дачах небывалый», позднее ставший кратко и загадочно называться «Небывалым лесом». После того, как гутное производство пришло в упадок, местные удельные крестьяне занялись изготовлением разнообразных деревянных изделий, благо лес был доступен [ГАБО ф. 511, оп. 1, д. 33]. В 1781 г. Тарасова Гута на правах частной дачи перешла к княгине Н.П. Голицыной (в девичестве графине Чернышовой), ротмистру Андрееву и Озлябушину [3]. Княгиня в 1797 г. получала там оброк по 3 рубля с души по данным на 1797 г. [5]. В 1866 г. Тарасова Гута числится уже вновь как деревня удельная.

Любопытна народная этимология наименования деревень Тарасовка, Шемякино и Кокоревка, о которой поведала учительница Л. Машурова: «О происхождении деревни мне рассказывал мой дедушка Беликов Евдоким Михайлович, 1894 года рождения... : жили-были три брата Тарас, Шемяко и Коко. Поселились они отдельно друг от друга и жили каждый сам по себе на расстоянии. Потом к ним стал присоединяться народ, обустроявая свое жилище рядышком. Так и образовалось три селения - д. Тарасовка, д. Шемякино, д. Кокоревка» [8]. Естественно миф этот имеет мало общего с реальностью, но интересен, как образец фольклора. А братом Тараса в реальности был Гавриил, будущий хозяин Гавриловой гуты.

Гаврилова Гута (ныне Гавриловка) также была основана в 1711 г. уже известным нам выходцем из Болхова Тарасом Родионовым. После того, как Тарас в 1717 г. постригся в монахи, гуту унаследовал его брат Гавриил Родионов сын Игнатов [6, с. 263]. В краеведческой литературе ошибочно в качестве основателя фигурирует «Гавриил Игнатов» - отчество оказалось перепутано с фамилией. Гута была с одной склярной печью. В деревне при гуте жили выходцы с Украины – мастера стеклоделия, для обслуживания печи требовалось около 15 человек. Еще в 1710 г. рядом, на р. Холмеч открылся Казенный Холмецкий винокуренный завод, начавший поставлять в Москву и Санкт-Петербург большие объемы спиртного. Гаврилова Гута, судя по всему, предназначалась для изготовления стеклянной посуды, служившей тарой для продукции этого завода. Судя по ревизиям 1745 и 1764 гг. работниками на винокуренном заводе были «люди польской нации»: поляки и белорусы, попавшие туда как специалисты по винокурению еще при Петре I. Судя по ревизии 1722 г. эти люди пришли из г. Орши и Оршанского повета и из города Мстиславля. В 1741 г. земли, на которых находились завод и гута, перешли в собственность княжеского рода Апраксиных, завод спустя некоторое время был перенесен под Трубчевск, в окрестности Радутино.

Винокуренные заводы на территории казенных лесов работали до 1781 г. затем их ликвидировали. [4, с. 59]. Возможно, тогда же, а скорее всего еще ранее прекратилось и функционирование Гавриловой Гуты. По крайней мере, на карте Севского уезда 1724–1729 гг. обозначена лишь Гаврилова гута. Вообще гутная промышленность в казенных лесах была развита слабо: во время Генерального межевания здесь отмечены две гуты.

В связи с этим лесистость казенной дачи была наибольшей в районе и составляла 98% [4, с. 59]. Отметим, что на протяжении XIX и XX веков основное население Гавриловки составляют уже русские, а не украинцы, поляки и белорусы, как было изначально.

Имеется любопытный документ: «Дело по обвинению коллежского асессора Безобразова Ивана Игнатьевича в причинении убытков княгине Голицыной Наталье Петровне при строительстве стеклянной Гуты в с-це Гавриловка». (ГАБО, ф. 506. оп. 1, д. 4). Самые ранние бумаги в деле датируются 1796 г., тяжба завершалась лишь в 1815 г. Это свидетельство попытки возрождения производства стекла, впрочем, не вполне удачной.

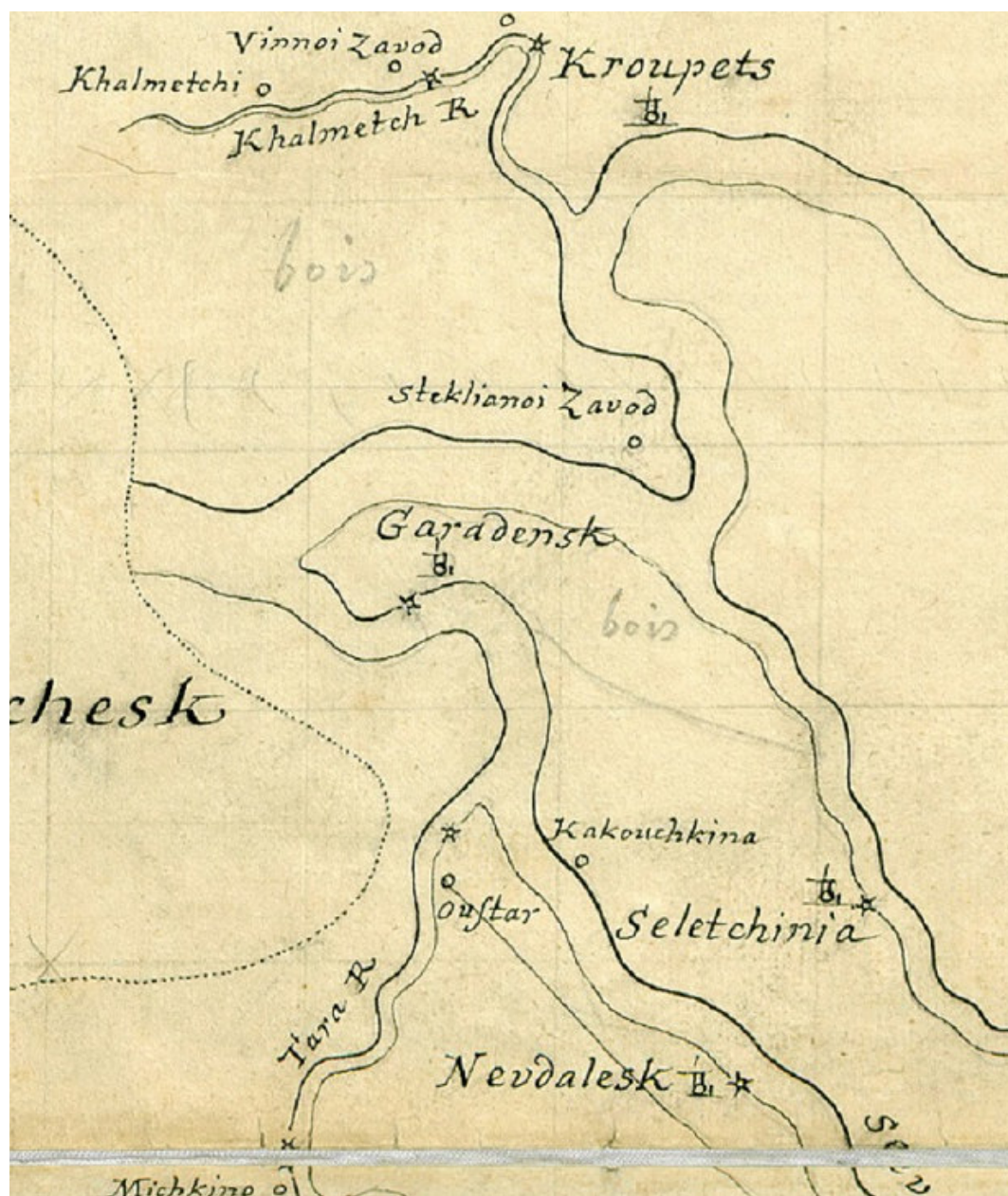

Рис. 1. Фрагмент рукописной карты Севского уезда 1724-1729 гг. на французском языке из коллекции Жозефа-Николя Де Лиля. Картограф Иван Хрущев. Национальная библиотека Франции. На карте как «стекляной завод» обозначена Гаврилова гута

Денисова Гута (ныне Денисовка) была основана в 1710 г. на левом берегу Неруссы выходцем из Глухова – новой гетманской столицы – Денисом Никитиным и монастырским крестьянином из Супонево Григорием Волчинцевым. Волчинцев вскоре уступил свою долю в коцессии Никитину, но тот не захотел быть единым владельцем и уступил долю Григория Волчинцева севскому посадскому человеку Трифону Полунину, с которым далее и владели гутой сообща. Поселение, стоящее в глу-

хом лесу, было окружено болотами, «климат местности – сырой, располагающий к лихорадкам и другим заболеваниям» [ГАБО, ф. 248, оп. 1, д. 316]. Почва песчаная – обрабатывать ее как сельскохозяйственную землю не имело смысла. Таким образом, создавать тут поселение можно было лишь с одной целью – для производства стекла. Денисова Гута была наиболее крупной в Нерусо-Деснинском полесье. В ней была не одна, а две стеклянных печи. Каждую из них обслуживали по два шуляра (кочегара), работавшие в дневную и ночную смены. Так же при каждой печи были по 4 стеклодува, выдувавших посуду разной емкости. Всего же на предприятии работало не менее 25 человек [6, с. 264].

Не позднее 1781 г., уже после закрытия производства, деревня перешла в дворцовое владение [4, с. 59]. Гутное дело сменилось деревообрабатывающими ремеслами: главным образом это было бондарное ремесло, в меньшей степени – изготовление деревянной посуды. [ГАБО, ф. 526, оп. 2, д. 37, л. 1-38]. Эти промыслы просуществовали до начала XX века, когда слово Гута исчезло из названия села, ставшего просто Денисовкой. В 1862 г. здесь был построен деревянный Троицкий храм, а в 1897 г. – земская школа. Уже в 1979 г. к селу был присоединен поселок Криничка, но даже при таком слиянии в населенном пункте ныне проживает менее 50 человек: видимо трехвековая история первой в Нерусо-Деснянском полесье гуты подходит к финалу.

Шемякина Гута (ныне Шемякино) была основана московским купцом Шемякиным в 1716 г. в 8 км к северу от с. Крупец. Документы, говорят, что предки населявших ее украинцев «платили государственные подати в Сумской дискрит в казацкие полки и в Трубчевскую воеводскую канцелярию, что значится в записных книгах за 1745–1749 годы и что состояли прежде в числе казенных малороссиян <...> бывшие содержатели той Гуты купцы Шемякин а потом Корнеев» [ГАБО, ф. 325, оп. 1, д. 2181, л. 1]. Шемякина Гута была приписана к владениям Апраксина после 3 ревизии, то есть между 1761 и 1782 гг. О способе приобретения этого населенного пункта документ ничего не говорит. В 1795–1796 гг. украинские семьи, жившие в Шемякиной Гута, работавшие ранее на стекольном заводе отказывались признавать власть С.С. Апраксина и бежали. По справке Севского уездного суда за Апраксиным украинцев в Шемякиной Гуте уже не оказалось [ГАБО, ф. 325, оп. 1, д. 2181, л. 3]. Без мастеров-профессионалов гута уже явно не функционировала. В итоге в 1798 г. в деревне проживало всего 53 души мужеска пола [ГАБО, ф. 324, оп. 1, д. 5], [3]. После угасания промысла уже у русского населения деревни развилось другое кустарное производство – изготовление бочек, телег и др.

Ближе к середине XVIII столетия, вероятно, возникает Герасимова Гута, а чуть позже и недолго просуществовавшая Мальцова Гута, хозяева которой, между тем, сыграли решающую роль в закрытии гутного кустарного производства не только в Нерусо-Деснянском полесье, но даже в Поднепровье в целом.

Герасимова Гута (бывшая д. Герасимовка, ныне урочище Герасимовка) на речке Колодезе в 10 км к северо-западу от Суземки, упоминается с середины XVIII в. как дворцовое владение (удельная деревня). Возможно, собственно гута существовала здесь раньше. Детальной информации о производстве стекла в данном пункте найти не удалось. До начала XX века среди крестьян здесь были развиты различные ремесла (производство бочек, дёгтя и т. п.). Деревня была подведомственна Департаменту Уделов Царской семьи, входя вместе с Денисовой Гутой в состав дачи с. Негино в ведомстве Дворцовой Канцелярии [4, с. 59]. По современному народному преданию Герасимовка якобы была основана неким Герасимом – выходцем из упраздненного Староямновского монастыря (Яменской Предтечевой пустыни). Ему в напарники приписан некий монах Денисий, якобы основавший Денисовку, что является чистой воды фантазией: Денисова Гута существует с начала XVIII века. Из этого следует, что предание является мифом, но может содержать достоверное зерно, заключающееся в том, что возникновение расположенных рядом Денисовой и Герасимовой Гут может действительно носить бинарный характер, как и в случае с тандемом Тарасовой Гуты и Гавриловой Гуты. В 1778 г. в Гавриловке (уже не Гавриловой Гуте, что говорит об отсутствии стекольного производства уже значительный период времени) было до 80 дворов.

Мальцова Гута (позднее Мальцевка) была основана в 1750 г. В 1747 г. Сенат, по указу императрицы Елизаветы, постановил ликвидировать все заводы в радиусе 200 верст от Москвы, поскольку мануфактуры и фабрики активно изводили леса вокруг недавней столицы. В числе прочих должна была закрыться Покровская стекольная фабрика в Можайском районе, принадлежавшая семье Мальцовых. Александр Васильевич Мальцов пишет прошение на высочайшее имя и получает разрешение на надел земли с арендой на 17 лет у с. Радутино Трубчевского уезда Орловской губернии, куда он и перемещают часть стекольно-хрустального производства из Покрова. Вторая часть отправилась вместе с его братом Акимом Васильевичем на речку Гусь, в богатый лесом Мещерский край Владимирской губернии. Фабрика в 10 км от Радутино на реке Соли, на левом берегу Десны, который и поныне покрыт густыми лесами и песчаными почвами, на месте современной д. Мальцевка, получила первоначальное владельческое название Мальцова Гута. Работниками на гуте были хорошо знающие данное

производство выходцы из Украины, а также «люди польской нации». Однако развернуть производство в полную силу на новом месте не удалось.

В связи с расширением казенного винокуренного завода и досрочным отъемом арендованных земель и даже заготовленных для производства дров, Мальцовы оказались вынуждены в 1767 г. перенести основные мощности в Брянский уезд, точнее – в Радицкую пустошь, что стало в регионе началом промышленной революции в стекоделии. Стекольное производство на прежнем месте, видимо, продолжало еще какое-то время сосуществовать с винокуренным заводом, обеспечивая получаемое «хлебное вино» стеклотарой. Часть работников гуты причисляют к Трубчевскому заводу. Какая-то часть украинцев тоже остались работать на прежнем месте. Так, по ревизии 1782 г. в слободке при Трубчевском казенном винокуренном заводе все еще живут «поляки» и «малороссы». В конце XVIII в. все жители Мальцовой Гуты получают статус удельных крестьян. Уже не работающий завод Мальцова отмечен на Плана Генерального Межевания конца XVIII в.

Сведенный стекольным производством лес освободил место под выгон площадью около 10 десятин (около 11 га). Последующий бесконтрольный выпас скота на нем привел к появлению участка разбитых песков [4, с. 69].

В середине 1850-х власть переселяет большую часть жителей Мальцовой Гуты в удельные села Чемлыж и Голышино Севского уезда. В Мальцовой Гуте, согласно сведениям 1866 г. остается лишь 8 дворов, в коих число жителей мужского пола 21, женского пола 36, всего же 57 человек [14]. Деревня была обречена [13]. В XX веке Мальцевка прекратила существование. Место, на котором она стояла, теперь находится в глубине биосферного заповедника «Брянский лес».

Стеклянная Радица – в литературе встречена такая дата постройки Радицкой стеклянной фабрики, как 1756 г. [2] Представляется, что в текст военно-статистического обозрения Российской Империи вкралась ошибка: это следует из всех, известных в настоящее время, сведений об истории данного производства. Населенный пункт впервые упоминается в конце 1760-х гг. как деревня Радицы, проданная поручиком С.М. Безобразовым Авдотье Ивановне Мальцовой, вдове скончавшегося А.В. Мальцова, переведшей сюда стекольную фабрику Мальцовых Гута из-под с. Радутино Трубчевского уезда. Отсюда и возникло название Стеклянная Гута или, позднее, Стеклянная Радица.

Фабрика в Радице начала строиться не сразу в связи с указом, запрещавшим купечеству приобретение недвижимости с крестьянами. Мальцовы по документам числились в купеческом сословии, но вдова доказала дворянское происхождение сославшись на малороссийский гербовник. Хотя

разрешение на открытие фабрики было получено только в 1771 г., Радицкая фабрика числилась как действующая уже в 1770-м. Эта фабрика еще отчасти напоминала кустарные гуты, но была существенно больше по масштабам и в большей степени механизирована: кроме собственно цеха с гутными печами имелись распускная для развода стекла, гончарня для изготовления новых горшков-дойниц, «резня» для резки стекла, два склада для хранения готовой продукции. Здесь вырабатывали оконное стекло и разнообразную стеклянную и хрустальную посуду. Для лучших мастеров-стеклодувов был введен специальный «поделошный день», когда они могли показывать высший класс в своем ремесле и создавать из стекла «необыкновенные штуки». По 5-й ревизии 1782 г. на Радицкой фабрике числилось уже 142 человека. В 1785 г. была заложена еще одна стеклянная фабрика на р. Ивот, где с 1786 г. началась выработка белого листового стекла [2; 7].

В 1788 г. Авдотья Мальцова продала предприятия в Радице и Ивоте с инфраструктурой Марии Васильевне Мальцовой, которая поняла, что будет сложно расширять производство только в Радице. Она начала скупать земли у местных помещиков, чтобы расширить и рассредоточить производство на них. Место для постройки основной фабрики было выбрано в глубине лесов у д. Дятково на берегу реки Ольшанки близ судоходной тогда Болвы. Строительством стекольной фабрики в Дятково в 1793 г. было положено начало создания крупнейшего в Российской Империи центра стекольной промышленности. К 1797 г. только на Дятковской фабрике работало 129 рабочих разных специальностей. Старая фабрика в Радице была специализирована для выпуска оконного стекла. На новой Дятковской было решено выпускать хрустальную и стеклянную посуду высокого качества, недоступного кустарным гутным мануфактурам. Вслед за этим Мария Мальцова, используя «базовые» фабрики для подготовки квалифицированных мастеров, стала строить в округе на приобретенных землях новые небольшие стекольные фабрики, ориентируя их на выпуск конкретного вида продукции. Уже в ноябре 1797 г. строит Чернятинскую фабрику на р. Старь для выпуска оконного стекла. В том же 1797 г. неподалеку строится еще одна – Бердовская фабрика, которая стала выпускать посуду из зеленого стекла. В 1799 г. запускается Знеберская фабрика стеклянной посуды – тоже в даче Чернятинской, но на р. Знебера. На фабрике трудились 52 рабочих. Стекло выплавляли в двух печах с восемью дойницами, делая из него штофы, полуштофы, бутылки шампанские и французские и другие изделия. Шумская фабрика по производству «бемского стекла» начала работать в 1800 г. также на р. Ивот. Стекло там производилось 46 работниками в одной печи с 6 дойницами [2; 7; 9].

Таким образом, к началу XIX века в Орловской губернии работали уже семь (а не пять, как утверждается в некоторых изданиях) частично механизированных крупных разнопрофильных стекольных фабрик, объединенных в своеобразную корпорацию (а в дальнейшем – в акционерное общество) и ставших главной доходной отраслью хозяйства Марии Мальцовой.

Восьмая – Кленная стеклянная фабрика – была построена в даче Чернятинской позже других, в 1839 г. уже сыном Марии – Иваном Акимовичем Мальцовым, которому все стекольное производство было передано в управление еще 1805 г. На ней работали 28 человек, получая в одной печи с четырьмя дойницами зеленое стекло [2; 9].

На всех перечисленных предприятиях дрова и золу получали с собственных лесных дач, на своих землях добывали также известь (писчий мел), и, правда не всегда, использовали местный песок. Но, в отличие от кустарных мануфактур, глину для новых дойниц заказывали из Тульской, Калужской и Черниговской губерний. Поташ сами также не производили, а везли по воде, а затем на подводах с Нижегородской ярмарки. Селитра и красители прибывали на завод на подводах из Санкт-Петербурга. Иногда покупали в соседней Калужской губернии и более качественный кварцевый песок. Сбыт готовой стеклянной продукции производился не столько местным покупателям, сколько, преимущественно в Курск, Харьков и Кременчуг, Херсон, Одессу и Киев, Ригу и Санкт-Петербург, Москву и Ташкент, а также в некоторые другие российские города [2].

Промышленная революция, принесенная в Подесенье родом Мальцовых, менее чем за два десятилетия похоронила почти все не выдержавшие конкуренции многочисленные гутные мануфактуры. Подесенья и Поднепровья.

Список источников и литературы

1. Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А., Приймак В.В. Новые материалы раннего железного века и средневековья в Суземском районе Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г. Брянск, 2015. С. 17-39.
2. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Орловская губерния. СПб: Типография Генерального штаба, 1853. Т. VI. Часть 5. 250 с.
3. Дубровский А.М., Иванин А.А. Севский уезд во второй половине XVIII века: поселения, землевладение, крестьяне и землевладельцы. Локоть, 1994. 109 с.
4. Евстигнеев О.И. Неруссо-Деснянское полесье: история природопользования. Брянск: Десяточка, 2009. 139 с.
5. Крашенинников В.В. Крестьянское движение на юго-востоке Брянщины в начале 1797 года // Страницы истории Брасовского района. Брянск, 1997. С. 30-37.
6. Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест. 2-е изд., доп. и уточн. Брянск: Клиновская городская типография, 2013. Т. 1. 944 с.

-
7. Крашенинников В.В., Кизимова С.П. Из истории промышленного предпринимательства в Дятьковском округе в XVIII – XIX вв. // С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Брянск : Грани, 1994. Ч. 1. С. 6-11.
 8. Машурова Л. Родники мои березовые. Было, было, да прошло... // Вестник (Брасовский район). 2012. 23 апреля.
 9. Немчинова Д.И. Мальцовы и их дело // С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Брянск, 1998. Ч. 2. С. 7-14.
 10. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Орловской епархии за 1884–1885 учебный год // Орловские епархиальные ведомости. 1886. № 3.
 11. Первая всеобщая перепись населения 1897 года. Орловская губерния / Н.А. Троицкий (ред.). СПб., 1904. Т. 29. 260 с.
 12. Поклонский Д.Р. Стародубская старина XI–XIX вв. Исторический очерк. Клинцы, 2004. Кн. 1. 279 с.
 13. Список населенных мест Брянской губернии / Брян. Губерн. Стат. отд. Брянск, 1928. 383 с.
 14. Список населенных мест Орловской губернии по сведениям 1866 года. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства Внутренних дел, 1871. 238 с.
 15. Шпиленок И. Брянский лес // Россия глазами блоггера / (Мир глазами блоггера). М.: Вече, 2013. С. 30-39.

Сведения об авторе:

Чубур Артур Артурович, кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. fennecfox66@gmail.com

Chubur Artur Arturovich, Candidate of History, Professor of RAE, Associate Professor of the Department of National History of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. fennecfox66@gmail.com

Arthur Chubur

About history of the Guta business in Orlovskaya province. From artisanal manufacture to industrial production

The article contains the main accessible information about gutas (handicraft glass-making manufactories) and associated settlements in the Orel province in the XVIII – early XIX centuries. Most of them were located within the Neruso-Desniansky woodland, from where the glass production of the Maltsovs was transferred to the forests of the upper Desna. The Maltsovo factories made the artisanal gutas uncompetitive and contributed to the disappearance of the ghoul fishing in Subesnya and adjacent regions.

Key words: guti, gut glass, Orel province, Neruso-Desnyanskoye woodland, Bryanskoye woodland, Maltsov, glass factories.

ПРОЦЕСС НАЗНАЧЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ УВОЛЬНЕНИЯ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ (на материалах Орловской губернии)

А. В. Новикова (БГУ)

Аннотация: В статье освещается процесс назначения мировых посредников в Орловской губернии, а также особенности подбора чиновников на должность. На основе архивных, мемуарных источников и материалов региональной периодической печати, подробно изучены основные условия и особенности деятельности посредников. Помимо прочего, на основе обработанных материалов, удалось выделить главные причины, по которым многие посредники Орловской губернии принимали решение оставить свою службу.

Ключевые слова: отмена крепостного права, крестьянская реформа, пореформенная Россия, уставные грамоты, мировые посредники, местная администрация, сословия, поместное дворянство, крестьянство

Институт мировых посредников функционировал в период проводившейся с 1861 г. крестьянской реформы и являлся неотъемлемой частью процесса реализации «Положений 19 февраля» во всех губерниях страны. В течение тринадцати лет существования должности мировых посредников отношение общественности к ней менялось диаметрально: от всеобщего уважения в первые годы деятельности до пренебрежительных и откровенных насмешек в период 1870-х гг.

Если восторженность части общества ввиду столь значимого преобразования представляется закономерной реакцией, то критика деятельности чиновников, в том числе и в последние годы существования института, оставляет много вопросов. В 1861 г. на должность посредников в большинстве своем избирались «лучшие люди своего времени» [5, с. 240], но уже к 1870-м гг. нравственный и профессиональный ценз претендентов на должность ощутимо снизился [6, с. С. 190-191].

После первого трехлетия деятельности многие чиновники под разными предлогами приняли решение оставить службу. Важным для понимания эффективности функционирования существовавшего института мировых посредников, представляется выявление особенностей назначения на эту должность, а также основных причин для многочисленных увольнений и отстранений чиновников. Помимо прочего, необходимо вы-

яснить, чем обуславливается частая смена мировых посредников во всех уездах Орловской губернии, а также выявить основные профессиональные сложности, провоцировавшие последующие увольнения со службы. Ответам на эти вопросы и посвящена данная статья.

Мировые посредники приступили к обязанностям с конца июня – в начале июля 1861 г. Разброс по времени был связан с процедурой составления списков будущих чиновников, их избранием и утверждением в должности [5, с. 239]. Уезды губерний делились на мировые участки, в каждый из которых назначалось ответственное лицо, а также кандидат мирового посредника – его заместитель. Кандидатуры посредников должны были быть одобрены губернатором с обязательным их согласованием с губернским и уездными предводителями дворянства, после чего, документы на утверждение в должности будущих чиновников передавались в Сенат.

Материалы о назначениях и перемещениях мировых посредников в Орловской губернии, содержат множество сведений, характеризующих процесс назначения и подбор чиновников на должность. Губернатору Николаю Васильевичу Левашеву было направлено большое количество рекомендаций [3, д. 47, л. 40, л. 84, л. 126, л. 133, л. 143] относительно потенциальных кандидатов на должность мировых посредников. Особый интерес в этом контексте вызывает обилие подробных сведений и характеристик претендентов, направляемых начальнику губернии, образующих единое пространство активного поиска подходящих на должность мировых посредников кандидатур.

Так, например, в одном из писем, адресованных губернатору Н.В. Левашеву, его заверяли относительно благонадежности претендента на должность мирового посредника Карачевского уезда Дмитрия Петровича Гринева. По мнению автора письма, претендент соединял в себе «все требуемые условия и качества» [3, д. 47, л. 126]. Кроме того, свое рекомендательное письмо относительно назначения Д.П. Гринева, направил начальнику губернии и предводителю дворянства, ранее занимавший должность мирового посредника в Карачевском уезде, Федор Никонорович Хитрово.

В послании сообщалось, что представляемый кандидат всецело соответствует требованиям и может быть назначен на открывшуюся вакансию посредника в третьем участке Карачевского уезда [3, д. 47, л. 133]. Этот эпизод иллюстрирует часть процедуры подбора будущих мировых посредников первого назначения. При рассмотрении кандидатур подробно изучались профессиональная биография и достижения на предшествующей службе. Кроме того, внимание уделялось и личным качествам претендентов [25]. Тщательный отбор чиновников был также обусловлен высокой

значимостью последующей деятельности института посредников, а также большой ответственностью, возлагаемой на каждого из них в отдельности и всех – суммарно.

Процедуре отбора претендентов на должность чиновников уделялось особое внимание губернатора: назначения не имели случайного характера. Более того, необходимо учитывать, что начальник губернии нес ответственность за процесс приведения в действие «Положений 19 февраля» на подведомственной ему территории. Соответственно, предполагать, что к подбору кандидатур мировых посредников – лиц, которые по сути и должны были способствовать осуществлению основных положений крестьянской реформы в каждом уезде, на каждом участке, в каждом имении – начальник губернии Н.В. Левашев мог отнестись беспечно или легкомысленно просто невозможно. Кандидатура каждого потенциального мирового посредника тщательно изучалась на основе рекомендаций и отзывов, после чего одобрялась, главным образом, губернатором [3, д. 47, д. 74, д. 116, д. 142, д. 149, д. 156, д. 175, д. 205]. Из этого следует, что начальник губернии выступал в качестве своеобразного гаранта компетентности и благонадежности каждого из назначаемых мировых посредников и перед правительством, и перед дворянским и крестьянским сословиями.

Необходимо напомнить, что губернатор должен был согласовывать кандидатуры мировых посредников с уездными и губернскими предводителями дворянства. Именно на этой почве в Орловской губернии произошла конфликтная ситуация, имевшая отношение к Брянскому уезду. Четырнадцать брянских помещиков направили обращение в Сенат, в котором сообщали о необходимости отстранить от должности мировых посредников Брянского уезда, так как чиновники, по заверениям помещиков, были избраны на должность незаконно: губернатор якобы не согласовал их кандидатуры с губернским и уездными предводителями дворянства. Кроме того, начальник губернии Н.В. Левашев был обвинен помещиками в том, что этим поступком он спровоцировал беспорядки в их имениях [3, д. 47, л. 124].

В контексте описанного эпизода важно отметить, что только после утверждения начальником губернии соответствующие документы направлялись в Сенат для окончательного назначения на должность мировых посредников. Кроме того, именно губернатору адресовались рекомендации сторонних, «третьих» лиц, относительно потенциальных мировых посредников и степени их благонадежности. Губернатору же направляли письма-уведомления о согласии принять на должность посредника, претендовавшие на нее лица, ему присылали отчеты о вступлении в должность все назначенные чиновники. На имя губернатора также адресовались прошения об от-

странении от должности. Тогда как наличие многочисленных примеров враждебности и острой неприязни по отношению к мировым посредникам со стороны дворян-помещиков [10, с. 89; 12, с. 888; 13, с. 139-142; 14, с. 4; 15, с. 3], а также представителей местной администрации [27, л. 14-25; 7, с. 51-53; 5, с. 247-250] лишь подтверждают предвзятое отношение к мировым посредникам вообще и к чиновникам, не потакавшим интересам своего сословия, в частности.

После назначения мировые посредники направляли начальнику губернии послания, в которых сообщали об их вступлении в должность [3, Д. 47, л. 75, л. 105, л. 106, л. 111, л. 112, л. 200.]. К своим прямым обязанностям мировые посредники приступали раньше того момента, когда их кандидатура была утверждена протоколом Сената, но по согласованию с губернатором. Обосновать этот факт можно активной деятельностью чиновников, особенно характерной для первых лет функционирования института.

В этой связи примечателен эпизод, когда на имя губернатора Н.В. Левашева в 1863 г. было получено прошение, направленное из Трубчевского уезда. В нем сообщалось, что уезд остро нуждался в еще одном мировом посреднике, а также кандидате к нему, так как занимавший ранее должность чиновник уволен Сенатом, а кандидат сдал все документы по участку, тоже решив оставить службу. В итоге получилось так, что всего оставалось два мировых посредника, «участки которых так велики, что они едва могут с ними справиться» [3, д. 47, л. 35.]. На этом основании начальника губернии просили о немедленном назначении еще одного должностного лица в Трубчевский уезд.

Активную деятельность чиновников, можно проследить, обратившись и к материалам уставных грамот. Посредники за один день посещали несколько имений для их составления и проверки. Их высокая активность объяснялась необходимостью осуществить одну из главных задач, возложенных на них – введение уставных грамот в отведенный правительством период. В полной мере это относилось и к кандидатам мировых посредников. Так, в Брянском уезде Игнатий Игнатьевич Гедройц поверил и утвердил свыше десятка уставных грамот [4, д. 58, л. 7; д. 63, л. 5; д. 67, л. 5; д. 20, л. 5; д. 21, л. 5; д. 25, л. 5; д. 26, л. 5; д. 29, л. 5; д. 33, л. 5; д. 34, л. 5; д. 39, л. 5; д. 40, л. 6; д. 41, л. 9].

Архивные документы содержат также факты многочисленных увольнений и отстранений, демонстрируют общую частоту сменяемости чиновников в губернии. Так, например, в Орловской губернии, насчитывавшей 12 уездов, за время функционирования института посредников на этой должности находилось в общей сложности более 140 человек [21, с. 14-44; 22, с. 16-50; 23, с. 45-132; 3, д. 47, д. 74, д. 116, д. 142, д. 149, д. 156, д. 175, д. 205; 11, с. 686], включая самих посредников и назначаемых к ним кандидатов.

Стоит отметить, что при открытии новой должности губернаторы и предводители дворянства столкнулись с большим количеством желающих стать мировыми посредниками [2, с. 542]. Личностные мотивы претендентов при этом были разнообразными: начиная с интереса и патетического восторга по поводу проводимой реформы и заканчивая престижностью новой должности, вкупе со значительной суммой оплаты чиновничьего труда [24]. Тем не менее, по окончании трехлетнего периода, отведенного посредникам первого назначения в качестве первого срока их деятельности, многие из тех, кому довелось попробовать свои силы в этой должности приняли решение оставить службу по собственному желанию, о чем свидетельствуют прошения об отставке, направленные губернатору [3, д. 47, л. 49, л. 123, л. 136, л. 174], приказы Сената [3, д. 142, л. 21; д. 74, л. 49, л. 117; д. 116, л. 28; д. 149, л. 56, л. 62; д. 156, л. 92, л. 130; д. 175, л. 63] и постановления Орловского губернского по крестьянским делам присутствия [16, с. 5; 17, с. 1; 19, с. 1].

Так или иначе, частая смена чиновников подтверждает тот факт, что потенциальные мировые посредники, а также кандидаты, становившиеся позднее действующими чиновниками, не всегда верно оценивали масштабы своей будущей работы. Распределение по мировым участкам, на которые делился каждый из уездов губернии, вероятно, создавало ложное представление о предполагаемой занятости, а также степени возлагаемой на чиновников ответственности.

В материалах, датированных 1863 г., присутствует целая череда прошений, направленных на имя губернатора с просьбами об отстранении от должности мирового посредника [3, д. 47, д. 74, д. 116, д. 142, д. 149, д. 156, д. 175, д. 205]. Обоснования принятого решения приводились разные, но чаще всего в качестве основной причины желания оставить службу называлось состояние здоровья [3, д. 74, л. 123, л. 136, л. 173; 16, с. 5].

Безусловно, должность мирового посредника требовала от чиновников изрядных затрат энергии и хороших физических кондиций. Рабочее утро для них могло начинаться в семь часов утра и даже раньше, а мировые съезды, назначавшиеся на шесть часов вечера, зачастую заканчивались и позднее полуночи [26, с. 304-305]. Таким образом, выезжать на свой участок чиновникам приходилось с рассветом, а возвращаться домой поздно ночью «усталыми, измученными, голодными, так как поесть было некогда» [9, с. 2]. Часто поездки приходилось осуществлять и в праздничные дни.

Однако массовое стремление посредников покинуть службу к концу первого срока деятельности на основании ухудшения состояния здоровья заставляет все же усомниться в этой причине в качестве единственной. Желание оставить должность возникало как после нескольких лет деятель-

ности, так и после нескольких месяцев выполнения обязанностей мирового посредника. Вероятно, истинной причиной потенциальных отставок служили трудности службы и вытекавшая из них неверная оценка своих собственных сил и возможностей. Немаловажную роль играли также обстоятельства, всевозможно осложнявшие службу в этой должности. В первую очередь необходимо учитывать стороннее воздействие, которое регулярно оказывалось дворянами-помещиками на мировых посредников [5, с. 239-241; 7, с. 51-53; 2, с. 561; 28, с. 5; 1, с. 811; 8, с. 91-93]. С подобной ситуацией напряженного, иногда даже многолетнего конфликта с дворянским сословием, выходцами из которого были и сами чиновники, мог справиться не каждый мировой посредник.

Еще одним из часто приводимых доводов в пользу отставки упоминались домашние обстоятельства, препятствовавшие дальнейшему несению службы [3, д. 47, л. 49, л. 174; д. 116, л. 28, 19, с. 1]. Хотя сам по себе аргумент представляется довольно малоконкретным, тем не менее, имели место случаи с подробным объяснением такого рода причин. Примечателен эпизод, когда мировой посредник четвертого участка Карачевского уезда Сергей Владимирович Блохин обратился к начальнику губернии с просьбой об отстранении от должности «по некоторым домашним обстоятельствам» [3, д. 47, л. 49]. Чиновник сообщал губернатору Н.В. Левашеву, что ему необходимо надолго уехать в свои имения, находившиеся в Пензенской и Саратовской губернии [3, д. 47, л. 98]. Мировой посредник просил найти ему замену в ближайшее время, так как всю документацию С.В. Блохин хотел «сдать лично приемнику, объяснив ему всё, чтобы участок не почувствовал перемены посредника» [3, д. 47, л. 98 об.]. Просьба была рассмотрена губернатором и удовлетворена. Соответствующие бумаги были направлены в Сенат, после чего последовало постановление об увольнении С.В. Блохина [3, д. 47, л. 154].

Еще одной причиной, по которой мировые посредники отказывались от этой должности, был переход на новую службу. Так, например, трудившийся на пятом участке Карачевского уезда Федор Никонорович Хитрово направил начальнику губернии Н.В. Левашеву прошение об увольнении из числа посредников в связи с его назначением предводителем дворянства [3, д. 47, л. 1]. Решение оставить службу принял также один из чиновников Севского уезда, Владимир Кириллович Лазаревич, так как он был избран в участковые мировые судьи [3, д. 149, л. 56]. Должность мировых судей, введенная в 1864 г., привлекла многих активных мировых посредников, проделавших существенную часть работы по реализации основных идей крестьянской реформы в период с 1861 по 1864 г. Именно в качестве мировых судей дея-

тельные и равнодушные чиновники увидели возможность продолжения своей активной работы на благо страны [8, с. 91-93].

Кроме того, причиной отстранения от должности мировых посредников являлся процесс сокращения мировых участков в уездах, и, соответственно, посредников, выполнявших свои обязанности в пределах упраздненного участка [19, с. 4; 20, с. 1]. Уже в феврале 1864 г. на заседании Орловского губернского по крестьянским делам присутствия, на основании Высочайшего постановления, объявленного в циркуляре министра внутренних дел от 1 августа 1863 г., было признано необходимым сократить количество мировых участков в Карачевском уезде: упразднить третий и четвертый мировые участки. Министр внутренних дел согласился со сделанным на этот счет предложением, и мировые посредники были отстранены от занимаемых должностей [18, с. 1].

Обобщая материалы протоколов Сената о назначении и увольнении чиновников, материалы уставных грамот, прошения, адресовавшиеся начальнику губернии, можно сделать ряд общих выводов. Между спецификой функционирования института мировых посредников, особенностями деятельности чиновников и частыми их увольнениями во всех уездах Орловской губернии существует прямая зависимость. Почти все из обозначенных выше причин, которыми служащие объясняли свое желание оставить должность, являются следствием условий, в которых мировые посредники выполняли свои профессиональные обязанности. Это и частые конфликты интересов дворянского и крестьянского сословий, в центре которых и находились мировые посредники, и обвинения и нескрываемое недовольство помещиков-крепостников, занимавших, в том числе и административные должности в уезде, и частое стремление крестьян отстаивать свои интересы не самыми миролюбивыми способами. Давление этих обстоятельств на чиновников усугублялось и их профессиональными обязанностями: постоянными разъездами по вверенному участку для составления, проверки и введения в действие уставных грамот, разрешения споров и конфликтов и т. д.

Очевидно, что часть из назначенных на должность чиновников не была готова к такой интенсивной деятельности, что и служило поводом для многочисленных прошений об увольнении со стороны мировых посредников. К решению оставить должность подталкивали и недовольные реформой помещики [5, с. 247-250]. При этом ситуация могла быть смоделирована таким образом, чтобы создавалось впечатление добровольности мирового посредника в намерении оставить службу. Чиновники объясня-

ли свое решение болезнью или домашними обстоятельствами, то есть факторами, удостовериться в которых было довольно затруднительно.

Рассмотренные обстоятельства неизбежно вели к общему разрушению института посредников и его упадку. Впрочем, он замышлялся правительством в качестве временного органа, в течение нескольких лет успешно выполнял основную часть возложенных на него обязанностей, заложив основы процесса освобождения крестьян. Таким образом, кризис должности мировых посредников и критика института представляется закономерным явлением. Служба в качестве мирового посредника в скором времени перестала интересовать образованных, деятельных и активных людей, на смену им часто приходили равнодушные чиновники, чьи обязанности в большинстве своем, к концу 1860-х гг. и началу 1870-х гг., носили формальный характер, однако продолжали щедро оплачиваться. Большинство из них рассматривало должность как некую синекуру, что и стало вполне обоснованным поводом и главной причиной для критики института посредников со стороны общественности. Заметная разница между чиновниками первого и последующих составов говорит о важной роли мировых посредников, которые участвовали в крестьянской реформе в первые годы ее реализации, несмотря на всю сложность сопутствующих обстоятельств и особенностей непростой деятельности. В каждой губернии на эту должность назначались в своем большинстве люди, всецело соответствовавшие этому званию. Именно благодаря деятельности таких мировых посредников, активных участников крестьянской реформы, процесс ее реализации был осуществлен без существенных социальных потрясений.

Список источников и литературы

1. Безвестный П. Из дневника мирового посредника 1861–1862 года // Русский вестник. 1863. Т. 46. Август. С. 794-820.
2. Броневский Д.Д. Из записок мирового посредника былого времени // Русский архив. 1901. Кн. 2. Вып. № 8. С. 545-562.
3. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 36. Оп. 1.
4. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 36. Оп. 3.
5. Корнилов А.А. Деятельность мировых посредников // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 237-252.
6. Мациевич Л. Хвалебная песнь мировому посреднику. 1873 // Русская старина. 1878. № 5. С. 190-191.
7. Мировой посредник. 1863. № 5.
8. Н. А. К. Мировые посредники первого призыва // Исторический вестник. 1904. № 97. С. 88-100.
9. Нарпенский В. Отрывки из записок мирового посредника // Эпоха. 1864. Август. № 8. С. 1-52.

10. Орловские губернские ведомости. 1862. № 5. 3 февраля.
11. Орловские губернские ведомости. 1862. № 25. 23 июня.
12. Орловские губернские ведомости. 1862. № 31. 4 августа.
13. Орловские губернские ведомости. 1863. № 5. 2 февраля.
14. Орловские губернские ведомости. 1863. № 10. 9 марта.
15. Орловские губернские ведомости. 1863. № 11. 16 марта.
16. Орловские губернские ведомости. 1863. № 43. 26 октября.
17. Орловские губернские ведомости. 1864. № 4. 25 января.
18. Орловские губернские ведомости. 1864. № 24. 13 июня
19. Орловские губернские ведомости. 1864. № 26. 27 июня.
20. Орловские губернские ведомости. 1864. № 33. 15 августа.
21. Памятная книжка Орловской губернии. 1864 г. Адрес-календарь. 85 с.
22. Памятная книжка Орловской губернии. 1868 г. Адрес-календарь. 101 с.
23. Памятная книжка Орловской губернии. 1870 г. Адрес-календарь. 141 с.
24. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание II. Т. 36. № 36660.
25. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание II. Т. 36. № 36770.
26. Половцов. А.А. Дневник мирового посредника Александра Андреевича Половцова // Русская старина. 1914. Февраль. Т. 157. № 2. С. 297-305.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 858.
28. Филиппов К. Заметки мирового посредника. СПб., 1867. 24 с.

Сведения об авторе:

Новикова Алина Владимировна – аспирант, кафедра отечественной истории, факультета истории и международных отношений, Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alinovi@inbox.ru

Novikova Alina Vladimirovna – a postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia),
E-mail: alinovi@inbox.ru

THE PROCESS OF APPOINTMENT AND THE MAJOR REASONS FOR DISMISSAL OF PEACE ARBITRATORS (based on papers of Orel province)

Abstract: The article is devoted to process of appointment of peace arbitrators in Orel province and, also peculiarities of selection of them for post. The author studied in detail the main conditions and peculiarities of activities of peace arbitrators on the basis of archival, memoir sources and the regional periodicals. Besides, on the basis of processed documents the author managed to find out the main reasons why the peace arbitrators had made a decision to leave their service.

Keywords: abolition of serfdom, peasant reform, post-reform Russia, charters, peace arbitrators, local administration, estates, local nobility, peasantry.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЛОВСКОГО ДВОРЯНСТВА ПО РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНИЙ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

Н. Н. Буляк (БГУ)

Аннотация: статья посвящена деятельности губернских комитетов в Орловской губернии. Комитеты представляли собой дискуссионную площадку для местного дворянства при обсуждении будущих преобразований и отмены крепостного права. Деятельность Орловского губернского комитета позволяет нам изучить обстановку, сложившуюся в губернии перед реформой, рассмотреть основные вопросы, которые волновали дворянство и оценить их страхи в преддверии кардинальных преобразований.

Ключевые слова: дворянство, крестьянство, губернские комитеты, Орловская губерния, Орловский губернский комитет.

Реформа 19 февраля 1861 г. оставила заметный след в истории Российского государства и общества. При разработке этой инициативы не последнюю роль сыграло провинциальное дворянство, а главным проводником их идей и мнений стали губернские комитеты.

Рассмотрение работы дворянства в губернских комитетах является очень важным для понимания сущности реформы 19 февраля 1861 г. Особую актуальность сохраняют вопросы, которые рассматривало местное дворянство при разработке проекта Положений по улучшению быта крестьянства. Анализ проектов губернских комитетов позволяет увидеть взаимоотношение правительства и помещичьего дворянства в ходе подготовки реформы, а также определить широкий спектр мнений по отношению к предстоящим изменениям.

Создание губернских комитетов началось 20 ноября 1857 г. Связано это было с рескриптом на имя генерал-губернатора В.И. Назимова. Поводом к составлению этого документа послужило решение инвентарных комитетов Виленской, Ковенской и Гродненской губерний по освобождению крестьян. Составленные по этому поводу бумаги вместе со своим заключением В.И. Назимов отослал министру внутренних дел 25 сентября 1857 г. Тогдашний министр С.С. Ланской сообщил об этих решениях Александру II, предлагая создать губернские комитеты под началом уже оформленного Секретного комитета [4, с. 72].

Губернские комитеты состояли из одних дворян, во главе их находились губернские предводители дворянства. Так в Орловской губернии его возглавлял камергер Виктор Владимирович Апраксин, его заместителем являлся дмитровский уездный предводитель дворянства гвардии полковник Иван Михайлович Хлюстин.

Орловский, как и большинство остальных губернских комитетов, сформировался из местных помещиков, из расчета два выбранных на дворянском собрании представителя от каждого уезда. Кроме этого из местных помещиков в его состав были включены два члена Орловского комитета от правительства [2, с. 27-29]. Они назначались из расчета, что будут защищать крестьянские интересы и назначались губернатором. В Орловской губернии ими стали В.К. Ржевский и Н.П. Данилов, которые отличались совершенно противоположными взглядами по многим из возникавших вопросов предстоящей реформы.

Каждый губернский комитет включал в себя чаще всего две различные, по своему отношению к предстоящим преобразованиям, группы дворян. Первая была консервативно настроена, твердо отстаивала основы крепостного права и не желала его отмены, а если и допускала реформу то на условиях, наименьших потерь для дворянства. Вторую группу составляло либерально настроенное дворянство. Оно имело свое представительство практически в каждом губернском комитете. Численность ее была значительно меньше, и хотя эта группа избранников также ратовала за максимальное сохранение помещичьих привилегий, но при этом старалась соблюсти и права крестьянства. При обсуждении проектов в большинстве своем дворянство делилось на группы единомышленников, образуя так называемые «большинство» и «меньшинство».

Изначально правительство намеревалось предоставить комитетам полную свободу при разработке основных Положений, но в марте 1858 г., когда к работе приступил только Петербургский комитет, было принято решение объединить работу и выработать одинаковые для всех формуляры проектов, чтобы облегчить возможность составления единого свода [5, с. 152].

Ключевой обязанностью, возложенной на губернские комитеты, являлось изыскание способов к улучшению быта помещичьих крестьян на следующих основаниях: помещикам сохранялось право собственности на землю, но крестьянам оставлялась их «усадебная оседлость», которую они, в течение определенного времени, должны были приобрести в собственность посредством выкупа [2, с. 27-29]. Таким образом, царский рескрипт, взятый за основу преобразований, был противоречив в своей

основной части, касавшейся будущих собственников земли. «Вся земля признавалась собственностью помещиков, но одновременно ее часть в виде усадеб владелец должен был продать крестьянам, а еще определенные участки предоставить им в пользование» [1, с. 100].

Основной и первостепенной задачей участников Орловского губернского комитета стало создание проекта по улучшению крестьянского быта [10, с. 19-31]. Сохранившийся текст этого проекта, составленного орловским дворянством, позволяет понять его настроения накануне реформы, показывает наиболее волновавшие помещиков вопросы, страхи перед переменами, которые готовило для них правительство.

Первым вопросом являлось дарование крестьянам основных личных прав. Именно в этом пункте предстоящей реформы заключалось правовое «раскрепощение» населения. Нужно отметить, по поводу этого вопроса разгорелись менее жаркие споры в губернских комитетах, в сравнении с дискуссиями по остальным проблемам. Это было связано с тем, что этот вопрос фактически был решен правительством, выглядел однозначным и жарких споров не требовал.

Что же представляло дарование личных прав и свобод крестьянам? В проекте Орловского губернского комитета этому положению были посвящены первые две главы. В них сказано, что после отмены крепостного права все крестьяне Орловской губернии получают наименование срочно-обязанных, и им представляются личные и имущественные права, присвоенные другим податным сословиям [10].

Пояснения относительно личных прав помещичьих крестьян члены губернского комитета дают в записке «В чем состоит предложенное комитетом улучшение быта помещичьих крестьян». В ней говорится о том, что с прекращением крепостного права, крестьяне получают все гражданские права, оставаясь временно прикрепленными к земле. При этом крестьяне получили право перехода целыми селениями или отдельными лицами в другие сословия и общества, без согласия помещика и своего общества. Исходя из этого, члены комитета отмечали, что «с предоставлением сего права срочно-обязанным крестьянам, действительное улучшение их быта произойдет в том отношении, что каждый из них может распоряжаться трудом своим сообразно личным способностям и достоинствам» [3].

Нужно отметить, что по этому вопросу мнения консервативно настроенного большинства и либерально настроенного меньшинства Орловского губернского комитета практически совпадали. Несущественное отличие двух проектов заключалось в том, что в проекте меньшинства не

было ограничения права крестьян на выход отдельными семействами и лицами в другие общества и сословия, с получением на то согласия помещика. Хотя можно отметить, что и в проекте меньшинства оставался «островок» зависимости крестьян от помещика в разрешении вопроса о предоставлении личных прав. Так, изложенное в § 5 проекта право крестьянина пользоваться защитой помещика, не давая ему на это доверенности, являлось попыткой сохранения прежнего положения зависимости крестьян от своего бывшего хозяина [6].

Следующим был вопрос о распределении земли. К нему можно отнести следующие проблемы: предоставление, размер и плата за земельный надел, а также усадебная оседлость крестьян. Основная проблема заключалась в том, что земля оставалась для помещика главным источником дохода.

Абсолютное большинство землевладельцев отказывалось передавать землю крестьянам, в том числе и за выкуп. Идеалом для них была реформа отмены крепостного права в Прибалтийских губерниях в начале XIX в. Однако либерально настроенное меньшинство в данном вопросе проявляло осторожность. Проект Положения и другие документы, подготовленные членами губернских комитетов, наиболее полно отразили разные стороны земельного вопроса. Именно благодаря просмотру споров и противоречий, сложившихся в ходе обсуждения, выявляется правдивая картина тех социальных взаимодействий и проблем, которые существовали в тот период времени.

В § 24 проекта Положения сказано: «Помещикам сохраняется неприкосновенность права собственности на всю землю на основании коренных законов Империи и Высочайшего рескрипта, от 16 марта 1858 г.» [8]. В Высочайшем рескрипте Александра II на имя начальника Орловской губернии в качестве одного из главных оснований будущей реформы выделялось то, что права собственности на землю сохранялись за помещиком, но за крестьянами сохранялась их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени должны были приобрести в собственность посредством выкупа. Сверх того планировалось предоставить в пользование крестьян необходимое для обеспечения их существования и для выполнения обязанностей перед государством количество земли, за которое они или обязаны платить оброк, или отбывать работу у помещика [2].

В обзоре оснований, принятых при составлении проекта об улучшении быта помещичьих крестьян Орловской губернии, члены губернского комитета раскрывали сущность изложенных в проекте оснований. Так, по

поводу оставления за помещиком права собственности на землю члены комитета ссылались на законодательство Российской империи и на вотчинное право помещика, которое должно было быть сохранено. В заключительном решении вопроса о сохранении прав помещиков на землю комитет признал, что с прекращением обязательного труда или обязательного оброка крестьян, права помещика на землю должны быть возвращены.

Начальник Орловской губернии в своем мнении о проектах Положений Орловского губернского комитета отмечал «В главе III о вотчинных правах помещика Комитету предстояло согласить два существенных условия в устройстве дела, на данных основаниях: неприкосновенность права собственности помещика и ограничения этого права относительно той части помещичьей земли, предоставляется крестьянам в пользование» [6].

В обоих проектах Положения (большинства и меньшинства) правам помещика на землю уделено большое внимание, так как они играли важную роль в жизни. Согласно §§ 27, 28 и 29 проекта Положения (большинства) за помещиками оставался широкий круг прав на землю, отводимую крестьянам в пользование. Начальник Орловской губернии в своем «мнении о проектах Положений» по данному поводу отмечал, что крестьяне из-за этого не будут постоянно уверены в своем пользовании отданными им участками, что приведет к ослаблению «заботливости» к удобрению полей и улучшению всего хозяйства в целом.

Несмотря на то, что в проекте Положения вся собственность на землю принадлежала помещикам, крестьянам выделялся земельный надел. В § 81 проекта, крестьянам он предоставлялся в пользование на весь срочно-обязанный (двенадцатилетний) период, сверх усадебной земли. Земля, предоставляемая крестьянам в пользование, согласно проекту делилась на: «присельную» и «полевую». Под «присельной» члены комитета понимали землю, примыкавшую к крестьянским усадьбам (конопляники и выгоны). Под «полевой землей» подразумевались пахотные и сенокосные. Леса, неудобные для распашки или сенокоса, в состав крестьянского надела не входили и оставались в собственности помещика.

Основанием для определения размера крестьянского надела принималась одна ревизская душа, согласно X ревизии. На каждую ревизскую душу мужского пола, по проекту, приходилось 2 десятины земли [10], хотя для уравнивания надела была принята ревизская душа. Для большего удобства расчета повинностей члены Орловского комитета собирались разделить землю, взяв за единицу тягло, которая имела широкое распространение и была более удобна для помещика, связывая его с привычным образом ведения хозяйства. Однако, чтобы не нарушить ус-

тоявшееся хозяйственное устройство тягловый участок предполагалось сделать не одинакового для всех размера, но от 5 до 6,5 десятин [10].

В приложении № 7 к проекту: «Записка в чем состоит предложенное комитетом улучшение быта помещичьих крестьян» члены Орловского губернского комитета отмечали, что данная мера земельного надела (2 десятины) заключает в себе выгоду от того, что открывает крестьянам способы, не оставляя земледелия, свободно распоряжаться своим временем, для занятия разного рода промыслом [3]. Однако Орловский гражданский губернатор отмечал: «При назначенном наделе у крестьян нередко может оказаться такое количество пахотных полей, которое будет не достаточно для их продовольствия. Во всяком случае, при предложенном наделе земли будут возникать жалобы крестьян, на лишение их способов к существованию, – особенно в тех имениях, где они пользовались достаточным количеством земли. Это было бы уже не улучшением, а стеснением их быта» [6].

Подобную позицию по данному вопросу имел также представитель правительства в Орловском губернном комитете Н.П. Данилов: «Такой надел в общей его сложности гораздо меньше ныне существующего, в этом легко удостовериться не только по практическому знакомству с местным положением разрабатываемого вопроса, но даже и по недавно собранным в Министерстве Внутренних Дел официальных данных» [8].

Нужно отметить, что большинство процедур в отношении выделения надела земли крестьянам должно было осуществляться с согласия помещика. Он мог утверждать участки крестьянских наделов, проводить их увеличение по мере прирастания населения, изымать земельный надел для разработки полезных ископаемых и для использования под собственные нужды.

Практически не обсуждался вопрос о передаче земельного надела крестьянам в собственность. Видный деятель орловского дворянства В.А. Краинский, отмечал: «Выкуп крестьян с землей едва ли возможен в настоящее время, ибо он потребует от государства таких средств, которые оно, не успело приготовить, так что подобное громадное предприятие, хотя бы оно прошло по желанию демократов, все разлагающих гражданское общество, факты нарушения права собственности, способны привести к несостоятельности государства» [7]. Нужно отметить, что консервативно настроенная группа орловского дворянства в отношении вопроса наделения крестьян земельной собственностью стояла на крайне реакционных позициях, некоторые из них считали, что крестьянам вообще не следует выделять землю.

«Обязательные отводы земель в Молдавии, Эстляндской и Лифляндской губерниях, оказались по данному опыту стеснительными и вредными в равной степени как для помещиков, так и для крестьян, тогда как отдача земель, по добровольному согласию в Курляндии, доставила взаимное спокойствие обеим сторонам. Следовательно, нет никакого повода, минуя лучшее, выбирать пример, осужденный опытом», – заявляло дворянство Брянского уезда [12].

Продолжением земельного вопроса являлось определение усадебной оседлости крестьян. Проект Положения, сформированный орловскими дворянами, определял крестьянскую усадебную оседлость, как жилые и хозяйственные строения крестьянского двора, с землей, на которой он расположен и приусадебном участком. Размер усадьбы, согласно проекту Положения, должен был составить 600 саженей [10]. Очень важным моментом стал тот факт, что земельный участок крестьяне могли приобрести в собственность посредством выкупа, но и здесь были значительные ограничения. Земля под огородом и конопляники, а также отдельные крестьянские выгоны, относились к разряду земель «присельных» или к усадьбам прилегающих, предоставлялись они крестьянам в постоянное пользование за повинности, но выкупу не подлежали. Данным разрядом земли крестьяне могли пользоваться до тех пор, пока оставались на прежнем месте оседлости [10].

Ограничивалось право выкупа усадебной оседлости и по кругу лиц, которые могли провести эту операцию. Так, приобрести в собственность усадьбу, согласно проекту Положений, могли только лишь крестьяне-землевладельцы. Иные категории лиц («бобыли», отставные солдаты и другие лица, не наделенные землей) права на выкуп усадьбы не имели. Начальник Орловской губернии по поводу данного момента отмечал, что: «Несправедливо запрещается в обоих проектах выкуп усадебной оседлости "бобылям" и лицам, не наделенным земельными участками. Кто из принадлежащих к имению лиц имеет у себя двор с огородом, и прочим хозяйственным устройством, тот не может быть лишен права на выкуп усадьбы» [6].

Лица, которые имели право на выкуп, должны были произвести эту операцию в течение 12 лет после вступления Положения в силу. Орловским дворянством в ходе работы был установлен размер выкупа усадебной земли. Члены комитета в оценку земли вложили два компонента: стоимость усадебной земли и стоимость жилых и хозяйственных строений.

Оценка усадебной земли в Орловской губернии должна была производиться с учетом средней цены, установленной при оценке помещичьих

имений. Цена за землю по губернии не была однородной. Так, для восточных степных уездов Орловской губернии (Елецкого, Ливенского, Малоархангельского и Орловского) плата за усадебный надел составляла 240 руб. за десятину. В лесостепных уездах Орловской губернии (Болховском, Дмитровском, Севском, Карачевском) плата за усадебный надел составила 350 руб., а для лесных уездов губернии (Брянском, Трубчевском, части Карачевского) – 520 руб. Это обстоятельство, помимо мнения дворянства о ценности земли, показывает экономические приоритеты губернии в 60-х годах XIX века [10]. Неоднородная оценка земли допускалась в виду вознаграждения помещика за промысловые выгоды, которыми пользовались крестьяне в виду расположения имения. «Принятая Комитетом оценка земли не подкрепляется достаточными основаниями и притом не может быть одинакова для всех местностей обозначенных уездов» [6], – отмечал орловский гражданский губернатор В.И. Сафонович.

Вторым компонентом стоимости усадебной оседлости, как отмечалось ранее, стала цена жилых и хозяйственных строений. Её определение также было неоднородным. В итоговом проекте Положений помещичьих имения для оценки стоимости крестьянских строений предлагалось разделить на три разряда: первый разряд – поселения, в которых более половины крестьянских построек находились в исправном состоянии; второй разряд – поселения, где одна треть построек находились в исправном состоянии; третий разряд – поселения, в которых менее одной трети было исправных построек.

Нужно отметить, что приведенные выше цифры, очевидно, надуманные. Об этом можно судить по тому, что члены меньшинства в комитете в своем проекте Положений затруднялись в оценке крестьянских строений, справедливо отмечая, что большая часть их возведена самими крестьянами за свой счет или с весьма незначительной помощью помещика. Исходя из этого, меньшинство в Орловском губернском комитете предлагало не назначать общих цен строениям, а предоставить это решать помещику и крестьянам посредством добровольного соглашения [6].

Как мы видим, земельный вопрос являлся важнейшим в деятельности Орловского губернского комитета. На его основе разгорелась дискуссия и возникли ключевые противоречия, но главным здесь является всё же то, что практически все орловское дворянство стояло на позиции защиты вотчинных прав помещиков на землю. Крестьянам же, юридически получавшим свободу, предоставлялось лишь право пользоваться земельным наделом на определенный срок. Ни о какой собственности на землю не было и речи при обсуждении орловским дворянством проекта

Положений будущей реформы. В собственность крестьяне могли приобрести только усадьбу и то за приличную стоимость.

Третьим, не менее важным, чем два предыдущих, стал административный вопрос. Его можно также разделить на две составляющие: во-первых, это повинности, а, во-вторых, это само административное устройство. Важным моментом здесь становились будущие взаимоотношения в деревне. До реформы помещик был для своих крепостных всем. И соответственно встал вопрос, на каких условиях будет проходить сосуществование живущих бок о бок представителей этих сословий.

Первой составляющей административного вопроса стали повинности. Согласно проекту Положения, повинности крестьян должны были делиться на два рода: повинности в отношении казны и повинности помещикам за предоставленную землю [10].

К казенным повинностям члены Орловского губернского комитета отнесли государственную подать, земские повинности, сборы на обеспечение народного продовольствия. Дворянами, членами комитета, в проекте Положения были установлены и детально прописаны размеры казенных повинностей и сроки уплаты.

В контексте данной статьи нас более интересуют повинности второго рода, те, которые крестьянству предстояло платить помещику. В § 137 проекта Положения по улучшению крестьянского быта сказано: «Крестьяне за отведенные им в пользование полевые земли и невыкупленные усадьбы, отбывают в течение всего срочно-обязанного периода (12 лет), повинности к помещику» [10]. Проект Положения делил повинности крестьян к помещику на три вида: денежные, натуральные и смешанные.

Размер повинностей основывался на ценности усадьбы, поземельных угодий и промышленной выгоды местности. Нужно отметить, что размер повинностей в отношении помещика был неоднородный и зависел от местонахождения уезда. Для определения денежной и натуральной повинности Орловская губерния, как и в случае с выкупом усадебной оседлости, делилась на три полосы: восточную, среднюю и западную. В основу деления вкладывалась ценность земли и промышленный характер местности.

С повинностями был связан и второй компонент вопроса, непосредственное административное устройство, так как одной из главных задач будущего устройства послереформенной деревни стало бы надлежащее исполнение повинностей, возложенных на крестьян.

Члены комитета предполагали, что после проведения реформы срочно-обязанные крестьяне каждого уезда объединялись в сельские

общества и подчинялись в административном и судебном отношениях особому местному управлению. Под местным управлением члены комитета имели в виду Сельский приказ, который должен был действовать в каждом обществе. Орловское дворянство в своей работе над проектом Положений также детально прописало будущее административное устройство и все мелочи будущих взаимоотношений в деревне после реформы. В главах VIII и IX проекта члены комитета выдвинули предположения касательно устройства «Сельских обществ», состава «Сельского управления», порядка избрания и утверждения «Мирных судей», а также обозначили круг их полномочий.

Важным моментом при обсуждении стало то, что само правительство непосредственно брало на себя решение данного вопроса. Так, в циркуляре министра внутренних дел от 20 марта 1858 года было сказано, что правительство занималось уже составлением Положения об образовании местных по уездам присутствий, о составе и порядке их действий, поэтому комитет мог оставить без обсуждения этот важный предмет, касавшийся не местного, а общего устройства. Впоследствии из министерства был сообщен список с Высочайшим повелением от 26 марта с изложением главных начал, на которых должны были быть устроены уездные полиция и учреждения для разбора споров между помещиками и крестьянами [6].

Исходя из этого, обсуждение вопроса об административном устройстве фактически не имело никакого значения. Тот факт, что, несмотря на это, члены комитета, как отмечалось ранее, весьма детально проработали вопрос об административном устройстве, показывает значимость вопроса для местного дворянства. Из проекта Положений видно, что главную ставку орловское дворянство сделало на свое участие в избрании будущих местных органов управления. Немаловажным моментом стало то, что по административному вопросу мнения большинства и меньшинства членов были одинаковыми.

Исследование деятельности губернского комитета Орловской губернии, позволяет нам проанализировать местные хозяйственные отношения, а также показывают истинные интересы дворянского сословия. Выработанные в ходе работы комитета документы позволяют оценить ожидания и страхи дворянства от предстоящих преобразований, оценить социально-экономическую и хозяйственную структуру губернии.

Документы, выработанные в ходе деятельности губернского комитета, показывают также взаимоотношение правительства и дворянства, их интересы, которые совершенно не совпадали. Немаловажным являет-

ся тот факт, что из разработанного членами Орловского губернского комитета проекта Положения до самой реформы 19 февраля 1861 г. в первоизданном виде не дошел ни один параграф. Все три основных вопроса (освобождение крестьян, земельный вопрос, административный вопрос) приобрели совершенно иную структуру и содержание. Это обстоятельство можно трактовать по-разному, но в первую очередь нужно отметить то, что правительство, дав дворянству относительную свободу действий, в итоге решило всё по-своему, проигнорировав интересы как дворянства, так и крестьянства.

При рассмотрении проекта будущей реформы по улучшению крестьянского быта орловское дворянство в первую очередь заботилось о собственных выгодах. Из проекта Положений видно, что главной целью дворянства было обезопасить себя в грядущих переменах, а также сократить финансовые риски и потери, связанные с предстоящей реформой. Как показало время, страхи дворянства оказались не беспочвенными.

Список источников и литературы

1. Блохин В.Ф. Участие орловского дворянства в «Определении главных начал для улучшения быта помещичьих крестьян» (1858–1859 гг.). Брянск: Курсив, 2013. 160 с.
2. Высочайший рескрипт, данный 16 марта 1858 г., на имя начальника Орловской губернии // Орловское дворянство в разработке проектов по «улучшению быта помещичьих крестьян». 1858–1859 гг. Реализация реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии. Документы и материалы / Под общ. ред. В. Ф. Блохин. – Брянск: Курсив, 2011. С. 27-29.
3. Записка в чем состоит предложенное Комитетом улучшение быта помещичьих крестьян Орловской губернии. // Материалы губернских комитетов об устройстве быта помещичьих крестьян. Олонецкой, Орловской, Оренбургской, Самарской губерний. Б. м. [1859–1861].
4. Захарова, Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856 - 1861. М., 1984. 256 с.
5. Корнилов А.А. Губернские дворянские комитеты 1858–1859 гг. // Великая реформа, 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., Изд-во И. Д. Сытина, 1911. Т. IV.
6. Мнение начальника Орловской губернии о проектах положений Орловского комитета // Материалы губернских комитетов об устройстве быта помещичьих крестьян. Олонецкой, Орловской, Оренбургской, Самарской губерний.
7. Мнение члена Орловского комитета В. Краинского // Материалы губернских комитетов об устройстве быта помещичьих крестьян. Олонецкой, Орловской, Оренбургской, Самарской губерний. Б. м. [1859–1861].
8. Мнение члена от Правительства Данилова о двух проектах Положения, составленных в орловском дворянском комитете по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян // Материалы губернских комитетов об устройстве быта помещичьих крестьян. Олонецкой, Орловской, Оренбургской, Самарской губерний. Б. м. [1859–1861].
9. Программа занятий губернских дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян // Орловское дворянство в разработке проектов по «улучшению быта помещичьих

крестьян». 1858–1859 гг. Реализация реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии. Документы и материалы / Под общ. ред. В.Ф. Блохина. Брянск: Курсив, 2011. С. 19-31.

10. Проект Положения об улучшении быта помещичьих крестьян Орловской губернии (проект большинства) // Материалы губернских комитетов об устройстве быта помещичьих крестьян. Олонецкой, Орловской, Оренбургской, Самарской губерний. Б. м. [1859–1861].

11. Проект Положения об улучшении быта помещичьих крестьян Орловской губернии (проект меньшинства) // Материалы губернских комитетов об устройстве быта помещичьих крестьян. Олонецкой, Орловской, Оренбургской, Самарской губерний. Б. м. [1859–1861].

12. Свод предметов, обративших на себя внимание Орловского Дворянства и Комитета // Материалы губернских комитетов об устройстве быта помещичьих крестьян. Олонецкой, Орловской, Оренбургской, Самарской губерний. Б. м. [1859–1861].

Сведения об авторе:

Буляк Николай Николаевич – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, bulak1992@yandex.ru

Bulyak N.N.

The activity of Oryol nobles in developing the draft of positions in improvement of the life of the landlord peasants

Abstract: The article is devoted to the activity of the provincial committees in Oryol province. The committees were presented deliberative area for the local nobles by discussion about future reforms and abolition of serfdom. The activity of Oryol provincial committee let us study the established situation in the province before the main reform, take a view of the main questions which were upset the nobles and see their fears in the lead of cardinal reforms.

Key words: nobles, peasantry, provincial committees, Oryol province, Oryol provincial committee

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУПРУГОВ В РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Д. Ф. Смагина (БГУ)

Аннотация: в статье рассматриваются права и общественное положение супругов в пореформенной России и викторианской Британии, а также проводится сравнительный анализ их социально-правового статуса. Отмечается, что при главенстве мужчины в общественных отношениях обеих стран, замужние женщины в Российской империи обладали большей юридической самостоятельностью, нежели женщины Великобритании. При этом обращается внимание на то, что в отличие от британской правовой системы второй половины XIX в., российское семейное законодательство в этот период не претерпело значительных изменений.

Ключевые слова: брак, права супругов, имущественные права замужней женщины, семейное законодательство, личные и имущественные отношения между супругами.

Изучение семейной организации позволяет нам проследить механизм взаимодействия и взаимовлияния семьи, общества и государства. Семья, будучи неразрывно связанной с историей народа, так или иначе реагирует на изменения, происходящие в обществе. Будучи одним из важнейших общественных институтов, семья не только воспроизводит, но и воспитывает, социализирует новые поколения. Усиление внимания к семейно-брачной тематике можно объяснить как интересом общества к гендерной проблематике и социальной жизни прошлого в целом, так и социальной значимостью историко-демографических исследований ввиду кризиса семьи в современном мире.

Цель исследования заключается в рассмотрении прав и обязанностей супругов в пореформенной России и викторианской Британии, их статуса в обществе, и в проведении сравнительного анализа полученных данных. Эти страны выбраны не случайно, поскольку Великобритания в этот период была одной из самых развитых стран мира и являла собой некий эталон индустриальной державы, в то время как Российская империя находилась на этапе перехода к индустриальному обществу, сохраняя в общественных отношениях много патриархальных черт. Тем не менее, было бы неправильным утверждать, что брачно-семейные отношения в Великобритании находились на более высокой ступени развития. Сравнение института се-

мы, в частности – положения супругов в этих странах дает нам возможность выделить как общие черты, характерные для эпохи, так и специфические национальные особенности социально-правового статуса индивидов, заключивших брак.

Вступление в брак во второй половине XIX в. все еще было значительным событием в жизни человека. Установки на заключение брака были сильны во всех слоях общества, что во многом и определяло почти всеобщий характер брачности. Для обеих стран было характерно наличие концепций, подразделявших виды деятельности на «мужские» и «женские»; по сути, активность женщины в них сводилась к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, из чего можно сделать вывод, что идеи холостой жизни еще не пользовались популярностью.

Традиционные взгляды на брачно-семейные отношения находили отражение в официальном законодательстве. В условиях, когда брак и семья продолжали рассматриваться как неотъемлемая жизненная составляющая, бракосочетание существенно меняло не только отношение к человеку окружающих, но и его юридическую правомочность.

Делать выводы о социально-правовом статусе супругов мы можем, исходя из информации о правах каждого из них на владение и распоряжение имуществом, на опеку, из возможности представлять собственные интересы в суде, а также исходя из их личных обязанностей как членов семьи и отношения к ним общества.

Личные и имущественные отношения супругов в России в этот период регламентировались в рамках Свода гражданских законов. Одной из отличительных особенностей семейного права Российской империи было значительное влияние на него церкви – еще Б.Н. Миронов отмечал, что в пореформенное время церковь только усилила контроль за семейно-брачными отношениями [7, с. 46]. Общественный подъем, вызванный реформами 60-х, вызвал волну критики семейного законодательства, практически не затронутого преобразованиями. Однако сразу стоит заметить, что замужняя женщина в России традиционно пользовалась значительной правовой самостоятельностью, позволявшей ей осуществлять деятельность независимо от супруга, вплоть до открытия собственного дела*. При этом нужно подчеркнуть, что распоряжаться своей долей семейного имущества женщина могла лишь после вступления в брак, а не при наступлении со-

* Так, в статье 14 «Устава торгового» подчеркивалось, что лица женского пола причисляются к купеческим гильдиям наравне с мужчинами.

вершеннолетия [12, с. 60]; фактически, только замужество делало российскую женщину полностью правоспособной.

Все же, анализ российского законодательства, даже при наличии имущественного равноправия супругов, показывает главенство мужчины в семье, примером чего может служить то, что он передавал жене* свое звание и права состояния [9, ст. 100-101], а также определял её место жительства.

Если супруги в Российской империи пользовались имущественным равноправием, в Великобритании превосходство мужчины в семье долгое время было закреплено на законодательном уровне. Исследователями отмечается, что даже установление гражданского брака, как альтернативы браку церковному, не устраняло определяющей роли канонического права, в результате чего британские супруги долгое время рассматривались законом как единое целое [10, с. 332], причем во внешних связях от лица семьи выступал именно мужчина. Женщина в Великобритании при вступлении в брак (в случае, если не был заключен брачный контракт) утрачивала свою юридическую самостоятельность.

Право распоряжаться собственным заработком британские женщины получили только в 1870 г., с принятием Акта об имуществе замужних женщин (The Married Women's Property Act of 1870), причём распространялось его действие и на тех, кто вступил в брак до 1870 года. Не имела обратной силы часть акта, разрешавшая частичное владение имуществом (закон распространялся только на имущество стоимостью не более 200 фунтов); кроме того, отныне женщины сами отвечали по долговым обязательствам и могли представлять свои интересы в суде [15]. Отмечается, что акт 1870 г. позволял женщине сохранить владение только над некоторыми видами собственности, продать или заложить которую без разрешения мужа она все еще не могла [10, с. 333].

Полностью дееспособными женщины в Великобритании становились только после принятия расширенного Акта об имуществе замужних женщин 1882 года (The Married Women's Property Act of 1882). С момента вступления акта в силу, британские женщины могли без ограничений распоряжаться всей принадлежащей им собственностью, а также представлять собственные интересы в суде и заключать сделки независимо от мужа [16].

Описывая взаимоотношения супругов в пореформенной России, русский юрист, публицист и переводчик конца XIX - начала XX веков В. В. Быховский называл такие личные обязанности, как взаимную супружескую

* Если только она не пожелала сохранить более высокое право состояния, полученное ею при рождении или в предыдущем браке.

верность и выполнение супружеского долга, взаимопомощь и совместное проживание [3, с. 28]. Обязанность супружеского сожителства давала российским мужчинам право требовать возвращения жены в случае, если она уходила из дома. Однако женщины, в свою очередь, имели возможность получения отдельного вида на жительство – в случае, если муж страдал умственным расстройством*, был неспособен к брачному сожителству, изменял им или имел венерическое заболевание. Также получения вида на жительство можно было добиться при «неподобающем поведении» супруга: пьянстве, побоях, отказе обеспечивать семью.

Вид на жительство мог выдаваться как на определенный срок – от нескольких месяцев до нескольких лет, либо до наступления определенного условия («исправления» супруга и т. п.), так и бессрочно [3; 48]. Добившись разрешения на раздельное проживание, женщина имела право потребовать от мужа содержание**. Отдельный вид на жительство, выдаваемый церковью, могли получить и британские женщины [5, с. 14]

Сфера личных взаимоотношений между супругами обычно меньше подвергалась регламентации со стороны государства и церкви, и зачастую указания здесь сводились к размытым формулировкам. От супругов требовали взаимной поддержки и взаимоуважения, от мужа – материального обеспечения семьи, от жены – повиновения мужу. Так, согласно российскому законодательству, муж должен был «любить жену, как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять её недостатки и облегчать её немощи» [9, ст. 106]. Важными качествами для женщины и жены были скромность, смирение, терпение; по-видимому, это было связано с тем, что в российской семье лишь мужчины имели право голоса [1, с. 144-149].

В викторианском обществе женщинам отводилась роль «ангела в доме», существа, создающего уют и поддерживающего хозяйство на должном уровне, но в целом – полностью зависящего от своего супруга. Концепция «разделенных сфер» предполагала, что мужчина в семье является добытчиком, ориентированным на деятельность вне дома; жену он должен был обеспечивать уже в силу того, что согласно британскому законодательству долгое время единолично распоряжался семейным имуществом. По отношению к супруге викторианский мужчина должен был проявлять некое подобие средневековой куртуазности, всячески оберегая её от внешнего

* Но только если он получил его после вступления в брак. Статья 5 «Свода законов Гражданских» прямо запрещала заключение брака с лицом «безумным или сумасшедшим» [6, ст. 5].

** При этом исходя из его материальных возможностей [5, с. 48].

мира. Идеалом было взаимное доверие и сотрудничество мужа и жены, но на деле мужчина в своей семье был непререкаемым властителем [11, с. 107].

Ярким примером неравноправия британских супругов может служить список поводов для развода. Если в Российской империи поводы к разводу были одинаковы для обоих полов [9, ст. 45], в викторианской Британии у разных полов они различались. Мужчине достаточно было доказать суду, что жена ему изменила, в то время как женщина могла добиться расторжения брака только при наличии отягчающих обстоятельств: побоев, многоженства, или инцеста [13].

Судить о социально-правовом статусе супругов можно и исходя из их права на опеку и попечительство. В России ничто не препятствовало предоставлению женщине опекунских прав, кроме того, стать единственным опекуном она могла и при живом супруге. Так, брянская мещанка Ольга Беляева в судебном порядке сумела добиться единоличной опеки над детьми и семейным имуществом после того, как пристав подтвердил, что муж Беляевой не содержит семью, растрачивает семейную собственность и ведет разгульный образ жизни [4]. В Великобритании акт, позволяющий женщинам осуществлять опеку над детьми в случае отсутствия мужа (к примеру, если он находился в тюрьме) был принят в 1839 г. (*Custody of Infants Act of 1839*), причем к опеке допускались лишь женщины, не уличенные в прелюбодеянии. Доступ женщины к детям в случае развода либо раздельного проживания был дан лишь актом 1891 г. «Об опеке и попечительстве над несовершеннолетними» (*Guardianship and Custody of Infants Act 1891*).

Стоит упомянуть и о таком явлении, как родительская власть. Роль родителей в эту эпоху была ещё весьма велика и в воспитании детей они могли использовать все методы, какие сочтут нужными. Но если в Российской империи по уровню родительской власти супруги были равны, то в Британии ведущую роль играл всё-таки отец. Ярким примером неравноправия супругов во власти над детьми служит история Каролины Нортон. Британская писательница и феминистка не пожелала мириться с тем, что муж похитил их сыновей, запрещая ей видеться с ними, а также отказываясь дать жене развод. Исследователями отмечается, что активная общественная деятельность Нортон оказала значительное влияние на принятие законов, касающихся разводов и опеки над детьми [14] (в частности, кампании, развернутые ею в 1839 и 1857 годах, привели к принятию Акта о опеке над несовершеннолетними и Акта о брачных отношениях (*The Matrimonial Causes Act of 1857* соответственно).

В дореволюционной России жизненные стратегии, не включавшие пребывание женщины в браке, не поощрялись и воспринимались как неже-

лательные, даже неполноценные [2, с. 106; 8, с. 59]. Даже при имущественном равноправии супругов и равной родительской власти, общественным мнением признавалась главенствующая роль мужчины в семье. Подобных взглядов придерживались и в британском обществе второй половины XIX в.: культ семьи был одной из характерных черт викторианской эпохи [6, с. 55], а викторианское понимание женственности предполагала полную экономическую и интеллектуальную зависимость женщины от мужчины.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать определенные выводы о правовом положении и статусе супругов в обществе применительно к Великобритании и Российской империи второй половины XIX века. Как мы видим, общество обеих стран придерживалось сходных взглядов на супружеские отношения, но при этом в отношениях между супругами имелись и специфические национальные черты.

Вступление в брак меняло как отношение к индивиду общества, так и его правовое состояние. Так, в Российской империи только замужняя женщина могла распоряжаться своей долей семейного имущества. Особенностью России было имущественное равноправие супругов, что позволяло им иметь личную собственность и распоряжаться ею независимо друг от друга, а также равная родительская власть. В Великобритании же на протяжении долгого времени законодательство рассматривала супругов как единое целое, причем от лица семьи выступал именно мужчина; главенство мужчины сохранялось и в вопросах, связанных с детьми. Но, в то же время, британским женщинам в течение второй половины XIX в. удалось добиться значительных изменений брачно-семейного законодательства и получить значительные права, которых они были лишены раньше. В Российской империи, несмотря на заинтересованность общества, подобных изменений так и не произошло.

Список источников и литературы

1. Безрученко Т.Е. Традиции и ценностные отношения в русской семье. Рязань, 2009.
2. Белова А.В. Браки российских дворянок XVIII – середины XIX в.: между социальным принуждением и любовью // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Череповец, 2010. Т. I.
3. Быховский В.В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. М., 1912.
4. ГАБО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 122.
5. Коути Е., Гринберг К. Женщины Викторианской Англии: от идеала до порока. М., 2013.
6. Крючкова Н.Д. Женщина из среднего класса в викторианскую эпоху // Знание – сила. 2013. № 8.

7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. II.
8. Мухина З.З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.) // Женщина в российском обществе. 2010. № 3.
9. Свод законов Российской империи. Законы гражданские. СПб., 1857. Т. X. Ч. I.
10. Смирнов Е.Р., Поварова А.Е. Институт брака и правовое положение женщины в Англии XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3.
11. Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса. М., 2007.
12. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.
13. Lowe N. Grounds for Divorce and Maintenance Between Former Spouses. England and Wales [Электронный ресурс] : URL: <http://ceflonline.net/wp-content/uploads/England-Divorce.pdf> (дата обращения: 11.05.2017)
14. Perkin J. Victorian women. New York, 1995.
15. The Married Women's Property Act 1870 (33 & 34 Vict. c.93) [Электронный ресурс] : URL: <http://statutes.org.uk/site/the-statutes/nineteenth-century/1870-33-34-victoria-c-93-married-womens-property-act/> (дата обращения: 24.06.2017).
16. The Married Women's Property Act 1882 (45 & 46 Vict. c.75) [Электронный ресурс] : URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/45-46/75> (дата обращения: 24.06.2017).

Сведения об авторе:

Смагина Дарья Федоровна – магистрант кафедры отечественной истории, факультета истории и международных отношений, Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, s.khk@yandex.ru

Smagina D. F.

The social and legal status of spouses in Russia and the United Kingdom in the second half of the 19th century

Abstract: The article examines and compares the rights and social status of spouses in post-reform Russia and Victorian Britain. It was noticed that under the supremacy of men in the social relations of both countries, married women in the Russian Empire had greater legal independence than women in the UK. At the same time, attention is drawn to the fact that unlike the British legal system of the second half of the 19th century, Russian family legislation did not undergo significant changes during this period.

Keywords: marriage, the rights of spouses, the property rights of a married woman, family law, personal and property relations between spouses.

СТАНОВЛЕНИЕ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В БРЯНСКОМ УЕЗДЕ

Е. С. Фишер (БГУ)

Аннотация: В статье представлены основные изменения, произошедшие в организации земской медицины и оказании медицинской помощи в Российской империи в конце XIX–начале XX вв. Показана работа врачебных участков как основных организационных форм земской медицины. Созданная за тот период времени система медицинского обслуживания способствовала изменению и значительному улучшению медицинской помощи, а также повышению ее доступности для населения.

Ключевые слова: земская медицина, Орловская губерния, Брянский уезд, врачебное общество, врачебные участки.

Земская медицина, как форма организации медико-санитарного обеспечения медицины на общественных началах, появилась в Российской империи в связи с реформами 1860-х гг., в данном случае – земской реформой. Ее функции определялись «Положением о земских учреждениях» (1864 г.) [15, с. 1-10]. Земская администрация, решая проблему высокой смертности и предотвращая возникновение эпидемий, начала широко практиковать привлечение врачей к обслуживанию крестьянского населения. Достаточно скоро забота о «народном здравии» вышла на первый план в работе земств и составила значительную часть ее расходов.

Российская историография насчитывает немало трудов, посвященных исследованию деятельности земских лечебных учреждений, выявлению специфики их работы, недостатков и недочетов. Среди первых исследователей земской медицины были И.И. Моллесон [11], М.Я. Капустин [6], Д.Н. Жбанков [5] и др. Достаточно полное представление о деятельности земских медицинских организаций к концу XIX в. содержал коллективный труд по земской медицине Е.А. Осипова, И.В. Попова, П.И. Куркина «Русская земская медицина» (1899г.) [13].

Огромный вклад в исследование земской медицины внес историк, экономист Б.Б. Веселовский. В своем труде «История земства за сорок лет» он рассмотрел историю земского самоуправления от земской реформы 1864 года до начала XX века, возникновение и развитие земских учреждений, организацию и общие условия деятельности земских учреждений. В его исследовании приведен обширный статистический мате-

риал о расходах на земскую медицину, количестве коек в больницах, лечебницах и амбулаториях [2].

В дореволюционное время создавались работы и на основе региональных материалов по истории земской медицины. Так, И.Н. Севастьянов в работе «Вопросы земской медицины в Орловской губернии» описывал развитие системы родовспоможения, приводил статистические данные о количестве больниц и медицинского персонала [16].

Современные российские исследователи также обращаются к темам, рассматривающие различные аспекты развития земской медицины, например, М.Б. Мирский [10], В.Ю. Кузьмин [8, 9].

Тем не менее, до сих пор не воссоздана целостная картина становления и развития врачебной помощи со стороны земских учреждений населению, что, в свою очередь, не предполагает окончательной объективной оценки ее деятельности.

В данной статье ставится цель ограничиться рассмотрением отдельных аспектов функционирования земской медицины на материалах Брянского уезда Орловской губернии на рубеже веков, что в какой-то мере будет способствовать решению общей задачи.

История развития медицины на Брянщине уходит в основном в девятнадцатое столетие. В 1828 году в Брянске оказывал помощь единственный лекарь С.Е. Гиль. Лишь с 1840 года в городе начинают работать и другие врачи: Брянский городской врач А.Ф. Филимонов, городской врач Скрябинский. Из отчета А.Г. Скрябинского, который сохранился в Государственном архиве Брянской области (ГАБО), становится ясно, что в Брянске на тот момент не существовало городской больницы и любых других учреждений для приема больным. Лазарет на 5 кроватей существовал только в тюремном замке [3, л. 55].

Позже в 1870-х гг. стали открываться фабрично-заводские больницы. Так, в 1870 году силами земства в Брянске была открыта первая временная больница на десять коек для «крайне тяжелых и зараженных сифилисом», при которой был один врач – С.М. Смышляев. Затем открылись больницы рельсопрокатного и железоделательного завода.

В 1881 году был открыт приемный покой со стационаром на 10 коек в Брянском уезде к концу XIX века работа 2 врача, на каждого из них приходилось примерно по 60 тысяч человек.

Городская больница в Брянске была открыта в 1889 г. благодаря стараниям городского головы, при материальной поддержке братьев Могилевцевых. Городская больница Брянска имела 52 штатных койки (19 хирургических и терапевтических, 14 коек для заразных больных;

21 – женских и 31 – мужских), при ней была также амбулатория. Во время осенних и зимних месяцев количество больных увеличивалось до 70 человек больница принимала всех за исключением душевнобольных. Неимущие горожане могли пользоваться больницей бесплатно; за сельское население платило земство – 44 коп. в сутки за человека; желающие лечиться на свой счет платили 50 копеек в сутки [1, с. 29].

Недостатки в медицинском обслуживании населения Брянска были и достаточно серьезные. Больница располагала всего 5 комнатами, которые не могли вместить всех нуждавшихся. Хирургическое оборудование было по большей части устаревшим. В штате больницы не было фельдшерицы, что особенно ощущалось при приеме женского населения. На устранение недостатков необходимо было 5-7 тысяч руб., а у города свободных средств не было. Приходилось рассчитывать только на общественных деятелей [1, с. 29].

Только в 1899 году по предложению общества врачей на пожертвования жителей Брянска и Комитета Красного Креста была открыта амбулатория для приема «беднейшего» населения. За первый год работы было принято более семи тысяч пациентов, которые получили помощь бесплатно [19, с. 16].

Большинство губерний Российской империи в начале XX века были разделены на врачебные участки. Исключением не стала и Орловская губерния. Так, например, Брянский уезд был разделен на шесть врачебных участков. Каждый из этих участков находился в ведении одного участкового врача. Брянский уезд по причине своей большой территории и значимости – обслуживался двумя врачами.

Для постоянного местопребывания врачей во врачебных участках были учреждены врачебные пункты, при которых были устроены лечебницы. Больницы в Брянском уезде кроме этого имели хозяйственные постройки и амбулатории [14, с. 3]. Так, при Брянской земской больнице имелся заразный барак, а при Дубровской и Фошнянской лечебницах имелись изоляционные помещения для заразных и «сомнительных» случаев. Кроме того, в целях наибольшего приближения к медицинской помощи к населению и оказании ее при болезнях менее сложных и опасных для здоровья, а также в случаях, требующих экстренной, до прибытия врача, первоначальной помощи больным, уезд был покрыт сетью фельдшерских участков [14, с. 4].

Всего земских медицинских фельдшерских участков в уезде было 16, из них 10 имели отдельные пункты, где проживали фельдшера и принимали больных, а 6 помещались при врачебных пунктах из-за того,

что их районы непосредственно примыкали к этим пунктам. Фельдшерские участки, насколько позволяли условия, обслуживались фельдшерами под ближайшим наблюдением участковых врачей [14, с. 4].

Во врачебных участках врачи имели следующие обязанности: отвечали за медицинскую помощь во врачебном участке, лечение стационарных больных в лечебницах, приходящих – в амбулаториях. Кроме этого они контролировали деятельность участковых фельдшеров и прием больных на фельдшерских пунктах, выездах в селения своего участка при появлении эпидемических болезней, для помощи тяжелым больным и при осложнившихся родах. В обязанность участковых фельдшеров входило: прием амбулаторных больных на фельдшерских пунктах, выезд для оказания первоначальной, до прибытия врача, помощи тяжелым больным и при появлении эпидемических заболеваний. Больничные фельдшера помогали врачам в лечении больных в лечебницах и амбулаториях, в ведении отчетностей и письмоводства. Участковые фельдшера, пункты пребывания которых находятся при врачебных участках, самостоятельного приема амбулаторных больных не делали, а несли такие же обязанности, как и больничные фельдшера, и кроме того разъезжали по своему участку в случае надобности для соответствующей подачи медицинской помощи на домах [14, с. 5].

Прививки оспы производились населению бесплатно местным фельдшерским персоналом. Акушерки же оказывали помощь при родах в лечебницах и на дому.

Нередко при осмотрах земских больниц обнаруживалось, что сиделки и служители не имеют отдельного помещения и им приходится ютиться по коридорам больниц или при большой кухне, что нарушало порядок в больнице и не соответствовало требованиям гигиены. При больницах также не имелось квартир для всего медицинского персонала [4, с. 60].

В земской медицине реализовывался принцип бесплатности. Так как любая плата за лечение снижала обращаемость за медицинской помощью, что затрудняло земским врачам вовремя выявлять инфекционных больных. В Брянске были утверждены правила приема больных на излечение: все жители уезда, принадлежащие к числу постоянных его обывателей, а также плательщики земских сборов, за исключением г. Брянска, пользовались как больничной, так и амбулаторной помощью с выдачей лекарств по рецептам земских врачей – бесплатно. Жители г. Брянска пользовались больничным лечением и содержанием за плату в размере 80 коп. в сутки, а при амбулаторном лечении с отпуском ле-

карств из больничной аптеки с уплатой по 10 коп. с каждого подписанного местными врачами рецепта [4, с. 138].

Вопрос о расширении медицинской организации Брянского земства был заслушан на очередном земском собрании в 1913 году. Был заслушан доклад Управы, в котором была предложена особая комиссия из трех лиц - К. М. Хераскова, врачей А. Ф. Смирнова и Л. К. Абрамовича для выработки проекта разветвленной сети земских лечебниц в уезде [4, с. 55].

К лету 1914 года вышеупомянутая комиссия выработала проект расширения медицинских организаций Брянского земства. Было принято постановление устроить земские лечебницы на 10 кроватей в следующих местах: 1) в д. Капаль Снопотской волости. В состав Копальского участка входили 38 населенных мест, с население в 20500 жителей, а расстояние до ближайших врачебных пунктов Дубровского и Фошнянского составляло приблизительно 30 верст; 2) в поселке при ст. Людинка, Жукова-Акуличской ж.-д. ветви, в район участка вошли 15 населенных мест с 13000 жителей; 3) в селе Слободище, Любохонской волости, в состав которого вошли 40 селений с 14500 жителей [4, с. 58-59].

К началу Первой мировой войны в Орловской губернии, не считая медицинского персонала военного ведомства, числилось: врачей мужчин - 159, врачей женщин - 31, фельдшеров - 279, фельдшериц - 43, акушеров и фельдшериц-акушеров - 164, зубных врачей и дантистов - 66 и фармацевтов - 125 [12, с. 21].

Всех больниц и других лечебных заведений гражданского ведомства в городах и уездах губернии было 98 с 2491 кроватями. Из них земских больниц, приемных покоев и родильных отделений при больницах - 60, при учебных заведениях - 7, частных обществ и лиц - 9, тюремных больниц - 13, городских - 2, фабрик и заводов - 7 [12, с.22].

Как видно из отчетов врачей в 1915 году в лечебных заведениях Брянского земства лечилось стационарно 1879 человек больных, которые провели в них в общей сложности 27415 дней. Из общего числа стационарных больных выздоровело 1666 человек, умерло 127 человек и осталось в больнице на излечении на 1916 год 81 человек. Амбулаторной помощью воспользовалось за 1915 год 110147 человек, в том числе в Брянской земской больнице больные и раненые воины - 16 человек [14, с. 14]. Всего за год к земской медицинской помощи обратилось 112036 лиц, а это составляло большую часть населения - 64%. Больные, которые требовали сложных хирургических операций, направлялись врачами других участков в Брянскую земскую больницу, где за год было проведено 350 операций [14, с. 15].

Психические больные отправлялись в психиатрическую больницу Орловского губернского земства. Покусанные бешеными животными препровождались для прививания в Московскую Александровскую больницу. Так, в 1915 году всего было отправлено 93 человека [14, с. 15]. Силами местного персонала велась борьба против случаев эпидемии сыпного и брюшного тифа.

Большое значение для развития земской медицины имели губернские и уездные съезды земских врачей. Первый губернский съезд земских врачей (Тверской губернии) был созван в 1871 г. В этот период времени создаются общества врачей, которые действуют в крупных городах Российской империи: Архангельск, Воронеж, Курск, Тула и т.д. [17, с. 307]. Инициатором организации Общества русских врачей стал уроженец Брянщины Семен Алексеевич Смирнов (родился в 1819 г. в имении Радогошь Комаричского уезда. Умер в 1911г. в г. Москва), доктор медицины.

В 1895 году на совещании в военном лазарете у полковника А.В. Политковского возникает мысль о создании Общества врачей в Брянске. Первое заседание состоялось 20 декабря 1896 года. В Брянское общество врачей, как правило, входили врачи разных специальностей. По предложению общества врачей было открыто первое медицинское учебное заведение в г. Брянск – акушерский техникум, директором которого стал Н.С. Полянский, состоявший в Брянском обществе врачей [19, с. 61].

Общество состояло из действительных, почетных членов, членов-корреспондентов и соребнователей. Каждый действительный член общества должен был вносить ежегодно в кассу общества пять рублей.

Одним из видных деятелей Брянского общества врачей был Н.А. Михайлов, благодаря которому в Брянске в 1911 году появился рентгеновский аппарат.

Значительный вклад в становление и развитие медицины В.И. Гедройц. Она была назначена главным хирургом Мальцевского акционерного общества фабрик и заводов. В годы Первой мировой войны Вера Игнатьевна занималась подготовкой сестер милосердия и переоборудованием госпиталя для приема раненых. В августе 1914 года читала императрице и ее дочерям Ольге и Татьяне «лекции по хирургии, десмургии и уходу за ранеными в размере курса для сестер милосердия» [18]. Таким образом, деятельность Общества Брянских врачей внесла значительный вклад в распространение профессиональной медицинской помощи среди населения.

Исторический опыт развития земской медицины показывает, что земские медики провели огромную созидательную работу. Врачебный

участок, явившийся основной организационной формой земской медицины и крупнейшей ее заслугой, был рекомендован в 1934 г. гигиенической комиссией Лиги Наций другим странам для организации медпомощи сельскому населению. Земская медицина, возникшая в Российской империи, была направлена на улучшение состояние здоровья населения. Хотя сложившаяся в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. система здравоохранения не охватывала в нужной мере все слои населения, особенно крестьянство. Ситуацию осложняла слабая материально-техническая база большинства лечебных учреждений, недостаточная вместительность больниц, дефицит финансовых средств, неразвитая транспортная система, нехватка врачей. Таким образом, сложившаяся система требовала дальнейшей модернизации, разработки новых комплексных подходов в организации лечебного дела.

Список источников и литературы

1. Алферова И.В., Блохин В.Ф. Российская провинция: повседневная жизнь второй половины XIX века (на материалах Брянского уезда) // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Факультет истории и международных отношений, Кафедра отечественной истории. Брянск, 2016. С. 4-33.
2. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 3. 708 с.
3. Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф. 2373. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.
4. Доклады Брянской уездной земской управы Брянскому 49-му очередному земскому собранию 1914 г. Брянск, 1914. 228 с.
5. Жбанков Д.Н. Итоги земской медицины // Земский врач. 1894. № 18. С. 513-519; № 19. С. 546-551.
6. Капустин М.Я. Основные вопросы земской медицины. СПб., 1889. 99 с.
7. Кедров П.И. Условия труда и жизни низшего медицинского персонала в России. СПб., 1902. 91 с.
8. Кузьмин В.Ю. Роль власти и земства в становлении отечественной медицины XVII–XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2003. Т. 3. № 5. С. 242-252.
9. Кузьмин Ю.В. Финансирование земских лечебных учреждений // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2001. № 2. С. 43-45.
10. Мирский М.Б. Приоритеты земской медицины // Медицинская газета. 1994. № 6.
11. Моллесон И. Земская медицина. 1871. Казань, 1871. 56 с.
12. Обзор Орловской губернии за 1914 г. Орел, 1915. 137 с.
13. Осипов Е.А., Попов И.В., Куркин П.И. Русская земская медицина. М., 1899.
14. Отчет Брянской уездной управы о состоянии медицинской части в Брянском уезде за 1915 г. Брянск, 1916.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Отд. I. Т. 39. № 40457. С. 1-10.
16. Севастьянов И.Н. Вопросы земской медицины в Орловской губернии // ОВ. 1901. 6 ноября. № 294, С. 2.

17. Сосновская И.А. Медицинские общества в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере общества Орловских врачей) // Вестник ТГУ. 2008. Выпуск 11. С. 307-311.
18. Шевченко Ю.Л. Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии (1798–1998). СПб., 1998. 313 с.
19. Щиголев И.И. Медицинская наука Брянщины. Брянск, 2010.

Сведения об авторе:

Фишер Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, fisher.keit@yandex.ru

FORMATION OF ZEMSIS MEDICINE IN BRYANSK DISTRICT

Abstract: The article presents the main changes that occurred in the organization of zemstvo medicine and the provision of medical care in the Russian Empire from the end of the nineteenth century and the beginning of the twentieth century. The work of medical stations as the main organizational forms of zemstvo medicine is shown. The health care system created during that period contributed to a change and a significant improvement in medical care, as well as to improving its accessibility for the population.

Keywords: World War I, medical society, society of Bryansk doctors, provincial health.

МНЕНИЕ М.А. ТАУБЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ

А. В. Плещеева (СПбГУ)

Аннотация: В статье рассматривается записка специалиста по международному праву М.А. Таубе о проблеме черноморских проливов. Содержание записки отражает попытку русской дипломатии решить вопрос о возможности прохода военных судов России через Босфор и Дарданеллы. Данная точка зрения была поддержана министром иностранных дел графом Ламздорфом. Но военные круги Российской империи в условиях поражения в русско-японской войне не решились на пересмотр международно-правового режима проливов.

Ключевые слова: черноморские проливы, внешняя политика Российской империи, М.А. Таубе, российская дипломатия, Министерство иностранных дел, Турция, "восточный вопрос", П.А. Сабуров, В.Н. Ламздорф.

Проблема черноморских проливов относится к числу старейших проблем международного права и международных отношений. Она занимала важное место в ближневосточном направлении внешней политики России. При этом в течение второй половины XIX в. царское правительство продолжало отстаивать принцип закрытия проливов для иностранных военных судов. Русская дипломатия старалась сохранить существующий порядок, поскольку считала «принцип договорных обязательств в отношении проливов наиболее соответствующим интересам обороны России» [1, с. 145].

Этот вопрос вновь стал активно обсуждаться в начале XX в. в связи с началом русско-японской войны и необходимостью усиления флота на Дальнем Востоке. «Дискриминационный характер» режима, введенный Парижским трактатом 1856 г. и Лондонским договором 1871 г., уже не соответствовал новой обстановке, появившейся в связи с «прорывом Суэцкого канала и выступлением России в качестве тихоокеанской державы» [2, с. 139]. Запрет прохода военных судов через проливы связывал Россию в военном отношении и не позволял использовать суда Черноморского флота. Данный запрет сказывался и на качестве Черноморского флота, а соответственно создавал угрозу для южных границ Российской Империи. «В то время как Турция имела возможность заказывать или покупать готовые суда за границей, Россия не могла пополнить флот иначе, как сооружением кораб-

лей на черноморских верфях» [6, с. 255]. Кроме того, держать несколько изолированных друг от друга флотов было обременительно и для бюджета.

В течение 1904 г. проблема прохода российских судов через проливы Босфор и Дарданеллы стала обсуждаться как в прессе, так и среди государственных лиц. Об этом говорят и различные записки, которые были подготовлены в военном, морском и дипломатическом министерствах. Так по поручению министра иностранных дел графа Ламздорфа свою точку зрения по этому вопросу высказал летом 1905 г. и вице-директор 2-го департамента МИД М.А. Таубе [3, с. 423-436; 5, 9].

М.А. Таубе рассматривает данную проблему с двух позиций: с юридической и с политической. На необходимость пересмотра вопроса о проливах с юридической точки зрения, основываясь на геополитических интересах России, указывал и дипломат П.А. Сабуров. Он по собственной инициативе составил в марте 1905 г. записку, которая рассматривала вопрос об изменении трактатов, касающихся черноморских проливов [4]. П.А. Сабуров подчеркивает наличие юридического неравенства в положении России и Англии. Российское правительство считало договоренности обязательными для всех держав, в то время как Англия признавала себя обязанной только по отношению к турецкому султану. Отсюда следовало, согласно П.А. Сабурову, что «сегодня Англия, на основании Трактата, воспрещает нашей Эскадре выход из Черного моря; а завтра, согласно ее толкованию, Английская Эскадра может войти под каким-либо предлогом, в Черное море, с согласия Султана» [4, л. 4].

Для того чтобы точно разобраться в толковании заявления английских представителей на Берлинском конгрессе 1878 г., М.А. Таубе проводит анализ предыдущих договоров о закрытии проливов: Лондонской конвенции 1841 г., Парижской 1856 г. и Лондонского договора 1871 г. Он приходит к выводу, что с юридической точки зрения существует один текст решения о закрытии Босфора и Дарданелл 1841 г., который был подтвержден в 1856 г. и дополнен в 1871 г. положением о возможности открытия проливов для охраны пунктов Парижского договора. Текст был вновь подтвержден на Берлинском конгрессе в 1878 г., но с записью двух толкований, высказанных на заседании английской и российской стороной. Остальные государства не обозначили официальное признание ни того ни другого толкования. Но позже с русской трактовкой вопроса согласились Германия и Австрия при заключении секретного договора 1881 г. (Союза трех императоров), при его возобновлении в 1884 г., а также при заключении русско-германского договора «о перестраховке» 1887 г. [8, с. 281]. Именно эта юридическая сторона вопроса является в практическом отно-

шении неудовлетворительной для интересов России, считает М.А. Таубе, а поэтому подлежит « всестороннему пересмотру и разъяснению международно-дипломатическим путем» [3, с. 428].

Пересмотр вопроса о черноморских проливах связан с изменением политических условий и интересов России в данном регионе. Принцип нейтрализации Черного моря и закрытие Босфора и Дарданелл 1856 г. был выгоден Российской империи в условиях запрета содержать в этом море военный флот. С возрождением Черноморского флота после 1871 г. данный запрет стал преградой реализации военно-политических задач российского правительства.

Идею добиться открытия проливов для военных судов всех государств разделял флигель-адъютант граф Гейден. Свою позицию он обозначил в записке, которую предоставил руководству Министерства иностранных дел в 1905 г. [3, с. 383-422]. Основные его доводы сводятся к следующему:

1) Открытие проливов позволит российскому правительству сделать Черное море главной базой флота и всегда иметь эскадру в боевой готовности в Средиземном море и резервную – в Черном.

2) Имея две эскадры в обоих морях Россия сможет изменить учет морских сил при вероятной войне в Европе.

3) Кроме того, открытие Босфора и Дарданелл позволит российскому правительству воздействовать на Турцию и одновременно поддерживать власть султана на Балканах и в Малой Азии.

В конце своей записки граф Гейден подчеркивает: «Открытие турецких проливов Босфора и Дарданелл для свободного прохода наших военных судов в мирное и в военное время есть единственное и необходимое условие для разумного созидания, постоянной поддержки и правильного распределения такой морской силы, которая требуется историческими задачами, политической обстановкою и достоинством Российской державы» [3, с. 422].

По просьбе министра иностранных дел графа Ламздорфа М.А. Таубе обозначил свою позицию по поводу записки Гейдена. Для этого он приводит доводы противников открытия проливов, которые указывают на то, что признание « полной свободы прохода военных судов через турецкие Проливы» лишит Россию господствующего положения на Черном море, а поэтому она не сможет воздействовать на Турцию. Кроме того, данное обстоятельство могло создать угрозу появления иностранных военных судов в Черном море.

М.А. Таубе ставит под сомнение целесообразность сохранения традиционного принципа закрытия проливов, « выгода которого для России – конечно, не абсолютная, – всегда будет, вообще говоря, обратно пропор-

циональна нашему военно-морскому могуществу в Черном море» [3, с. 434]. Так как Российская империя не сможет воспрепятствовать британскому или какому-либо враждебному флоту блокировать Дарданеллы. Открытие черноморских проливов может стать выгодным только при условии наличия мощной эскадры, которая способна удержать за российским государством господство в Черном море, а также обязательство Турции скрыть укрепления Босфора и Дарданелл и не отчуждать в пользу иностранных государств никакого пункта на побережье Черного, Мраморного морей и Архипелага [3, с. 433-434]. Но все эти меры связаны с осуществлением сложной военно-политической программы и рассчитаны на много лет. Поэтому М.А. Таубе считает, что при сохранении принципа закрытия проливов необходимо признать правильность именно английского толкования трактата: Россия обладает правом с позволения одного султана выводить суда из Черного моря и вводить их в него (версия Солсбери). Однако при таком толковании возникает вопрос о возможности любого государства вводить свою эскадру в Черное море, воспользовавшись лишь согласием Турции. На эти возражения М.А. Таубе приводит 2-ю статью Лондонского договора 1871 г., согласно которой в мирное время султан имеет право разрешить военным судам союзных держав проход через проливы ради безопасности Турции. В то же время одностороннее согласие на пропуск английских судов в Черное море «вне таких интересов» означает «непременно начало войны России и с Турцией, во время которой Порты, само собой разумеется, и без того не связана никакими обязательствами по отношению к Проливам» [3, с. 435].

Таким образом, проанализировав с юридической точки зрения различные дипломатические акты, устанавливающие «закрытие» черноморских проливов, М.А. Таубе соглашается с точкой зрения П.А. Сабурова о не соответствии существующего положения русским интересам. Однако решить проблему об «открытии» проливов при существующих обстоятельствах не представляется возможным, поэтому стоит придерживаться традиционной политики в этом вопросе, что не исключает официального признания английского толкования дипломатических трактатов. Так как это открыло бы для России возможность сочетать вывод из Черного моря своих военных судов с согласия одного султана с сохранением все еще выгодного ей общего принципа закрытия проливов.

С идеей о получении права на проход военных судов России через проливы при сохранении общего принципа их закрытия согласился граф Ламздорф. Опыт русско-японской войны «поставил русскую дипломатию перед необходимостью пересмотра преобладавшей в последнее десятиле-

тие тактики сохранения status quo в международно-правовом режиме проливов» [2, с. 139]. Кроме того, ускорение постановки данного вопроса было связано с появлением сведений об укреплении Турцией под давлением Англии Босфора и об англо-японо-турецких переговорах о присоединении Турции к союзу Англии и Японии [1, с. 152].

Записка М.А. Таубе была отпечатана небольшим тиражом первоначально с указанием фамилии составителя, а затем без него, но под грифом Министерства Иностранных Дел. 27 сентября 1905 г. граф Ламздорф запросил в письмах мнение военного и морского министров о целесообразности существующих соглашений о проливах. Министр подчеркнул, что данное положение не соответствует интересам России, и эта проблема является одной из первостепенных после окончания русско-японской войны. Он рассчитывал дипломатическим путем решить вопрос о пересмотре трактатов о черноморских проливах, заручившись поддержкой коллег и согласием царя.

Однако Военное и Морское министерства отходили от поражения в войне и первой русской революции и были не готовы к постановке этой серьезной проблемы даже дипломатическим путем. Редигер, А.А. Бирилев, а также председатель Совета государственной обороны великий князь Николай Николаевич признали выдвигание вопроса несвоевременным и предложили отложить его обсуждение до улучшения общего и военно-политического положения [1, с. 152].

Черноморские проливы, как отмечает И.С. Рыбаченок, «можно рассматривать как перекрестное геополитическое поле», в попытке получить контроль над которым, пересекались интересы всех великих европейских государств и Турции [7, с. 28]. Историк В.И. Шерemet достаточно точно обозначил проливы зоной «мирового геополитического напряжения» [10, с. 229]. Однако сразу после поражения в войне с Японией военные круги России не были готовы к пересмотру соглашения о проливах даже дипломатическим путем. Только в ходе Первой мировой войны Российская Империя попыталась решить эту вековую проблему но уже не дипломатией, а силовыми методами.

Список источников и литературы

1. Гришина М.И. Черноморские проливы во внешней политике России 1904 – 1907 гг. // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 140-182.
2. Дранов Б.А. Черноморские проливы (международно-правовой режим). М.: Юридическое издательство министерства юстиции СССР, 1948. 240 с.

3. Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. И С. Рыбаченок. М., 2004. 496 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1044. Оп. 1. Д. 229.
5. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 263.
6. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия). М.: Международные отношения, 1999. 560 с.
7. Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX – XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с.
8. Рыбаченок И. С. Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века: к столетию академика А. Л. Нарочницкого. М., 2007. С. 266 – 307.
9. Таубе М.А. Записка по вопросу о проходе военных судов через Босфор и Дарданеллы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1905. 17 с.
10. Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху мировой войны по материалам русской военной разведки. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995. 285 с.

Сведения об авторе:

Плещеева Анна Валерьевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), annplesh@gmail.com

Pleshcheeva Ann Valeryevna, graduate, Saint Petersburg University, Russia, annplesh@gmail.com

THE OPINION OF M.A. TAUBE ON THE PROBLEM OF THE BLACK SEA STRAITS

Abstract: The article deals with a note by the expert in international law M.A. Taube about the problem of the Black Sea straits. The content of the note represents the attempt of Russian diplomacy to solve the problem of the access of the Russian military ships through the Bosphorus and the Dardanelles. This point of view was supported by the Minister of Foreign Affairs Lamsdorf. But the military circles of the Russian Empire didn't risk to review the international legal regime of the straits in the conditions of defeat in the Russian-Japanese war.

Keywords: Black Sea straits, Russian foreign policy, M.A. Taube, Russian diplomacy, Ministry of Foreign Affairs, Ottoman Empire, Eastern Question, P.A. Saburov, V.N. Lamsdorf

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

А. Д. Грудина (БГУ)

Аннотация: в статье рассматривается одно из направлений в системе социальной защиты семей военнослужащих в Российской империи. Автор анализирует особенности законодательства, сформированного в этой области накануне Первой мировой войны. В статье воспроизводится процесс изменения принципов нового закона, отражаются проблемы, сложившиеся в этой области и требовавшие немедленного разрешения.

Ключевые слова: законы Российской империи, Первая мировая война, законы о социальной помощи семьям военнослужащих, паёк.

Январский номер журнала «Призвание и благотворительность в России» за 1915 г. начинался статьей известного российского правоведа, одного из редакторов этого издания С.Г. Гогеля под довольно громким названием «Слабые стороны закона 25 июня 1912 г. о призвании нижних воинских чинов и их семей».

Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, автор докторской диссертации по уголовному праву, подготовивший «Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией», впервые вышедший в 1910 г. и сохранивший до настоящего времени (переиздана в 2010 г.) свою актуальность, С.Г. Гогель, работая в журнале, был достаточно осведомлен в проблемах социальной защиты населения в условиях войны. Однако, не смотря на авторитет автора и его заслуги перед юридической наукой, он не мог в полной мере определить «слабые стороны» закона 25 июня 1912 г., поскольку, будучи свидетелем принятия и реализации этого закона, написал свою статью в начале 1915 г., когда еще только проявились первые результаты его применения в условиях начавшейся войны. Обладая современным ему знанием материала, связанного с реализацией государственной политики в этой области, автор статьи в журнале еще не мог судить о последствиях реализации принятых норм, ставших основой социальной поддержки семей военнослужащих, находившихся на фронтах Первой мировой войны. Он сам это прекрасно понимал, отмечая,

что располагал «только отрывочными указаниями в газетах и случайным рассказом лиц, близко стоявших к делу» [2, с. 3].

Проблемы, которые были порождены несовершенством закона 1912 г., неминуемо отражались не только на финансовом положении страны, поскольку его исполнение требовало значительных расходов из казны. По словам заступившего с 30 января 1914 г. на пост министра финансов П.Л. Барка, в это время 10 млн человек получали на его основании помощь от государства, средний размер пайка на душу населения составлял 2 руб. 50 коп. и в месяц требовалась сумма в 30 млн рублей [3, с. 29] (к концу 1914 г. эта месячная сумма уже составляла 40 млн руб.). Достоинства и недостатки выработанных правил оказывали серьезное воздействие на настроения, господствовавшие в тылу, формировали отношение к государственной политике тех, кто находился на театре военных действий, служили одной из составляющих причин событий 1917 г.

Это в полной мере осознавалось властями. Подтверждением может служить выступление председателя Совета министров И.Л. Горемыкина 18 августа 1914 г. на первом заседании созданного под руководством императрицы «Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов», который высказался по этому поводу следующим образом: «Для тех, кто идет в бой с врагами Родины, будет великим облегчением уверенность в том, что судьба близких ему людей находится в щедрых руках Ее Императорского величества» [3, с. 26].

Закон 25 июня 1912 г. был призван существенно изменить систему социальной помощи семьям, призванных на войну, после выявленных недостатков принимаемых в этом направлении мер в период Русско-японской войны по правилам 25 июня 1877 г. Тогда на 2 млн 420 тыс. человек было израсходовано по всей империи 66 млн 860 тыс. руб., а для получения государственной поддержки необходимо было признание семей ушедших на войну остро нуждавшимися в поддержке. Обязанность оказания помощи была возложена на земства, городские и сельские общества. Первые должны были выдавать продовольственный паек, вторые – отводить бесплатно помещения с отоплением.

Степень имущественного достатка семей стала своеобразным «камнем преткновения» для местных общественных и сословных учреждений. Это выразилось в неравномерности оказываемой поддержки со стороны государства, в результате чего размер выдаваемого на одного человека пайка колебался от 1 руб. 20 коп. до 4 руб. Из-за многочисленных административных обязанностей, сопровождавших деятельность земств, помощь семьям часто оказывалась несвоевременной, присутствовали

факты несправедливости распределения, а итогом стало массовое недоедание населения.

По закону 25 июня 1912 г. государство взяло уже в свои руки обеспечение населения. Был точно назван размер выдаваемого продовольствия, который являлся минимальным, и правительство это в полной мере осознавало, призывая к активному включению в дело обеспечения семей благотворительные организации и частных лиц. Образованные на местах городские и областные попечительства точно определяли состав семьи и вычисляли размер причитавшегося казённого пособия. Паёк в денежном выражении выдавался в уездах на 3 месяца вперёд, в городах – на один месяц.

Возвращаясь к статье С.Г. Гогеля, следует отметить, что в качестве главной проблемы нового законодательства он рассматривал именно уравнивание всех семей, призванных на войну нижних чинов. По его вполне справедливому суждению, помощь могли получать (и получали) лица, не нуждавшиеся, т. е. в материальном плане вполне благополучные, обеспеченные. Например, «в одной из южных губерний помещица, имеющая 600 десятин земли, потребовала паек и получает его» [2, с. 4].

Можно также согласиться и с другим доводом автора: «в будущем может не хватить средств для новых бед, для новых, так сказать, комбинаций, которые создаст жизнь» [2, с. 3], под этой фразой автор подразумевал, в частности, сотни тысяч калек, которые явятся неизбежным продуктом войны. Для этих людей незначительные по объемам казенные пенсии будут недостаточны, а израсходованные на паек средства не позволят увеличить необходимую помощь. Правительство в значительной степени осознавало широту и глубину грядущих финансовых проблем, но, несмотря на незапланированное увеличение сумм, выделяемых из казны на продовольственную помощь, в ноябре 1914 г. на заседании под председательством И.Л. Горемыкина констатировалось, что «изменения, существенным образом затрагивающие упомянутые начала (*продовольственной помощи*. – Авт.), представлялись бы и несвоевременными и неосторожными» [5, с. 16].

Говоря о размерах пайка, следует отметить, что для города он был слишком мал и для Москвы и Петрограда был увеличен до 5 руб. на взрослого и до 2 руб. 50 коп. на ребенка до 5 лет. Между тем, по заявлению петроградских рабочих, участвовавших в попечительстве, нуждающимися в дополнительной благотворительной помощи следовало признать семьи, в которых на одного человека приходилось менее 10 руб. в месяц. Размер выдаваемых денег за пределами города Москвы составлял 3 руб. 60 коп. [4, с. 57], в сельской же местности он был еще меньше и определялся для каждой конкретной территории (уезде, округе, волости, гмине, станице) от-

дельно. «Указанные в статье 61 лица, имеют право на получение продовольственного пособия деньгами, полагая на каждое призреваемое лицо не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов гречихи, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла месяц; но детям, не достигшим пятилетнего возраста, продовольственное пособие выдается в размере половины стоимости означенных продуктов» [7, с. 943].

Если в Петрограде и Москве семьи военнослужащих могли рассчитывать на благотворительную помощь, поступавшую от зажиточной части населения, то в пригородах этих городов, традиционно отличавшихся общей бедностью, в большинстве уездных городов и в сельской местности на такую помощь рассчитывать не приходилось. К тому же в условиях постоянного роста цен, вызванного войной, закон не предусматривал периодических переоценок размеров помощи. Точнее, говорил об этом довольно неопределенно: «К 1 сентября каждого года, в период призрения, а также при всяком существенном изменении цен продуктов, стоимость пайка подвергается пересмотру» [7, с. 943].

Выдача казенного пособия осуществлялась, начиная с 22 августа 1914 г., в соответствии с очередью, установленной местными попечительствами. За период с начала военных действий и до 15 октября 1914 г. из средств казны наибольшие суммы в размере 2 млн 900 тыс. были выделены в Самарской, Херсонской и Томской губерниях, а наименьшие – в Финляндии (5000 руб.), Сахалинской области (6883 руб.). Вообще не выдавалось пособие в Келецкой, Холмской Калишской (относились к Царству Польскому) губерниях, в Камчатской и Батумской областях, что было связано с отсутствием призывов в это время из данных мест.

С.Г. Гогель также критиковал содержание 61 статьи закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», в которой было сказано: «Из состава членов указанных в предыдущей (60) статье семейств пользуются презрением: 1) жена и дети нижнего чина и 2) отец, мать, дед, бабка, братья и сёстры означенного чина, если они содержались трудом последнего» [7, с. 943]. С.Г. Гогель отмечал, что в законе не были прописаны так называемые «гражданские семьи», которые имели довольно широкое распространение в среде рабочего класса Петрограда и других городов. Большая часть таких семей в конечном итоге вступали в церковный брак.

Необоснованным, по его мнению, выглядело также исключение внебрачных детей. Дело в том, что согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей»: «Отец внебрачного ребенка обязан сообразно своим имущественным средствам и обществен-

ному положению матери ребенка, нести издержки на его содержание, если он в том нуждается, до его совершеннолетия» [6, с. 493]. В этом справедливом решении, принятом в соответствии с действующим законодательством, были заложены серьезные финансовые проблемы, поскольку число членов семьи военнослужащих из нижних чинов, особенно в сельской местности, доходило до 12 человек, а выдаваемое им пособие вырастало до 30 руб. Между тем очень часто такая семья, имея свое хозяйство, вполне могла обеспечивать себя за счет собственного труда, даже при отсутствии призванного в армию кормильца.

Говоря о предоставлении права на получение от казны продовольственного пособия внебрачным детям, призванного в войска нижнего чина и нуждавшейся их матери, специальная комиссия Верховного совета на заседании 13 ноября 1914 г. отметила, что издание закона, на основании которого «внебрачная семья получала бы от казны пособия на одинаковых основаниях с семьей законной, не способствовало бы упрочению устоев законной семьи и, несомненно, умалило бы святость брачного союза в народном сознании» [5, с. 18]. Однако в конечном итоге комиссия высказала предложение указать комитетам, учреждениям и обществам, ведающим делами призрения семьи воинов, на желательность «оказания благотворительной помощи внебрачным детям призванного войска, а также их матери, если они содержались трудом отца и если по имущественному положению своему и по имущественным средством их матери дети нуждаются в означенном призрении» [5, с. 19].

Еще одной проблемой, с которой столкнулись власти при реализации закона 25 июня 1912 г. было обследование семей, получавших государственные пайки. Здесь также проявилось несовершенство самого закона, возложившего эти функции на волостные попечительства, под непосредственным наблюдением земского участкового начальника. Дело в том, что на момент начала войны институт земских начальников находился в состоянии серьезного кризиса. Большие трудности возникали в деле обновления его рядов и на практике пришлось пойти на понижение требований к лицам, занимавшим эти должности.

Этот институт власти был введен в российской деревне 12 июля 1889 г. Большинство из земских начальников было тогда представлено дворянским сословием с высоким имущественным цензом. Главным направлением деятельности являлось решение вопросов, связанных с сельским миром и крестьянской жизнью. Со временем в случаях, когда местные дворяне не желали занимать эту должность, вместо них назначались представители других сословий, имевших образование не ниже средне-

го. Однако это привело к снижению уровня компетентности новоиспеченных чиновников.

С.Ю. Витте в своих воспоминаниях иронизировал: «Земские начальники явились и судьями, и администраторами, и опекунами. В сущности явился режим, напоминающий режим, существовавший до освобождения крестьян от крепостничества, но только тогда хорошие помещики были заинтересованы в благосостоянии своих крестьян, а наемные земские начальники, большей частью прогоревшие дворяне и чиновники без высшего образования, были больше всего заинтересованы в своем содержании» [1, с. 509].

В губерниях, в которых был восстановлен выборный мировой суд, наиболее профессионально подготовленные земские начальники перешли в мировые судьи. Начавшаяся война также нанесла значительный урон этому институту из-за призыва его служащих в ряды действующей армии. К большому числу административных обязанностей добавились новые, связанные с замещением ушедших на фронт.

Таким образом, возложенный на земских участковых начальников контроль за распределением казенных пайков добавил новые проблемы, предопределив недобросовестное исполнение возложенных по этой части на чиновников обязанностей. Ко всему прочему, само дело обследования было весьма сложным и зависело не только от качества контролирующих инстанций, но и от самой законодательной базы, которая требовала постоянных поправок.

Созданные же попечительства сохраняли сословный характер, поскольку избирательными правами обладал на основании закона только волостной сход. Между тем на территории, где он действовал, проживали семьи военнослужащих, не имевшие права в нем участвовать. Правда, в соответствии со статьей 68 закона 25 июня 1912 г. волостное попечительство избиралось волостным сходом «из лиц обоего пола не моложе двадцати пяти лет от роду, по суду не опороченных и не состоящих под следствием и судом, в числе по усмотрению схода, но не менее трех лиц» [7, с. 944], предусматривалось также ограничение в виде обязательного в пределах волости проживания. В результате, лишь в редких случаях ряды волостных попечительств пополняли священники, еще реже – учителя. Практически, дело обследования семей сводилось к решению того же волостного писаря, что никак не гарантировало справедливость принимаемых решений.

Говоря в целом о законе 25 июня 1912 г., следует отметить, что он сыграл на определенных этапах войны свою важную роль в сохранении стабильности обстановки в тылу действующей армии. Лишение казенного

пайка семей военнослужащих за их добровольную сдачу в плен или дезертирство служило серьезным стимулом и для устойчивости настроений на фронте. Впрочем при его помощи не удалось преодолеть влияния роста цен, порожденного инфляцией, политической нестабильности, утверждавшейся в российском обществе в период военных неудач.

Список источников и литературы

1. Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 720 с.
2. Гогель С.Г. Слабые стороны закона 25 июня 1912 г. о призрении нижних воинских чинов и их семей // Призрение и благотворительность в России. 1915. Январь-февраль.
3. Журнал Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. № 1 // Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг., 1914. Вып. 1. Ноябрь.
4. Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг. 1914. Выпуск II. Декабрь.
5. Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг. 1915. Выпуск III. Январь.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 22 (1902): Часть 1. № 21566.
7. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912): Часть 1. № 37507.

Сведения об авторе:

Грудина Алексей Дмитриевич – аспирант кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, grudina_81@mail.ru.

LEGISLATIVE FRAMEWORK OF SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES OF LOWER LEADS OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE WORLD WAR I: PROBLEMS AND SOLUTIONS

A.D. Grudina

Abstract: in the article is considered one of the directions in the system of social protection of families of servicemen in the Russian Empire. The author analyzes the features of the legislation, which was formed in this area on the eve of the World War I. The article is reproduced the process of changing the principles of the new law, is reflected the problems that have developed in this area and which required immediate resolution.

Keywords: laws of the Russian Empire, World War I, laws on social assistance to families of servicemen, ration.

ВОСПРИЯТИЕ СЛАВЯНСКИХ ПОДДАННЫХ АВСТРО-ВЕНГРИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н. В. Мамотько (БГУ)

***Аннотация:** В статье рассматривается вопрос формирования образа славян Австро-Венгрии в России. На основе изучения материалов российской периодической печати и мемуаров современников изучен характер восприятия в русском обществе идеи «Великой Сербии» и ее влияния на все славянские народы Балканского полуострова.*

***Ключевые слова:** Первая мировая войны, Сербия, Австро-Венгрия, общественное мнение.*

Восприятие славянских подданных Австро-Венгрии в Российской империи в начале Первой мировой войны очень сложно изучать отдельно от образа Сербии, поскольку именно с обострением ситуации на Балканах после убийства наследника австрийского престола Франца Фердинанда русская общественность вновь проявила интерес к южным славянам. В годы же Балканских войн, предшествовавших мировому конфликту, основное внимание в русской печати уделялось в основном болгарам и сербам.

Особый интерес представляет мнение редакций крупнейших российских газет на великосербское движение, против которого Австро-Венгрия требовала принять основные меры во время развернувшегося австро-сербского кризиса в июле 1914 года. Ситуация обострялась наличием большого количества проживающих в Австро-Венгрии подданных славянского происхождения, таких как хорваты, словенцы, босняки, сербы бок о бок со славянами независимых государств Сербии и Черногории. Именно в данном контексте рассматривались взгляды сторонников объединения южных славян, анализировалась политическая ситуация на Балканах. Корреспонденты газет своими публикациями пытались выстроить картину, обрисовывавшую национальную идею сербов и основные ее постулаты, а также восприятие данного течения среди других славянских народов полуострова.

Консервативная петербургская газета «Новое время» со дня убийства в Сараево на своих страницах ежедневно предоставляла большое количество статей, обзоров и очерков о политической ситуации в Европе, уделяя вопросам положения и роли Сербии одну из ключевых ролей. Встречается

на ее страницах и довольно подробное изложение идеи Великой Сербии, где она характеризуется не иначе как «литературно-политическое устремление», которое «находится вне власти правительства» [2, с. 4].

Однако особый интерес представляет следующая характеристика: «Где бы не жили сербы – в королевстве Сербском или в монархии Австрийской – они везде исповедуют идею грядущего объединения сербского народа, разделенного между Сербией, Австрией, Венгрией и Черногорией». Более того, великосербская идея называлась неотъемлемой частью, «душой» сербского народа, «...которую невозможно вытравить и убить никакими полицейскими мерами» [5, с. 6]. Она характеризовалась настолько сильной и здоровой в своей сути, что ей, по прогнозу автора статьи, последуют и хорватские подданные Австро-Венгрии. Стоит особо подчеркнуть, что хорватам корреспондент «Нового времени» отказывал в наличии собственной идентичности, называя их «сербскими католического вероисповедания» [5, с. 6].

Следует также отметить, что идея сербского национализма описывалась исключительно в положительном ключе, как абсолютно естественная и заслуживавшая восхищения. Косвенно корреспондент русской газеты подтверждал один из самых радикальных постулатов данной идеи, состоявший в том, что на Балканах есть лишь один славянский народ – сербы, а все прочие славяне также этнически являются сербами, поменявшими веру на католицизм или ислам.

Иной взгляд встречается в газете «Русский инвалид». В целом весь характер изложения происходящих событий, присущий этому изданию, можно назвать вполне сдержанным и приближенным к официальной риторике. Так, после освещения преступления, совершенного членами «Молодой Боснии», газета в последующих публикациях излагала довольно подробную информацию об антисербских погромах в Сараево, но в них сложно найти какую бы то ни было эмоциональную окраску.

Стоит заметить, что подобные обзоры не характерны для упоминаемого мной выше «Нового времени». В то же время, благодаря подобным сухим и официальным сводкам, у читателя не могло формироваться представление о господствовавшей среди всех славян Балканского полуострова идеи объединения с сербами, которую старалась донести консервативная газета до своих читателей.

В издании прямо сообщалось о том, что в Сараево и Мостаре происходили патриотические манифестации мусульман и католиков, а также антисербские демонстрации. Подробнейшим образом сообщалось о множестве подобных антисербских акций, прокатившихся по всем крупней-

шим боснийским городам, сопровождавшихся погромами школ и жилых зданий. Участниками акций всегда назывались католики и мусульмане.

Приводимые по мере развития австро-сербского конфликта описания демонстраций в хорватской и боснийской провинциях Габсбургской монархии представляют интерес для исследования. Если в публикациях «Нового времени» в роли антисербских погромщиков выступали либо абстрактные лица, либо даже сами полицейские, под полным покровительством австрийских властей, то позиция газеты «Русский инвалид» выглядит значительно более открытой, показывая истинную ситуацию, не выставляя австрийцев и немцев кровожадными врагами сербов.

Непосредственно в дни траура по эрцгерцогу и его супруге, газета публиковала статьи, характеризующие настрой многих славянских подданных Австро-Венгрии. «Хорватская молодежь, сопровождаемая большой толпой народа, прошла по улицам процессией, неся впереди портрет Франца-Иосифа. При пении народного гимна и криках «boch» в честь монархии и династии, а также и угрожающих возгласах по адресу Сербии, толпа разбивала окна в домах гостиницы Европа, сербского культурного союза, сербских школ, и многих сербских торговых заведений» [4, с. 4], – сообщалось в выпуске от 29 июля 1914 г. о положении в Сараево, в котором, несмотря на объявленное военное положение и введение дополнительных патрулей, продолжались беспорядки и погромы, жертвами которых становились не только сербы, но и другие жители города.

Подобные сообщения приходили из Загреба и других хорватских городов, и были столь многочисленны, что вполне позволяют сделать вывод о яром антисербском настрое многих жителей Австро-Венгрии и их стойкой приверженности своей стране. Так, в одном из выпусков сообщалось о положении в Загребе и продолжавшихся там беспорядках. «Приверженцы хорватской партии Франка провели здесь бурные демонстрации против сербов, причем во время беспорядков раздавались крики "Долой сербов! Долой короля Петра", а также призывы отомстить за смерть хорватского престолонаследника!» [1, с. 2]. Газета не опровергала наличия в славянских провинциях монархии общественных организации и деятелей, разделявших идеи объединения южных славян, но и они были подвержены нападениям и разгромам со стороны столь многочисленных антисербских демонстрантов: «...толпа манифестантов ворвалась в национальное сербское кафе, принадлежащее к сербо-хорватской коалиции, и разгромила все помещение» [1, с. 2], – сообщалось корреспондентом «Русского инвалида».

Подобные акции проводились почти во всех городах хорватской и боснийской провинций Австро-Венгрии, населенных хорватами, сербами и

славянами-мусульманами. Все эти факты могут свидетельствовать о наличии антисербских настроений в среде большого числа иных славянских народов Балканского полуострова и неприятие ими идеи «Великой Сербии» и методов борьбы сторонников идеи объединения всех южных славян.

Александр Александрович Гирс – русский дипломат, советник МИД и посланник в Черногории в 1912–1916 гг., являлся непосредственным свидетелем происходивших на Балканах событиях, вел свой дневник, изданный в Петрограде в 1916 г. по горячим следам, оставляя свои впечатления, в том числе о самых важных вехах в жизни России. С одной стороны его заметки касались балканских событий 1913 г., с другой – посвящены началу Первой мировой войны и ее развитию до 1915 г. включительно.

А.А. Гирс, рассматривая общую ситуацию и отношения между Австро-Венгрией и Сербией, в своих заметках подчеркивал культурные различия между балканскими, венгерскими и австрийскими сербами. Он акцентировал внимание на том, что балканские сербы (т. е. подданные Королевства Сербии) строят свои расчеты на вражде России с Австрией, не беря во внимание и не заботясь о том, к каким последствиям для Российской империи это может привести. В то же время славянские подданные Габсбургской монархии, по его словам, выступали за дружественный характер австро-русских отношений, опасаясь обострения германизма в случае войны. Позицию же славян Австро-Венгрии по отношению к великосербской идее А.А. Гирс характеризовал так: «К домогательствам и задачам балканских славян относятся с политической точки зрения крайне сдержанно, считая эти народы менее культурною братией» [3, с. 17]. Складыванию такого мнения к единокровным соседям у других славян в большей степени способствовала вторая Балканская война.

В записях от 10 сентября 1914 г., то есть в начальной фазе боевых действий, А.А. Гирс характеризовал главную задачу России в отношении славян Европы как состоявшую в том, чтобы парализовать надежды балканских славян на усиление их военной мощи.

Славянские подданные Австро-Венгрии, по мнению А.А. Гирса, были лишены милитаризма, поскольку постоянно вели борьбу против германской гегемонии Вены. Они «...искренне возликуют, когда увидят, что гидра тевтонского милитаризма растоптана нами и нашими союзниками» [3, с. 25].

Уже в своих заметках от 5 октября 1914 г., А.А. Гирс отступил от своего тезиса, заключавшегося в неприятии австрийскими славянами идеи объединения с сербами, утверждая, что славянские подданные Австро-Венгрии мечтают о ее разделении и разгроме своей страны. К тому же, по

его словам, австрийские и венгерские сербы, хорваты и словенцы относятся «сочувственно к участию балканских сербов в вооруженной борьбе с монархией» [3, с. 27-28].

Однако, рассуждая о будущем всех народов Австро-Венгрии, он упоминал, однако, что словенцы «еще меньше хорватов увлекаются мыслью о закреплении себя великой Сербией под главенством Белграда» [3, с. 33].

К середине весны 1915 г. мысли А.А. Гирса по-прежнему были связаны с вопросом устройства земель Австро-Венгрии. При этом он подчеркивал разногласия между сербами королевства и подданными монархии. Выяснилось, что сербы королевства по-своему истолковывают объединение их с единоплеменниками Австро-Венгрии: «...озабоченные главным образом наложением рук на Боснию и Герцеговину, они отвергают мысль о создании сербо-хорватского государства на началах широкой автономии отдельных областей» [3, с. 47]. Объяснял А.А. Гирс это разницей мировоззрения бывших турецких славян и австро-венгерских, не позволявшего им реализовать проект объединения, согласовать свои стремления и пойти на уступки друг другу. На момент написания своей заметки, А.А. Гирс, как опытный дипломат, считал задачу объединения балканских славян в единое государство или расширения территории Сербии за счет австрийских провинций крайне трудно выполнимой.

В целом записи А.А. Гирса носят характер прогностический, учитывавший лишь один единственный для России исход Первой мировой войны – в виде победы над странами Тройственного союза. С другой стороны, А.А. Гирс несколько лет провел по служебным обязанностям за границей и вполне изучил народы Балканского полуострова. Особую ценность представляют его размышления о них, об истоках проблем в регионе, а также особый взгляд на политику Сербского королевства и его взаимоотношения как с Россией, так и со славянскими подданными Австро-Венгрии.

Таким образом, стоит отметить, что русское общественное мнение периода Первой мировой войны рассматривало славян Австро-Венгрии лишь в контексте отношений с Сербией, а не как своих врагов в составе армии противника. Внимание уделялось отношениям словенцев, хорватов и т. д. именно с сербами. В российской периодике периода лета 1914 г. встречались противоречивые заметки и впечатления: от полного принятия великосербской идеи и насаждения читателям тезиса о том, что объединение в единое государство является единственным чаянием не только сербов, но и словенцев, хорватов и бошняков, до более глубокого анализа происходивших событий, в том числе истоков антисербских погромов после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда.

В рассмотренных дневниках русского дипломата А.А. Гирса встречается довольно скрупулезный анализ этих идей в политическом, культурном и этническом плане. Им показаны причины неприятия деятельности националистической организации «Млада Босна» среди остальных славянских народов империи Габсбургов в начале Первой мировой войны, а также развитие событий по мере продолжения боевых действий, когда появилось гораздо больше сторонников объединения. Им отмечался также ранее никем официально не зафиксированный процесс сближения австрийских славян и находящихся по другую сторону баррикад сербами независимого королевства.

Список источников и литературы

1. Австро-Венгрия // Русский инвалид 1914. № 132. 19 (31 июня).
2. Возмутительная мера // Новое время. 1914. № 13765. 9 (22 июля).
3. Гирс А.А. 1913–1915. Письма и записки. Пг., 1916. 65 с.
4. Русский инвалид. 1914. № 129. 16 (29) июня.
5. Янченецкий Д. Австрийские меры против сербского народа и великосербской идеи // Новое время. 1914. № 13752. 26 июня (9 июля).

Сведения об авторе:

Мамотько Наталия Васильевна – аспирант кафедры отечественной истории, факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.

The formation of an image of the Slavic of the Austro-Hungarian Empire in Russia in the beginning of the First world war.

Annotation: The article investigates issue of the formation of an image of the Slavic of the Austro-Hungarian Empire in Russia. The nature of perception the idea of "Great Serbia" and its impact on all the Slavic peoples of the Balkan has been studied. It was based on studying the materials of the Russian periodical press and memoirs.

Keywords: The First World War, Serbia, Austria-Hungary, public opinion.

УПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫМ ВОЕННЫМ ДУХОВЕНСТВОМ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ АРМИЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА)*

Э. В. Старостенко

(Могилевский государственный университет)

Аннотация: в статье анализируется структура ведомства военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны на примере управления священниками армий Западного фронта. Описываются основные задачи, возлагаемые на протопресвитера, главных священников армий фронтов, штабное духовенство и благочинных в военное время. Уделено внимание Духовному правлению ведомства военного и морского духовенства, полевой канцелярии протопресвитера.

Ключевые слова: Первая мировая война, православная церковь, ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства, Западный фронт, российская армия, протопресвитер военного и морского духовенства, Г.И. Шавельский.

В истории института православного военного духовенства насчитывается не одно столетие. На протяжении этого времени он модернизировался и менялся, как менялась и сама армия. Наивысшей степени своей организации он достигает в протопресвитерский период (1890–1918 гг.), когда священники армии и флота были подчинены ведомству протопресвитера военного и морского духовенства. Этот период начинается со вступления в силу «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» от 12 июня 1890 г., и завершается 16 января 1918 г., когда был принят декрет о ликвидации института военных священников в армии. За эти почти тридцать лет были осуществлены кардинальные изменения в структуре ведомства протопресвитера, была создана развитая иерархическая система, обеспечивающая

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках совместного проекта БРФФИ-РФФИ «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915–1917 гг.)», договор № Г17Р-070 (№ госрегистрации 20170951).

контроль и организацию работы армейских священников на всех уровнях, от госпиталя до армий фронта в целом.

Особый интерес в этот период представляет управление армейским духовенством в годы Первой мировой войны. В условиях военного времени число священнических мест резко увеличивается за счет формирования новых частей и учреждений. Если их количество накануне войны было чуть более 700 человек, то в период 1914–1918 гг. в армии перебивало по разным данным от 4000 до 5000 человек [5, с. 50]. Работу такого большого числа священнослужителей должен был контролировать хорошо организованный аппарат управления.

Для общего руководства военным духовенством главную роль играли протопресвитер, его полевая канцелярия и Духовное правление.

Протопресвитер военного и морского духовенства являлся главой ведомства, и имел практически неограниченные права в его пределах. Он влиял на все назначения, перемещения и увольнения по ведомству, при этом в отношении духовенства его решения не требовали согласования со Св. Синодом [2, с. 471]. В юрисдикции протопресвитера было представление духовенства к наградам, а также вынесение наказаний за недобросовестное исполнение обязанностей.

В годы Первой мировой войны протопресвитером был Г.И. Шавельский. В историю он вошел как инициативный и энергичный глава ведомства, занимающийся непрерывным совершенствованием организации работы духовенства в армии. До войны он приложил большие усилия, чтобы штатные должности по ведомству заняли иереи и протоиереи с достаточным уровнем образования, повысил уровень материального обеспечения флотских священников. По его инициативе был проведен Первый всероссийский съезд военного и морского духовенства. С начала войны Г.И. Шавельский находился в Ставке Верховного Главнокомандующего, имел право личного доклада императору. Регулярно выезжал на фронт, известно немало свидетельств его общения с частями и учреждениями армий Западного фронта (как в периодической печати, так и в архивных документах). Во время этих поездок протопресвитер осуществлял контроль за работой подведомственного духовенства, давал ей оценку, организовывал пастырские собрания для обмена опытом. Для лучшей организации работы на местах от его имени рассылались циркуляры, в которых помещались указания, разъясняющие деятельность священников в военное время. На протяжении всей войны протопресвитер уточнял и дополнял обязанности священников, учреждал новые должности. Протопресвитер лично изучал прошения епархиальных

священников о назначении в действующую армию, принимал решения в их отношении.

Во время войны при всех наиболее важных правлениях учреждались канцелярии. Таковая была создана и при протопресвитере военного и морского духовенства в Ставке Верховного Главнокомандующего. Несмотря на то, что ее штат официально был утвержден в 1916 г., фактически она начала работу с первых дней войны. На плечах полевой канцелярии лежало все военное делопроизводство ведомства. На ее имя поступали рапорты, прошения, донесения священников ведомства, входящие из различных управлений и ведомств. Здесь решалась часть хозяйственных, административных и финансовых вопросов, хранилась вся информация о месте службы духовенства, его перемещениях. Начальник канцелярии вел документацию судебного и административного плана, его помощник занимался наградной и финансовой частью делопроизводства. Строгого деления обязанностей в канцелярии не было: работа распределялась в зависимости от ее важности и срочности.

Духовное правление, как в мирное, так и в военное время играло важную роль в ведомстве. Оно занималось хозяйственными, финансовыми, кадровыми, юридическими вопросами [4, с. 71-72]. По своей организации было похоже на духовную консисторию при епархиальных властях. В годы войны Правление находилось в Петрограде, сюда направлялись суммы, собранные по линии благотворительности, здесь принимались решения о назначении пенсий, пособий, выплат семьям священников. Также Духовное правление могло выписывать суммы духовенству действующей армии (например, на покупку и устройство церквей). Священники сдавали в Духовное правление заполненные метрические книги, на основании которых выписывались метрические свидетельства.

На местах непосредственное управление духовенством осуществляли главные священники армий фронта, штабные священники и благочинные.

Должность главного священника армий фронта утверждалась на время войны по «Положению о полевом управлении войск в военное время» 1914 г. До «Положения» 1914 г. схожие функции выполняли полевые главные священники (например, в годы Русско-японской войны). Главные священники имели двойное подчинение: как протопресвитеру, так и дежурному генералу Штаба Главнокомандующего армиями фронта [1, с. 26]. Они занимались управлением всем духовенством, служащем в войсках и учреждениях фронтов, каковых в годы Первой мировой войны было пять: Северный и Западный (были образованы в результате де-

ления Северо-Западного фронта в августе 1915 г.), Юго-Западный, Румынский и Кавказский. Во главе Западного фронта стоял протоиерей К. Богородицкий.

Главные священники имели широкий круг обязанностей. Они спускали приказы протопресвитера и полевой канцелярии подведомственному духовенству, отслеживали информацию об их выполнении. Кроме того, имели право рассылать свои собственные указания в пределах фронта, которые были обязательными для исполнения духовенством. На их имя отправлялись все рапорты и отчеты о пастырской деятельности, состоянии церквей, ими же контролировалось правильное ведение метрических и прихода-расходных книг. Решение кадровых вопросов в пределах фронта также поручалось главным священникам. Они могли перемещать священников из одной части в другую, командировать духовенство на места временной службы (в качестве заместителей). Однако все принятые решения проходили согласование протопресвитером. С согласия военного командования главные священники отпускали духовенство в командировки и отпуска.

В штабах командующих армиями полагалась должность священника (в войсках Западного фронта речь идет в первую очередь о 2-й, 3-й и 10-й армиях). В начале войны на плечи штабного священника ложилось лишь религиозное обслуживание всех служащих в штабе [6, с. 96]. Однако вскоре его обязанности были пересмотрены. Он был назначен помощником главного священника армий фронта, занимался сбором и отправкой сведений, необходимых вышестоящему руководству. В случае отсутствия главного священника, один из штабных становился его заместителем. Кроме того, их ведению поручалось духовенство некоторых частей и учреждений. В частности, штабное духовенство становилось благочинными для неприданных дивизиям госпиталей армии. В числе его обязанностей был контроль за деятельностью подчиненного духовенства: частым совершением богослужений, посещением раненых, напутствием умирающих, ведением записей в метрических книгах, правильной организацией погребений [3, л. 6–6 об.]. В курируемых госпиталях штабной священник следил, чтобы раненые и больные не оставались без пастырского попечения. Поэтому он имел право временно перемещать священников, и поручать одному несколько госпиталей. О принятых решениях сообщалось главному священнику. Как главные, так и штабные священники совершали командировки в части и учреждения армии для обозрения подчиненного духовенства.

Непосредственный контроль деятельности священников в воинских частях и учреждениях выполняли благочинные. В годы Первой мировой войны должность благочинного вводилась в дивизиях, гарнизонах, а также госпиталях – то есть в местах, где было несколько священнослужителей. Обычно благочинный избирался по принципу старшинства по рукоположению (при этом отдавали предпочтение протоиереям). Одновременно с обязанностями благочинного, он сохранял место службы в своем полку или госпитале.

Благочинные напрямую контролировали работу священников на местах, по возможности разрешали спорные ситуации, или сообщали о них штабным и главным священникам. Они возглавляли братские собрания, где обсуждалось состояние пастырского дела в частях, выдвигались предложения об улучшении богослужебной и вне богослужебной работы. Благочинные доводили до сведения рядового духовенства циркуляры протопресвитера, собирали всю информацию о госпиталях, частях и священниках, служащих в них. Каждый месяц отчитывались главному священнику о состоянии пастырской работы. Благочинный имел право временно назначать подчиненное ему духовенство в те части и госпитали, где было некому удовлетворять религиозные нужды воинов, мог просить о помощи ближайшее епархиальное начальство [3, л. 18]. Важно, что протопресвитер поручил благочинным контролировать вопрос ухода священников в краткосрочные отпуска и командировки.

Делая вывод об управлении военными священниками в годы войны 1914–1918 гг. можно утверждать, что оно имело упорядоченный характер. Общее управление лежало на плечах протопресвитера военного и морского духовенства, полевой канцелярии при нем, а также Духовного правления. В качестве посредников между протопресвитером и рядовыми священниками выступали главные священники армий фронта, которым подчинялись штабные священники, а им, в свою очередь, благочинные. Они обеспечивали управление духовенством на местах, следили за исполнением указов по ведомству в пределах своей юрисдикции.

Список источников и литературы

1. Положение о полевом управлении войск в военное время: Изменения и дополнения статей, последовавшие в период времени с 20-го июля 1914 г. по 1-е марта 1919 г. Архангельск : Тип. Сев. общ. печ. и изд. дела, 1920. 100 с.
2. Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 10. СПб. : Государственная типография, 1893. С. 470–481.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 5. Д. 10776.
4. Старостенко Э.В. К вопросу о ведомстве военного и морского духовенства Российской империи к началу Первой мировой войны // Религия и общество – 8: Сб. науч. статей / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дзяченко. Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2014. С. 71–73.
5. Старостенко Э.В. Православные военные священники в Российской армии в годы Первой мировой войны: категории и обязанности // Идеологические аспекты военной безопасности. 2016. № 2. С. 50–54.
6. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота (в 2 томах). Нью-Йорк, 1954. Т. 2. 412 с.

Сведения об авторе:

Старостенко Элеонора Викторовна – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси и восточных славян Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь, e-mail: eleonorastarostenko@mail.ru.

Starostenko Eleonora Victorovna, postgraduate student of the Department of History of Belarus and the Eastern slavs (Mogilev state university named after A. Kuleshov, Mogilev, Belarus). E-mail: eleonorastarostenko@mail.ru

Management by the orthodox military clergy during the years of the First World War (on the example of the Western front army)

Abstract: The structure of the department of military and navy clergy during the First World War is analyzed in the article on the example of the administration by the priests of armies of the Western Front. The main tasks placed to the protopresbyter, the chief priests, the dean in the war time are described. Attention is paid to Clergy Board department of the military and navy clergy and to the field office of the Protopresbyter.

Keywords: the First world war, Orthodox Church, Department attached to Protopresbyter of military and navy priesthood, orthodox military priesthood, G. Shavelsky.

«МАНУФАКТУРНАЯ СВИСТОПЛЯСКА»: ПРОБЛЕМЫ СНАБЖЕНИЯ АРМИИ И НАСЕЛЕНИЯ ОБУВЬЮ В МИНСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В. Ф. Блохин (БГУ)

Аннотация: одной из важнейших проблем, с которой столкнулись все державы, принимавшие участие в Первой мировой войне – проблема единения фронта и тыла. В условиях существования многомиллионной армии, через которую за годы войны прошло около 15 млн жителей Российской империи, вопросы снабжения вооружением, питанием, обмундированием выходили, зачастую, на первый план. Так, Русская армия не могла из-за осенней распутицы и отсутствия добротной обуви успешно осуществлять некоторые из своих военных операций. Статья посвящена проблеме снабжения армии обувью, автор пытается разобраться в причинах ее дефицита, показать предпринимаемые властями меры по ликвидации напряженной ситуации.

Ключевые слова: Первая мировая война, Совет министров, штаб Верховного главнокомандующего, сапоги, интендантство, дефицит.

С началом Первой мировой войны тыл русской армии столкнулся с серьезными экономическими проблемами, отразившимися на снабжении фронта всем необходимым: от вооружения и боеприпасов, до одежды и продуктов питания. Положение усугублялось плохой работой транспорта, сбоями в функционировании государственного аппарата, масштабными злоупотреблениями поставщиков, чиновников, интендантов. Всё это лишало возможности налаживания единства фронта и тыла, столь необходимого для успешного ведения военных действий в небывалой по своему размаху войне.

В рамках этой небольшой статьи попытаемся рассмотреть одну из проблем снабжения армии, которую можно расценивать как показателю

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект «Первая мировая война. повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915 – 1917 гг.)» № 17-21-01010 а(м).

тельную, наглядно иллюстрирующую происходившее в сфере обеспечения фронта всем необходимым. Речь пойдет о солдатских сапогах, уже в первые месяцы войны превратившихся в предмет острого дефицита. Однако данная тема связана не только с затруднительным положением интендантской службы, она раскрывает одну из сторон повседневной жизни российских городов и деревень периода Первой мировой войны, наглядно иллюстрирует происходившие изменения в настроениях тыла, вызванные ощущением нарастающей беспомощности властей.

В центральной России центром дубильных заводов являлся Московский район [1]. Качественная выделка кожи и производство обуви в довоенной России были также сосредоточены в западных губерниях (Прибалтика, Польша), «поскольку производство было основано в большей степени на переработке зарубежного тяжелого кожевенного сырья и иностранных дубильных материалов, обходившихся дешевле» [2, с. 125]. Неудачи Русской армии в начале 1915 г. лишили возможности в полной мере использовать этот район для решения проблем снабжения армии, но не в этом скрывалась главная причина нехватки обуви.

Наряду с крупными предприятиями, занимавшимися ее изготовлением, по всей стране в этом производстве трудились кустари-одиночки и многочисленные, состоявшие из них артели, на долю которых приходилась бóльшая часть производимой продукции, поэтому сложности, с которыми столкнулись интендантские службы, снабжавшие армию, очень скоро сказались на условиях быта населения прифронтовых и далёких от фронта районов, превратив кожевенный вопрос в настоящее бедствие.

Призывы в армию охватили миллионы человек, которых требовалось в короткие сроки снабдить всем необходимым. Это то, что относилось к трудностям объективного характера, но с самого начала заметную роль в деле снабжения армии и населения начал играть субъективный фактор.

В течение 1915 г. цены на кожу в пределах Минского военного округа выросли с 25-30 руб. за пуд до 150 руб., а когда администрация попробовала нормировать цену и снизить до 50 руб. за пуд, а затем и вообще прибегла к секвестру кожи для военных нужд, то «кож попросту и совсем не оказалось» [1]. Примечательно, что рост цен нельзя объяснить близостью этой территории к районам военных действий, поскольку в той же Москве, которая уже упоминалась в качестве одного из крупнейших центров производства кожи, пуд её в розничной продаже стоил 120-130 руб.

Все эти проблемы возникли на фоне, казалось бы, довольно благоприятных условий их решения. Во-первых, был прекращен вывоз кожи за границу, а до начала войны в России её было такое изобилие, что ею за бесценок снабжали заграничные рынки. Кроме того, в связи с войной убой скота, сравнительно с довоенным временем, возрос в два-три раза, из-за армейского мясного рациона. Так, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич заявлял в Совет министров цифру необходимой ежедневной поставки в армию крупного рогатого скота в 15 000 голов*, а только на один Северо-Западный фронт – 6000 голов [3, л. 417 об.]. Если к этому добавить гибель животных во время военных действий, то запасы кожевенного сырья должны были намного превышать потребность в нем страны. Так, газета «Минский голос» сообщала, без указания конкретных фамилий, что «с самого начала войны двум общественным деятелям <...> сдан правительством подряд на сдирание кожи с павших и убитых животных на театре военных действий. По крайней мере, в первые месяцы войны это должно было дать огромную массу лишней кожи» [1].

С 6 по 17 марта 1915 г. Совет министров провел заседания, посвященные «некоторым мерам по снабжению действующей армии». Основанием послужило письменное обращение, по поручению Верховного главнокомандующего, начальника штаба Н.Н. Янушкевич к председателю Совета министров статс-секретарю И.Л. Горемыкину, в котором было отмечено, что при всех усилиях Военного министерства разнообразные потребности многомиллионной действующей армии не могут быть удовлетворены без возможно широкого привлечении к делу снабжения «общественных и земских сил, имеющих в лице органов местного самоуправления, опытные кадры агентов» [3, л. 417 об.].

Об остроте проблемы свидетельствовали приведенные цифры: «Так, для полного удовлетворения армии обувью требуется сверх получаемых ныне от довольствующих учреждений до 1 млн пар сапог ежемесячно» [3, л. 417]. Для сравнения, в мирное время интендантство заготавливало за целый год лишь 1 600 000 пар [3, л. 418]. Положение усугубля-

* По данным Совета министров, железнодорожный состав, перевозивший крупный рогатый скот, содержал 30 вагонов со скотом (по 10 голов в каждом), 5 вагонов с кормом для него, 1 вагон с проводниками (всего 36 вагонов), т. е. не более 300 голов. Значит ежедневно требовалось до 50 составов, что было совершенно нереально в условиях войны (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 850. Л. 423 об.).

лось обстоятельствами военного времени и короткими сроками, отпущенными на решение задачи. Полевые условия службы не менее, чем в три раза, сократили время носки обуви. Возникли и другие непредвиденные обстоятельства. В письмах с фронта родственников просили прислать походные сапоги: «Мои совсем разорвались и просят каши. Мы здесь все вообще вроде обтрепанных босняков» [4, л. 105].

Высочайше утвержденным 17 августа 1914 г. проектом изменения статьи 1455 кн. XIX Свода военных постановлений (С.В.П.), объявлялось, что «в военное время никаких сроков для интендантского вещевого довольствия не устанавливается и что годовые вещи белье и сапоги, состоящие на руках у нижних чинов, являются собственностью казны». Принятое постановление имело отношение к еще одной, так и не решенной в годы войны трудной задаче: уже в первые месяцы войны возникла проблема торговли казенным имуществом, с которой пришлось бороться все последующие годы, разрушая созданный на страницах газет «обобщенный образ былинного героя-солдата, при описании которого использовалась лубочная стилистика» [5, с. 8].

Солдаты пользовались ситуацией, при которой поношенные сапоги не требовались к сдаче при получении новых. Они продолжали ходить в старых, кое как их подремонтировав, а полученную на складе обувь продавали. В итоге, в прифронтовых районах многие крестьяне носили сапоги казенного образца.

Поскольку это явление получило довольно широкое распространение, приказанием за подписью начальника штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича 23 февраля 1915 г. устанавливалось: «При получении в частях войск новых сапог – старые, как требующие большой починки, так и не годные к дальнейшей носке, немедленно отбирать в количестве, равном числу выданных новых сапог и сдавать дивизионным интендантам для отправки последними в ближайшие интендантские склады» [6]. Там сданная обувь должна была сортироваться, ремонтироваться, «в крайнем случае, употребляться как починочный материал». Предусматривалось также организовать в районах расположения войск возможно большее количество ремонтных мастерских, а замеченные в продаже казенных сапог нижние чины должны были караться самыми строгими мерами. Наказание несли и ближайшие начальники, совершивших этот проступок солдат.

Однако и эти меры контроля, а также довольно суровые наказания оставили лазейку для злоупотреблений, поскольку принимавший старую обувь продовольственный транспорт всеми способами старался от

нее отказаться из-за ее непригодного для ремонта состояния и сложностей сдачи в интендантские склады [7, с. 204]. «Нижние чины сумели из этой операции по приемке сапог извлечь себе пользу – возьмет себе развалившиеся сапоги, а свои, хорошие, продаст; потом заявляет, что ему нужны сапоги, ибо его изнасились» [7, с. 204].

Обязательным постановлением для населения губерний, входивших в состав Минского военного округа, было также запрещено частным лицам покупать у воинских чинов и воинских частей и учреждений шкуры от убойного скота. Поскольку в качестве наказания предусматривалось заключение в тюрьме на срок до трех месяцев, конфискация купленных шкур и выселение за пределы округа на всё время войны, можно сделать вывод, что такого рода проступки носили довольно массовый характер [8].

Одной из мер, направленных на ликвидацию сапожного дефицита, явилось Высочайшее повеление, выданное на основе доклада военного министра 13 января 1915 г. Для армии в военное время было разрешено использовать наряду с сапогами обувь «произвольных образцов из подходящих материалов» [9].

Начальник Минского военного округа 15 марта 1915 г. своим приказом установил правила сбора и приема за плату от населения найденного им «русского и неприятельского оружия, боевых припасов и предметов обмундирования и снаряжения, а также выдачи денежных наград командирам частей войск, назначаемых для той же надобности» [10]. За сданную шинель и пару сапог была определена одинаковая плата в 20 копеек.

По Высочайше утвержденному 22 февраля 1915 г. положению Военного совета было также разрешено приобретение в Америке 1 150 000 пар башмаков за 9 045 000 руб., что, с потерей на курсе валют, составляло около 7 руб. 25 коп. за пару [3, л. 421 об.]. Кроме того, было принято решение наряду с обыкновенными сапогами, шить сапоги с голенищами из брезентовой парусины [3, л. 288].

Чтобы голенища у такой обуви не опускались во время ходьбы, она снабжалась двумя прочными ремешками с пряжкой. Остальные части этих сапог изготавливались из яловой кожи по образцу, утвержденному 18 августа 1914 г. «Простилка», стелька и внутренняя сторона подошвы обильно смазывалась варом, для того, чтобы не проникала сырость. Прикрепление подошвы производилось или при помощи одного ряда медных винтов, или за счет двух рядов деревянных шпилек. Каблук прикреплялся двумя рядами толстых железных шпилек [3, л. 288 об.].

На мартовском заседании Совета министров в 1915 г. по вопросу поставки обуви в армию были заслушаны военный министр, генерал-адъютант В.А. Сухомлинов и главный интендант, генерал от инфантерии Д.С. Шуваев, которые заняли противоположную штабу Верховного главнокомандующего позицию в вопросе о широком привлечении к делу поставок для нужд армии общественных сил. Их вывод сводился к следующему: «...нельзя возлагать преувеличенных надежд на сколько-нибудь существенную степень этого содействия» [3, л. 417 об.]. В качестве примера ими были приведены меры, предпринятые для частичного обеспечения армии сапогами председателем Всероссийского земского союза князем Г.Е. Львовым. Задача снабжения форменной обувью не была выполнена, а взамен сапог в Америке были закуплены башмаки.

Однако Совет министров все же выступил за привлечение общественных организаций к делу снабжения армии обувью, поскольку даже при относительно низкой эффективности работы земств в этом направлении решалась важная политическая задача: «обезопасить правительство от неизбежных, при сложности и обширности предстоящих заготовлений, нареканий» [3, л. 419 об.]. Исходя из этого, отмечались конкретные позитивные результаты общественной деятельности. Так, уже в начале Первой мировой войны под председательством губернаторов стали создаваться специальные комиссии по приемке сапог. В октябре 1914 г. ими было поставлено 199 000 пар сапог, в ноябре – уже 540 000 пар, в декабре – 890 000, в январе 1915 г. – 860 000 пар и в феврале – 1 100 000 пар [3, л. 418 об. – 419].

Примером административного решения проблемы может служить разосланный 19 января 1915 г. городским управлениям Минской губернии циркуляр следующего содержания: «Предлагаю городским управам и управлениям безотлагательно представлять мне особые акты о том, сколько дней и часов уполномоченные от сапожников участвовали в приёмке солдатских сапог, сдаче их на хранение и отсылке в интендантство, а равно – сколько пар сапог принято, сдано на хранение и отослано, а также краткие ведомости причитающегося утвержденным от сапожников суточного вознаграждения» [11].

Бобруйская городская сапожная комиссия часто прибегала в январе 1915 г. к реквизиции сапожных товаров, необходимых для шитья сапог для армии, т. к. местные торговцы отказываются отпускать эти товары по установленным ценам. Городская управа усомнилась в том, вправе ли сапожная комиссия реквизировать эти товары и направила запрос об этом начальнику губернии. Ответ сводился к тому, что если такой товар

приобретён кем-либо и за него заплачены деньги, а главное, существует доказательство такой оплаты, то он не может быть принудительным путем передан в распоряжение сапожных мастеров. В противном же случае сапожная комиссия и сапожные мастера вправе приобретать таковой по ценам, установленным главным начальником Минского военного округа, не взирая даже на то, что торговцы предполагают сбывать такой товар в другие места [12].

Обычно к производству солдатских сапог привлекались кустари-сапожники, которые обязаны были в неделю изготавливать из своих материалов, но за казенную плату, не менее двух пар обуви. Однако со временем, работавшие на армию сапожники, столкнулись с практически неразрешимой для них проблемой: цены на материалы для производства сапог безудержно росли, а сдача готовой продукции осуществлялась по установленной военными властями расценкам.

Эта проблема также была озвучена на заседании Совета министров в марте 1915 г. Констатировалось, что при сложившихся на тот момент ценах на сырье, себестоимость пары сапог составляла 10 руб. 93 коп., тогда как казенная, определённая на них интендантством цена составляла всего 8 руб. 40 коп. Разумеется, что при таких условиях администрация не находила поставщиков и вынуждена была прибегать к реквизициям или довольствоваться товаром, не вполне удовлетворительного качества [3, л. 421]. Совет министров счел необходимым, чтобы цены на сапоги были приведены в полное соответствие с действительной рыночной стоимостью [3, л. 421 об.].

Наиболее удобным предлагалось попытаться применить к крупным, работавшим на казну сапожным предприятием, порядок, который с некоторых пор с успехом действовал на заводах, изготавливавших артиллерийские снаряды. Там цены определялись в зависимости от сложившейся на тот момент стоимости сырья, с постоянными, в сторону повышения или понижения поправками, в зависимости от колебаний рыночных цен на соответствующие материалы.

Представители кожевенной промышленности, приглашенные председателем Совета министров в качестве экспертов на частное совещание, настаивали на отмене местных реквизиций кожевенных товаров и всех запретительных в отношении свободного обращения кож распоряжений. По их убеждению, эти действия властей нанесли значительный ущерб делу сапожного производства [3, л. 419 об.]. Приведенные доводы и примеры были настолько убедительными, что Совет министров принял решение обратиться за «Высочайшим соизволением на изъятие

кожевенного товара из числа тех предметов, права реквизиции и воспреещения вывоза коих, на основании Высочайшего указа Правительствующему сенату от 8 декабря 1914 г. (Собр. узаконений, ст. 3309), предоставлено командующим войсками военных округов в местностях, объявленных на положении чрезвычайной охраны» [3, л. 420]. Предлагалось также ходатайствовать перед Верховным главнокомандующим о распространении этой меры и на округа, входившие в район военных действий.

Переходя к частностям, связанным с причинами сложившегося дефицита в снабжении армии сапогами, представители кожевенной промышленности единодушно заявили, что недостатка в сырье в России пока еще не наблюдается и производство обуви могло бы получить значительное развитие (по заявлению промышленников – в пределах до 24 миллионов пар в год) при условии незамедлительного принятия надлежащих для этого мер [3, л. 419 об.]. Среди таких мер была отмечена необходимость налаживания железнодорожных перевозок, препятствовавших своевременному подвозу необходимого промышленным предприятиям сырья. В итоге, на Совете министров был заслушан и министр путей сообщения [3, л. 420].

Представители кожевенной промышленности также отмечали, что в их производстве наблюдался существенный недостаток в дубильных, необходимых для выделки кож, экстрактах. Обычно в России в тот период для выделки кожи использовались материалы, полученные из ивовой и дубовой коры, что требовало для получения надлежащего качества продукции около девяти месяцев.

Между тем, получаемые из Аргентины экстракты, вырабатываемые из деревьев тамошних пород, значительно ускоряли готовность выделываемой кожи, допуская, при наиболее благоприятных условиях, выдубку в течение двухмесячного и даже месячного срока. Исчисляя общую потребность кожевенной промышленности в этих материалах, была определена сумма, примерно, в 39 млн руб. Совет министров на это заявил о возможности выделения 7-8 млн руб. [3, л. 420 об.].

Также было принято решение о предоставлении военному министерству права привлечь к непосредственному и ближайшему участию в мероприятиях по снабжению армии обувью председателей Московского и Нижегородского биржевых комитетов, действительного статского советника Крестовникова и коммерции советника Сироткина, и установить новый порядок для определения цен на изготавливаемую интендантским ведомством обувь.

Однако, несмотря на предпринятые Советом министров меры, к началу 1916 г. цены на обувь выросли в несколько раз. Так, в пределах Минского военного округа обувные изделия, которые раньше имели цену 4-6 руб., стали стоить 15-18 руб., стоившие 8-11 руб., достигали цены в 30 руб., «да и то товара в некоторых городах почти нет» [1]. С учетом того, что миллионы людей в тот период в России имели месячный бюджет в несколько десятков рублей, а семья, которая вынуждена была довольствоваться такими суммами насчитывала не менее трех человек, обувной дефицит превращался в настоящее бедствие, особенно в холодное время года, когда возникала проблема массовых обморожений. «Не в лаптях же, в самом деле, ходить всем этим мелким чиновникам, учителям, конторщикам и тому подобному люду, получающему гроши!», – восклицал корреспондент «Минского голоса» [1].

Газета провела свое расследование этой проблемы в рамках границ, дозволенных военной цензурой. Ответ удалось найти в той сфере, которая не была затронута в заседании Совета министров в марте 1915 г.: «Говорят, что всё дело в отсутствии подвоза на дубильные заводы дубильных веществ и как водится, в отсутствии вагонов для отправки кож в крупные центры, где в них нужда. Конечно, можно сказать: и это... Но, только именно с прибавкой – "и", ибо в свое время также говорили и об угле, и о дровах, и о сахаре, и о многом прочем, а на самом деле оказалось, что далеко не в одном подвозе дело и даже не главное в этом» [1]. Речь шла о бессовестной спекуляции, и газета пришла к выводу, что «если бы хотя половину находящегося в стране скопления сырых кож пустить в оборот, то цены на них должны были бы упасть ниже даже обычных, до довоенных цен. И потому русские кожи, которых сейчас в стране необыкновенное преизобилие, где-нибудь в сыром просоленном виде лежит в ожидании того момента, когда их можно будет более выгодно сплавить за границу» [1].

Фабрики перекупали товар друг у друга, склады у фабрик, «темные типы» – у складов. Прежде, чем товар доходил до торговцев, чуть ли не десяток людей успевали получить свою долю прибыли. Государство же продолжало действовать прежними административными мерами.

Министр торговли и промышленности 1 марта 1916 г., на основании ст. 3 закона 19 октября 1915 г. «О некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем кожевенных заводов» (Собрание узаконений, ст. 2311), издал обязательное постановление: «I. Установить нижеследующие размеры предельных цен: а) на сапог машинной работы интендантского образца: 1) армейский не свыше 14 руб. 60 коп. за пару; 2) кавалерийский

с внутренней подложной подметкой не свыше 14 руб. 10 коп. за пару; б) на полусапог машинной работы интендантского образца: 1) армейский не свыше 11 руб. 85 коп. за пару; 2) кавалерийский с внутренней подложной подметкой не свыше 11 руб. 35 коп. за пару. II. Виновные в продаже сапог и полусапог по ценам, выше установленных настоящим обязательным постановлением, а равно лица, вступившие в соглашения, направленные к обходу сего постановления, подвергаются в порядке ст. 6 вышеуказанного закона 19 октября 1915 года, заключению в тюрьме на время не свыше одного года и четырех месяцев» [13].

В июле 1916 г. в Орле местные власти проводили перепись обуви в магазинах города. Полицмейстер А.Д. Богрецов, собрав 18 чинов полиции, рассказал им об установленных ценах на обувь и направил их на проверку «с целью воспрепятствования торговцам припрятать дорогую обувь, а также и продавать ее выше положенной таксы» [14]. В дальнейшем чины полиции ежедневно представляли полицмейстеру списки проданной торговцами обуви с указанием адресов покупателей и следили за поступлением в магазины нового товара [15]. Однако все эти меры не привели к решению наиболее острого в годы войны вопроса, демонстрируя беспомощность властей, готовя грядущие революционные потрясения.

Вершиной же обувного кризиса можно считать сообщение Минского военно-окружного интендантского управления 18 февраля 1916 г. Военное ведомство заблаговременно начало подготовку к летнему периоду военной кампании и проводило в городе Смоленске «соревнование» (торги) на поставку «липовых лаптей с веревками при них для обматывания портянок или без веревок со сдачей всего количества не позже 15 марта в городах Брянск, Смоленск, Витебск, Минск и Могилев в интендантские вещевые склады через войсковые приемные комиссии» [16]. К соревнованию должны были быть представлены образцы лаптей. Лапоть требовался летний, обыкновенного «русского образца».

Список источников и литературы

1. Минский голос. 1916. № 2017. 15 марта.
2. Липина С.А. Кожевенно-обувная промышленность Вятской губернии в начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 125-129.
3. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 850.
4. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 906.
5. Алферова И.В. «Армейский вестник» и «героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 7-12.

-
6. Приказание Верховного главнокомандующего. 23 февраля 1915 г. № 12 // Приказ Минским военно-окружным управлениям на театре войны. Б. м., 1915.
 7. Сенявская Е.С. Окопный быт Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 204. С. 192-219.
 8. Минский голос. 1915. № 1564. 16 марта.
 9. Приказ № 146. 13 марта 1915 г. гор. Минск // Приказ Минским военно-окружным управлениям на театре войны. Б. м., 1915.
 10. Приказ № 152. 15 марта 1915 г. гор. Минск // Приказ Минским военно-окружным управлениям на театре войны. Б. м., 1915.
 11. К изготовлению сапог для армии // Минский голос. 1915. № 1598. 19 января.
 12. К изготовлению сапог для армии // Минский голос. 1915. № 1601. 22 января.
 13. Минский голос. 1916. № 2020. 18 марта
 14. Орловский край. 1916. № 88. 15 июля.
 15. Орловский край. 1916. № 91. 19 июля.
 16. Орловский вестник. 1916. № 36. 14 февраля.

Сведения об авторе:

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valery – Doctor of History, Professor, Head of the department of national history, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Russia), E-mail: blohin.val@yandex.ru

«Manufactory Confusion»: The problem of the shoes supplies for the army and the population for Minsk Military District during the First World War.

Annotation: one of the most important issues, faced by all countries-participants of the World War one is the unification of the active army members and army reserves. With existence of the giant army, which included about 15 millions of Russian people throughout the duration of the war, the supply of weapons, clothing, and food, had arisen an issue, prioritized to be solved first. The research is dedicated to the problem of shoes supply. Author is trying to find out the reasons for its deficit, and to show all the actions taken by the government to liquidate the tense situation.

Key words: First World War, the Council of Ministers, the base of the Chief Commander, boots, deficit.

ПРОБЛЕМА ТРУДОУСТРОЙСТВА БЕЖЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЙ МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1915–1916 ГОДАХ*

Ю. Н. Устинова (БГУ)

В. В. Василенко

(Климовичский государственный аграрный колледж»,
Республика Беларусь)

Аннотация: статья посвящена проблеме трудоустройства беженцев на территории Минской и Могилевской губерний Минского военного округа в годы Первой мировой войны. Показаны особенности решения вопроса в рассматриваемом регионе, раскрыта степень участия общественных объединений в его организации и урегулировании.

Ключевые слова: Первая мировая война, Минская и Могилевская губернии Минского военного округа, проблема трудоустройства, беженцы, бюро труда, общественные организации

Первая мировая война обнажила много проблемных вопросов в Российской империи, которые без привлечения общественных сил невозможно было решить только усилиями государственной власти. Одной из таких трудностей стала беженская проблема.

Военные действия в конце 1914 – начале 1915 гг. и отступление русской армии летом 1915 г. из польских губерний спровоцировали движение огромного потока людей, которые были вынуждены уходить из родных мест в белорусские губернии Минского военного округа. Несколько месяцев они двигались через белорусские губернии: «весь путь от Бреста до Москвы в пределах четырёх губерний – Гродненской, Минской, Могилёвской и Смоленской был сплошь усеян беженцами» [19, с. 531]. В донесении Главноуполномоченному по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинову в июле 1915 г. сообщалось, что беженцы массово прибывают в Гродненскую губернию, до 25 июля через Кобрин проследо-

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губерний. 1915-1917 гг.) № 17-21-01010 а(м).

вало свыше 100 тыс. чел. [17, л. 132]. В июле по пути Кобрин – Пружаны – Барановичи двигалось 400 тыс. чел. С 31 июля до 15 августа из района Кобрин было отправлено на восток до 100 тыс. вынужденных переселенцев.

Другая «волна» беженцев двигалась через Пружаны – Слоним – Барановичи и Белосток – Волковыск – Слоним – Барановичи. В августе 1915 г. их численность в Барановичах достигла 100 тыс. чел. [1, с. 132]. Они направлялись в Могилёвскую губернию. Транзитными пунктами стали Могилёв, Орша, Жлобин. Через Жлобин с 25 по 31 июля прошло 14689 чел., с 1 по 15 августа – 45 тыс. чел. На железнодорожной станции Орша с 13 июля по 7 августа было зарегистрировано 24900 прошедших беженцев. Через Могилёв с 7 по 12 августа проследовало 2 тыс., а с 12 по 25 августа 12 тыс. чел. [16, с. 98-99]. На юге губернии пунктами, через которые двигались вынужденные переселенцы, были Гомель, Речица, Рогачёв. В августе через Гомель их ежедневно проходило от 5 до 10 тыс., в районе Речицы в сентябре собралось 64 тыс. чел., в Рогачёве находилось от 35 до 42 тыс. чел. [2, с. 79]. Через Рогачёв за 1915 г. зарегистрированных беженцев проследовало 700 тыс. чел. [13, с. 82].

С наступлением холодов, беженский поток остановился. К началу января 1916 г. в Минской губернии осело 97459 беженцев, из которых 14843 остановились в Минске. В Могилёвской губернии было рассредоточено 53937 чел., из которых в Могилёве остановилось 1116 чел. [11, с. 159].

Местные, центральные и военные власти на фронте и в тылу столкнулись с совершенно новым вызовом времени – проблемой обеспечения жизнедеятельности пришлого населения, их адаптации, приспособления к новым условиям и максимально безболезненного включения в новое общество. Следовало решить проблему размещения, нехватки продовольствия, безработицы, ухудшения санитарно-медицинской обстановки и др. К решению вопросов касательно жизни беженцев, с которыми власти не могли справиться в одиночку, привлекались различные общественные и благотворительные, в том числе и национальные организации.

На территории Минской и Могилёвской губерний помощь беженцам оказывали Комитет великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет), Всероссийский земский союз (ВЗС), Всероссийский союз городов (ВСГ), организация Главноуполномоченного С.И. Зубчанинова по устройству беженцев Северного района («Северопомощь»), различные благотворительные национальные организации (польские, еврейские, литовские). Данные структуры занимались организацией медицинской, финансовой помощи беженцам, их питанием, снабжали вещами, помогали с трудоустройством на работу.

Первыми, кто осознал острую необходимость решения беженской проблемы, были военные. Скопление значительного количества изможденных длительными переездами людей, не обеспеченных элементарными бытовыми условиями, отсутствие медицинского обслуживания и возможности заработка для обеспечения своих семей становилось источником социальной напряженности, общественной безопасности, вносили дезорганизацию в работу местных и военных властей, транспортную систему, мешали перемещению войск, угрожали распространением в войсках эпидемических заболеваний и т. д. В сложившихся обстоятельствах военные власти обратились за помощью к общественным организациям и объединениям. Так, главный начальник Минского военного округа в приказе № 476 от 7 июля 1915 г. отдал распоряжение «...персоналу военно-лечебных заведений Округа, когда позволяют прямые обязанности, оказывать по обращениям Губернаторов, деятельное содействие путём амбулаторного лечения беженцев, врачебного их досмотра, а также при возможности, госпитального коечного лечения» [21].

Одной из стратегических задач для власти являлось трудоустройство беженцев. Решением данного вопроса в некоторой степени планировалось снять проблему нехватки рабочих рук и обеспечить, пусть и минимальными, средствами к существованию семьи переселенцев. Эти два фактора – ежедневная занятость и наличие средств на существование – призваны были снизить уровень криминогенной обстановки в регионе.

С августа по октябрь 1915 г. власти фиксировали непрерывный поток беженцев. Первые переселенцы незначительными партиями стали проходить через белорусские губернии ещё ранней весной 1915 г. Понимая, что проблема не может быть решена в одночасье, местные власти и общественные организации стали заранее готовить рабочие места. Для помощи беженцам в трудоустройстве учреждались бюро труда, рабочие дома.

Отметим, что вопрос трудоустройства затрагивал все категории беженцев. Информацию о трудоустройстве они могли получить в местах скопления вынужденных переселенцев, например, в питательных пунктах, где расклеивали плакаты, как сотрудники бюро труда, так и уже посетившие подобные организации беженцы [10, с. 212].

В конце февраля 1915 г. Московское бюро распространения ремёсел и Минское общество вспомоществования беженцам выделили по 1500 руб. на создание и обустройство в Минске рабочего дома и закупку для него швейных машин [22, с. 3]. К этой работе подключилось местное губернское отделение Татьянинского комитета, выделив Минскому попечительскому обществу о домах трудолюбия 300 руб. на приобретение швейных машин

для мастерской по пошиву белья для армии [15, с. 4]. В это же время Бюро труда при Минском городском комитете общественной помощи получило от интендантства 2 млн. аршин материи и заказ на пошив 300 тыс. пар рубах и прочего белья для армии. Это дало возможность предоставить работу всем нуждающимся: беженцам, безработным ремесленникам [6, с. 4]. Отделение Татьянинского комитета также поддержало ходатайство Главного начальника Минского военного округа в интендантство о передаче части заказов в Минск, так появилась возможность трудоустроить осевших на данной территории беженцев [25, с. 30].

В рабочих руках нуждались местные предприятия и учреждения, частные хозяйства в сельской местности, военные, которым нужны были свободные руки для проведения оборонительных работ. Продвигаясь вглубь белорусских губерний, беженцы могли получить работу в местах временного проживания, рядом с которыми производились какие-нибудь работы. Наблюдающий за движением беженцев на станции Орша И.А. Завадский докладывал уполномоченному по устройству беженцев Могилёвской губернии Е.В. Ольденкопу, что в связи с нехваткой рабочих рук к нему обращались за помощью в оборудовании окопов в районе Орши. Просьба была удовлетворена: работу получили более 200 чел. Оплата труда черно-рабочих мужчин варьировалась от 1 руб. 25 коп. до 1 р. 50 коп., женщин и детей – от 75 коп. до 1 рубля [3, с. 139].

При учреждениях различных общественных организаций открывались бюро труда, которые выполняли функцию посредников между соискателями работы – беженцами – и работодателями. Осень 1915 г. стала периодом «наиболее интенсивного и обильного роста посреднических организаций» [27, с. 107]. Бюро труда хотя и имели одну цель – трудоустройство беженцев, но должны были координировать свою деятельность. Для этого нужен был один руководящий центральный орган. Поэтому объединенный отдел по оказанию помощи беженцам при ВЗС и ВСГ организовал Всероссийское бюро труда. Его главной задачей стало создание сети учреждений по оказанию трудовой помощи на местах, расширение и налаживание связей с бюро труда других организаций. Данная структура занималась сбором сведений об оплате труда и созданием анкет с информацией о запросах на работу [19, с. 554]. Всего действовало 51 бюро труда при земских учреждениях, 52 – при городских, 16 – Земгора, 34 – при других организациях [14, с. 83].

В Минской и Могилёвской губерниях в 1915 г. бюро труда открывались в городах. В Борисове работало бюро при городском управлении «Северопомощи», в Гомеле – Гомельское трудовое и регистрационное бюро Всероссийского земского и городского союзов, Гомельское бюро труда при

еврейском обществе, Гомельское бюро труда обывательского комитета. В Могилёве оказывали помощь в трудоустройстве Могилёвское бюро труда при уездной земской управе, Могилёвское бюро труда при Могилёвском отделе центрального обывательского комитета Царства Польского. В Минске были открыты Минское центральное бюро труда по регистрации и устройству беженцев северо-западного района, Минское бюро труда при комитете Северо-Западного фронта Всероссийского земского союза, Минское еврейское бюро труда, Минское польское бюро труда [11, с. 174-175]. В Орше при отделении Татьянинского комитета было открыто регистрационное бюро для ищущих работу беженцев [12, с. 231].

Активно работали бюро труда Всероссийского земского союза. В Минске 11 ноября 1915 г. открылось бюро труда Комитета Западного фронта (КЗФ) ВЗС. Сразу же началась интенсивная работа. Комитет союза был достаточно известен среди населения и мог быстро предоставить работу всем желающим. Основными клиентами бюро были беженцы и местные жители. Заявки на «рабочие руки» приходили от различных государственных и общественных организаций [23, с. 2]. В первый месяц работы бюро клиентскую базу составили приказчики, конторщики и лица интеллигентных профессий. Но через некоторое время ее состав изменился в сторону крестьянского элемента, чему способствовало то, что сотрудники бюро стали посещать бараки, где жили беженцы. За месяц поступило 1502 заявки на работу, а трудоустроено было 770. Запросы на рабочих приходили и из отдалённых городов, например, Москвы, Симбирска, Астрахани, Сибири [5, с. 120-121].

Спрос на рабочие руки был большой. Если рассматривать спрос и предложение бюро с момента открытия 11 ноября 1915 г., то по 1 июля 1916 г. от работодателей поступило требований на 24067 рабочих, а от соискателей работы – 10908. Было трудоустроено 7784 чел. Больше всего нужны были чернорабочие: имелось 11619 заявок от работодателей на строителей (6755 чел.), санитаров и конюхов (3016 чел.), прислугу (612 чел.), работников по металлу (513 чел.), по обработке кожи (512 чел.), торговых и конторских служащих (115 чел.). От ВЗС поступило 14586 заявок на работников всех категорий. От беженцев было подано 6215 заявок на работу, не от беженцев – 4693. Если рассмотреть категорию соискателей работы по национальному признаку, то русских было 4327 чел., поляков – 2639, евреев – 644, литовцев – 118, других национальностей – 56 заявок [8, с. 2-3].

Помощь в устройстве на работу оказывали и беженцам-евреям, которые появились в пределах белорусских губерний зимой-весной 1915 г. Их первых стали выселять с территории фронта в тыл. В Минске 6 марта 1915 г. была открыта мастерская по пошиву белья, в которой работала данная

категория населения. В мастерской было 40 швейных машин, в дальнейшем предполагалось расширить рабочие площади [20, с. 3].

Всероссийское бюро труда оказывало помощь бюро труда КЗФ ВЗС: снабжало его формами регистрации, статистическими материалами, данными спроса и предложения на рынке труда и в других местностях, где функционировали бюро [24, с. 3]. В Могилёвской губернии в уездном городе Климовичи 8 декабря 1915 г. Татьянинским комитетом было открыто посредническое бюро труда. За 3 недели его деятельности от беженцев поступило 52 заявки на трудоустройство. От работодателей было 12 заявок на 30 вакансий служащих различных профессий [12, с. 208-209].

В городе Бобруйск бюро труда в мае 1916 г. из 436 поданных заявок от работников трудоустроило 315 чел. [4, с. 2]. Минское бюро труда за июнь 1916 г. отправило на работу 892 чел., из них 598 мужчин, 236 женщин, 58 подростков. За июль было трудоустроено 440 мужчин, 332 женщины и 90 подростков [18, с. 2]. В Гомельское бюро труда за июнь 1916 г. обратилось за работой 288 чел., а заявок от работодателей поступило 537. Популярны были профессии строителя (303 заявки), чернорабочего (100), прислуги (64), работника сельского хозяйства (16), интеллигентные профессии (8 заявок) [7, с. 3]. Как показывают данные, количество поступивших заявок от работодателя в разы превышало количество желающих трудоустроиться, то есть во всем регионе спрос на рабочие руки превосходил предложение.

В основном, бюро труда и рабочие дома подыскивали работу для осевших на постоянное или временное жительство беженцев. Первоначально трудоспособные беженцы получали паёк от благотворительных организаций, но в дальнейшем могли сами себя прокормить, устроившись на работу. Многие беженцы действительно были заинтересованы в поиске работы. Но были и такие, которые не желали трудиться в силу разных причин: одни – из-за болезненного переживания расставания с родными и земляками при вынужденном переезде в другую местность; другие – в силу пережитых психологических потрясений, третьи – из-за несоответствия предлагаемой работы имевшимся профессиональным навыкам. Значились и такие группы, которых не устраивали условия труда и низкая заработная плата. Некоторые отказывались по причине незнания русского языка [28, с. 97]. Немало было и тех, кто хотел жить по принципу «иждивенчества» и не работать, так как о них заботились различные общественные и государственные организации: обеспечивали жильем, выдавали деньги, питание, одежду.

Однако на работу можно было попасть и принудительно. Местные способные к труду жители и беженцы в возрасте от 15 до 55 лет, находящиеся в районе прифронтовой полосы, по приказу главного начальника Минского

военного округа должны были привлекаться на оборонительные работы [26, с. 290]. В конце 1915 г. военными властями на фронте ВЗС и ВСГ была поставлена задача выяснить сколько беженцев они опекают и сколько среди них трудоспособных мужчин. КЗФ ВСГ оказывал помощь 35418 беженцам, среди которых было 5667 трудоспособных мужчин. Учреждения КЗФ ВЗС оказывали помощь более 140 тыс. беженцев. Среди них трудоспособных мужчин в возрасте от 17 до 55 лет было 21835 чел. [14, с. 85-86]. Данные цифры указывают на то, что на территории ближайшего тыла и в армейских районах было большое количество трудоспособных беженцев. Но беженцы не желали трудиться на оборонительных работах. По отношению к таким категориям военные власти принимали жёсткие меры. Главнокомандующий армиями Западного фронта приказом от 10 марта 1916 г. разъяснял, что продовольственной помощи в войсковых районах следует лишать не только беженцев и местных жителей, которые отказываются от имеющейся подходящей для них работы, но и семьи, где трудоспособные мужчины отказываются выполнять работы по приказу правительственных или военных властей [9, с. 839]. ВЗС тоже рассматривал возможность с 1 февраля 1916 г. перестать выдавать продукты питания трудоспособным мужчинам [14, с. 86]. Такие жёсткие меры лишь в некоторой степени стимулировали трудоспособное население искать возможность прокормить себя путём трудоустройства. Однако они не всегда имели успех.

На территории белорусских губерний Минского военного округа вопрос трудоустройства беженцев в 1915-1915 гг. являлся одним из важнейших, так как его решение предоставляло прибывшему населению определенные средства на существование, снижало проблему нехватки рабочих рук и уменьшало социальное давление на государство. В организации данного вопроса значительную поддержку местным властям оказывали общественные благотворительные и национальные объединения и союзы посредством учреждения рабочих домов и бюро труда. Однако далеко не все «новые» жители трудоспособного возраста оказались действительно заинтересованными в трудоустройстве, некоторые по ряду причин предпочитали жить по принципу «иждивенчества» и не работать. К таким беженцам и их семьям применялись ограничительные меры административного и социального характера.

Список источников и литературы:

1. Бабков А.М. Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915–1916) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : Усебел. канф. гісторыкаў, Мінск, 3-5 лютага 1993 г. : у 2 ч. Ч. 1. : Гісторыя Беларусі. Мн.: Універсітэцкае, 1994. С. 131-138.

2. Бабкоў А.М. Бежанцы на Гомельшчыне ў гады Першай сусветнай вайны (1915–1916) // Гомельшчына: старонкі мінулага: Нарысы / Гомел. дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны і інш. Гомель, 1996. Вып. 2. С. 78-83.
3. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): сборник документов / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный исторический архив Беларуси, Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Мн.: Беларусь, 2014. 352 с.
4. Бобруйское бюро труда // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1916. 15 июня. С. 2.
5. Бюро труда при комитете земского союза на западном фронте // Всероссийский земский союз. Известия главного комитета. 1916. №32. С. 120-121.
6. В «Бюро Труда» // Минский голос. 1915. 22 февраля. С. 4.
7. В Гомельском бюро труда // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1916. 12 июля. С. 3.
8. Деятельность бюро труда КЗФ (С начала работы бюро по 1 июля 1916 г.) // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1916. 3 сентября. С. 2-3.
9. Документы и материалы по истории Белоруссии: в 4 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1936–1954. (1900–1917 гг.), 1953. Т. 3. 1019 с.
10. Из деятельности местных бюро труда // Всероссийский земский союз. Известия главного комитета. 1916. № 35-36. С. 207-219.
11. Из деятельности отдела по устройству беженцев земского и городского союзов // Всероссийский земский союз. Известия главного комитета. 1916. № 30-31. С. 156-179.
12. Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий: 14 сент. 1914 г.-январь 1916 г.: в 2 т. Т. 1. Петроград: Гос. тип., 1916–1917. 509 с.
13. Кудринский Ф. Людские волны [Беженцы] // Неман. 1996. № 6. С. 79-193.
14. Лапановіч С.Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). Мінск: Акад. МУС, 2010. 127 с.
15. Мастерская для беженцев // Минский голос. 1915. 26 февраля. С. 4.
16. Местная хроника // Всероссийский земский союз. Известия главного комитета. 1915. № 22-23. С. 97-123.
17. Национальный исторический архив Беларусь в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 2. Оп. 36. Д. 2633. Л. 132.
18. О деятельности Минского бюро труда // Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1916. 6 августа. С. 2.
19. Огранович В. Современное положение дела помощи беженцам // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 8-10. С. 530-557.
20. Помощь пострадавшим евреям // Минский голос. 1915. 8 марта. С. 3.
21. Приказ Минским Военно-окружным Управлениям на театре войны № 476 от 7 июля 1915 г. // Приказ Минским военно-окружным управлениям на театре войны 1915, № 291–1024. разд. паг. Минск; Смоленск: [б. и.], 1915.
22. Рабочий дом для беженцев // Минский голос. 1915. 25 февраля. С. 3.
23. Решетов С. Полгода работы Трудового Бюро. 11 ноября 1915 г. – 11 мая 1916 г. // Справочный листок отдела службы связи Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1916. 17 мая. С. 2-3.
24. Решетов С. Полгода работы Трудового Бюро. 11 ноября 1915 г. – 11 мая 1916 г. (Окончание) // Справочный листок отдела службы связи Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1916. 18 мая. С. 2-3.

25. Труды Соединенного собрания членов комитета ея Императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны с местными представителями 3-7 мая 1915 года. Петроград: Гос. тип., 1915. 343 с.

26. Цуба М.В. Бежанскі рух у беларускіх губернях падчас Першай сусветнай вайны (1915–1916 гг.) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 частях / под ред. В.Ф. Беркова. Вып. 11, Ч.1. Минск: РИВШ, 2011. С. 287-293.

27. Чумаков А.П. Всероссийское бюро труда // Всероссийский земский союз. Известия главного комитета. 1915. №34. С. 105-116.

28. Яценко О.Г. Беженцы в Гомеле в 1914–1917 гг. (по материалам периодической печати) // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі і ўзаемадзеянне: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 28-29 верасня, 2006 г. Гомель: ГДУ, 2006. С. 95-98.

Сведения об авторах:

Устинова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского», e-mail: julija0404@rambler.ru

Василенко Василий Викторович – преподаватель социально-гуманитарных дисциплин УО «Климовичский государственный аграрный колледж», Республика Беларусь, e-mail: vasilenko06@rambler.ru

Ustinova Yuliya Nikolaevna - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of "Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky ", Russian Federation, e-mail: julija0404@rambler.ru

Vasilenko Vasily Viktorovich - educator of social and humanitarian disciplines of the Klimovichi State Agrarian College, Belarus, e-mail: vasilenko06@rambler.ru

PROBLEM OF EMPLOYMENT OF REFUGEES IN THE TERRITORY OF MINSK AND MOGILEV PROVINCES, MINSK WAR DISTRICT IN 1915-1916

Abstract: The article is devoted to the problem of the employment of refugees in the Minsk and Mogilev provinces of the Minsk Military District during the First World War. The specifics of the solution of the issue in the region are shown, the degree of participation of public associations in its organization and settlement is disclosed.

Keywords: First World War, Minsk and Mogilev provinces of the Minsk Military District, the problem of employment, refugees, labor offices, public organizations.

ЯНВАРЬ 1917-го В ПИСЬМАХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ III АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

М. С. Гаврилова (БГУ)

Аннотация: в статье содержится анализ состояния российской армии на январь 1917 года, который основан на докладе старшего адъютанта Военно-цензурного отделения о характере корреспонденции, прошедшей через почтовые конторы III армии.

Ключевые слова: Первая мировая война, Февральская революция, военная корреспонденция, фронтовые письма, настроения в армии.

Подходит к концу 2017 год. Наша страна встретила столетие событий, надолго определивших ее историческое развитие. Столетие Февраля, столетие Октября...

Чем жила страна накануне Февраля? Всегда интересно узнать – что же происходило накануне? Вот почему такой интерес у нас вызывает январь 1917 года. Сегодня мы знаем, что монархия была уже обречена.

Между тем, продолжается Великая война. В январе 1917 г. на передовой находился уже совершенно не тот солдат, что отправлялся на фронт в августе 1914 г. Кадровой армии после двух с половиной лет кровавой мясорубки уже практически не существовало – ветеранов оставалось всё меньше, а на их место приходили в абсолютном большинстве мобилизованные крестьяне. Что касается младших офицеров, те, из 1914 г., воспитанные в традиционном духе русской армии в полноценных военных училищах, кто погиб, а кто продвинулся по службе. Их же места в окопах занимали офицеры уже совершенно новой формации – вышедшие из других социальных слоёв, окончившие «скорострельные» курсы. В профессиональном плане кто-то из них, быть может, и отвечал требованиям фронта (особенно из числа воевавших ранее), а вот в социально-политическом плане картина изменилась кардинально. Традиционно русское офицерство сторонилось политики – офицеры новой формации ею пропитались насквозь [1].

Одной из причин революции обычно называют моральное разложение армии, непонимание военными служащими, преимущественно крестьянского происхождения, целей и задач войны. Насколько сильны были уныние и тоска фронтовой жизни, в какой степени они влияли на состояние солдат и офицеров, сложно судить по официальным, формальным документам того времени. Гораздо лучше их передают письма. Мировая война стала первым

крупным военным конфликтом, в котором была налажена почтовая связь практически с каждой частью [2].

«Массовые воинские мобилизации превратили военную корреспонденцию из локального, специфического института в самостоятельную форму коммуникации между военнослужащими и их родственниками, друзьями и знакомыми, а также представителями власти», – пишут историки Сергей Ушакин и Алексей Голубев. Они составили сборник «XX век: письма войны», который был выпущен в издательстве «Новое литературное обозрение» к столетию Февральской революции [2].

Письма как исторический источник, несомненно, обладают определенными недостатками. Авторы, за редким исключением, не ставили перед собой цель как можно полнее описать окружающую их действительность. С другой стороны, отдельные детали, которые содержатся в письмах, возможно, гораздо ярче показывают то состояние, в котором пребывала российская армия в 1916–1917 годах, то настроение, которое царило в окопах и блиндажах.

Статья основана на выдержках из писем, приведенных в официальном документе – докладе старшего адъютанта Военно-цензурного отделения о характере просмотренной в январе месяце 1917 года корреспонденции, прошедшей через почтовые конторы III армии Западного фронта. В зоне боевых действий обязанности военных цензоров возлагались на офицеров отделов генерал-квартирмейстерства штабов фронтов и армий [3, с. 38]

В докладе автор обзора писем признавал настроение войсковых частей «в высокой степени бодрым и устойчивым», и в подтверждение своего вывода приводил следующие выдержки из писем:

– Не понимаю, что тебе по мне плакать, я живу не так плохо, как ты думаешь, и праздники проводил, наверное, веселее тебя.

– Герман уже не тот, они страшно боятся нас...

– Но пока мы не добьемся победы, и враг не будет разбит, мира никакого и ждать не станем.

– Наша Матушка Русь еще крепка, зададим жару германцу: он тогда узнает, как с русскими воевать.

– Не забывай, не ты одна жаждешь видеть сына, теперь тысячи изнывают в тоске по своим. Но мы должны защищать родину, изгнать проклятого врага, дабы в будущем дать жизнь оставшимся. Ты должна гордиться, что твой один сын и тот призван защитить родину.

– Я нахожусь на позиции, и представь себе – здесь здорово живется: гораздо лучше, чем где-либо в тылу.

– Настроение здесь чудное. Солдаты и офицеры вообще все уверены, что мы победим и их побьем очень хорошо [4, л. 12-13]. И далее в том же духе.

Действительно, положение армии зимой 1916–1917 гг., со стратегической точки зрения, не было трудным: летняя кампания была довольно благоприятной, и неудачи на фронте в 1917 г. были скорее следствием разброда в армии, а не его причиной. Однако война была тяжелейшим испытанием для всех, кто непосредственно в ней участвовал, и это действовало на них угнетающе.

Федор Степун в книге «Из писем прапорщика-артиллериста», в начале 1917 г. отмечал: «Война становится все ожесточеннее и все ужаснее. Удушливые газы, огнеметатели, горны, минные галереи, бесчисленные аэропланы – всего этого в 15-м году мы не знали, а теперь у нас прямо-таки французский фронт. Что же мы всему этому противопоставим? Техника и организация нам никогда не давались, и те некоторые усовершенствования, которых мы на третьем году войны с грехом пополам добились, решительно ничего не значат по сравнению с тем, что за это время сделали немцы» [5].

В стране росли антивоенные настроения. В 1916 г. из армии дезертировало около 1,5 млн человек. Участились волнения в частях и соединениях. В связи с этим, 1 января по приговору военно-полевого суда на Северном фронте было расстреляно 24 солдата 17-го Сибирского стрелкового полка, а сам полк расформирован и переброшен на Юго-Западный фронт. 3 января во всех частях 12-й армии был зачитан приказ генерала Радко-Димитриева, который угрожал смертной казнью за неповиновение начальству и отказ идти в наступление». [6]

Однако и военно-полевые суды не могли запугать солдат. В Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) хранятся солдатские письма за январь 1917 года: «Долго ли мы будем молчать? Эх, товарищи, пора бы эти цепи разорвать, товарищи, смелее за спасение жен и детей, грудью встанем на бандитов, Русь избавим от цепей». Автор неизвестен.

«Я с нетерпением ожидаю минуты, когда фронт повернется в обратную сторону лицом и потребует оплаты по счетам, <...> настроение у всех скверное, озлобленное». Автор – солдат А. Бриловский из 78-го пехотного запасного полка. По официальным данным военной цензуры таких писем в декабре 1916 г. было 11 % от общего числа, в январе 1917 года они составляли уже 19 % [6].

Вернемся к документу из III армии. Старший адъютант военнопленного отделения докладывал: «Толки о мире почти прекратились. Если и встречаются рассуждения о нем, то, в большей части, слово "мир" заменено словами "окончание войны" и почти всегда в сопровождении слова "победное". Ничтожное исключение в этом отношении представляют письма, посылаемые из тыловых учреждений, преимущественно госпиталей. Из тыловых

же учреждений идут и жалобы самого разнообразного содержания, главным образом на недостаточное довольствие, чего совершенно не замечается в письмах, отправляемых с позиций» [4, л. 13-13 об.].

Действительно, благотворительность в годы Первой мировой войны получила широкий размах. Посылки на фронт собирали различные организации по всей России: от городского самоуправления до земских управ, а также частные предприниматели и отдельные лица [7].

Основной удар пришелся на тыл. Мобилизация, согласно переписи 1917 г., в целом по России забрала из деревень до 50 процентов работников. Ушедших в армию заменяли женщины, дети и старики. В 1917 г. для работ в сельском хозяйстве привлекли до 600 тыс. пленных и 250 тыс. беженцев. Однако труд их был малопродуктивным и неэффективным. Сократились посевные площади, снизилась урожайность, упало животноводство. Если до войны собирали в среднем 4,5 млн и более пудов зерна в год (исключение составлял урожай 1913 г. – 6 млн пудов), то в 1917 г. будет собрано чуть менее 3 млн. В декабре 1916 г. правительство приняло решение о принудительной разверстке хлеба. Начались реквизиции хлеба и скота [6].

Далее в документе были приведены свидетельства понимания авторами писем «значения целей войны»:

– Но эта война, как я думаю, научила нас жизни и открыла нам глаза на лучшее будущее.

– Благодаря нынешней войне наша родина в культурном отношении сделала огромный шаг вперед, который бы в мирной обстановке пришлось бы сделать в несколько лет [4, л. 13 об.].

Несколько странное представление о значении войны.

Также, выдержки, отобранные для документа, свидетельствуют о том, что мир сейчас нужен именно противнику:

– Немцы видно хотят мира, выбрасывают белые флаги, но мы на них не обращаем внимания. Недавно перебежало несколько немцев к нам. Их начали расспрашивать, а они и говорят: сперва накормите нас. Их накормили, и они стали рассказывать, что их почти не кормят, хлеба нет и мяса давно уже нет.

– Здорово заметно, что у него сильный недостаток снарядов, а мы жарим во всю, и все время подвозят и говорят, что мир отложен до мая [4, л. 13 об.].

Несомненно, работала военная цензура. Письма, которые могли пролить свет на январские события за линией фронта, могли быть еще не получены солдатами. Известия о рабочих демонстрациях, которые 9

января 1917 г. произошли во многих городах страны: в Баку, Нижнем Новгороде, Воронеже, Харькове, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Донбассе и ряде других мест. Всего только в январе бастовало 270 тыс. рабочих, из них в Петрограде – 177 тыс. Столица стала ареной не прекращающихся почти ни на один день выступлений пролетариата, направленных против войны и самодержавия. По призыву Московского комитета партии большевиков 9 января 1917 г. свыше 30 тыс. рабочих вышли на улицы Москвы [6].

В подобных условиях не удивительно появление такого документа, как данный доклад о корреспонденции на фронте за январь – война с внешним противником шла параллельно внутренней борьбе, важно было знать, что занимает мысли солдат. И мы видим, что в целом в армии пока спокойно, настроение весьма приподнятое.

Далее в докладе говорится о том, что из событий последнего времени особое впечатление произвел разрыв отношений США с Германией, известие о котором также способствовало поднятию боевого духа и даже уверенности в скорой победе. В документе приводятся следующие выдержки из писем:

– Поздравляю тебя с почти новым нашим союзником – Америкой. Если она выступит, то мы намного приближаемся к давно ожидаемому концу.

– Сегодня у нас пришла радостная весть, что Америка прервала дипломатические сношения с Германией, и этим очень приближается наша победа.

– Америка объявила войну Германии. Мы надеемся, что теперь развязка ближе стала, что Бог даст, к осени закончится все, и те, кто останутся в живых, возвратятся к своим дорогим семьям навсегда для новой, хорошей мирной жизни [4, л. 13 об.-14].

Совсем мимоходом в докладе упоминалось об интересе к внутренним событиям. Отмечалось, что во многих письмах попадались замечания по поводу декабрьского убийства (*Г. Распутина. – Авт.*), но никаких выдержек не приводилось.

Зато в докладе отмечался текст одного письма, в котором говорилось о поведении пленных австрийцев в деревне и об отношении к ним местного населения:

«Он только делает разврат в семействе. У нас, которые ездили и рассказывают – что же – вот и радость и утеха – живет работник австриец, и жена к нему привыкла. А у некоторых уже дети будут. Приедут с войны, а уже Бог дал детишек. А девки с австрийцами гуляют запоем. Конечно, хорошая жена этого не допустит» [4, л. 14 об.].

Автор доклада отмечает, что в остальных отношениях письма мало чем отличались от корреспонденции за прошедшие месяцы, а главное место в них занимали хозяйственные вопросы и вопросы домашних отношений. Подводя итоги, старший адъютант Военно-цензурного отделения констатировал: «Настроение в войсках отличное. Ожидают победных операций с наступлением весны, а в связи с этим и окончания войны в 1917 году. Заметен значительный интерес к внутренним делам» [4, л. 14-14 об.].

Список источников и литературы

1. Январь 1917 года. Предпоследний месяц российской империи. URL: <http://www.chekist.ru/article/4976> (дата обращения: 02.12.2017).
2. Январь 1917. URL: <http://www.bbc.com/russian/institutional-39003141> (дата обращения: 01.12.2017).
3. Блохин В.Ф., Алфёрова И.В. Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 32-48.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905.
5. Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. 192 с. URL: <http://militera.lib.ru/db/stepun/04.html> (дата обращения: 30.11.2017).
6. Февральская революция 1917 года – Январь. URL: <http://www.agitclub.ru/hist/1917fevr/fevral01.htm> (дата обращения: 01.12.2017).
7. Письма солдат Первой мировой войны. 1914–1916 гг. URL: http://new.rusarchives.ru/publication/publ_2014_N06_pisma-soldat-1-mirovoi-voiny.shtml (дата обращения: 01.12.2017).

Гаврилова Мария Сергеевна – студент 4 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, mgc0943@gmail.com

JANUARY 1917 the LETTERS of SOLDIERS AND OFFICERS III ARMY OF THE WESTERN FRONT

Annotation: this article talks about the state of the Russian army in January 1917, based on the report of the Senior Adjutant of the Military Censorship Department on the nature of the correspondence passing through the post office of the army III.

Key words: the First World War, the February revolution, military correspondence, soldier's letters, sentiment in the army.

1917 г. В ИСТОРИИ МОЛОДЁЖНОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ: НАЧАЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ (на примере ученических союзов)

Н. В. Гришук (БГУ)

Аннотация: в статье рассматривается деятельность молодёжных организаций России в годы февральской и октябрьской революций. Характеризуются основные направления и особенности молодёжных движений в революционное время.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжные организации, ученические союзы, шефская, патриотическая работа, благотворительность.

В истории молодёжного движения России 1917 г. занимает особое место. Он ознаменовал собой начало нового, наиболее яркого этапа развития движения юношества, которое продолжалось до середины 1920-х гг. С начала XX в. по февраль 1917 г. в России в разное время с разным количеством членов действовали около 98 молодёжных организаций: корпоративные, политические, националистические, религиозные, культурно-просветительские, спортивно-патриотические и др. В реальном многообразии молодёжных организаций России, форм и методов их работы можно выделить два основных направления их деятельности: патриотическое и шефское.

Молодёжное движение в 1917 г. достигло пика своего развития. Налицо был расцвет, множественность и массовость, не превзойдённые даже в последнее десятилетие XX века. При этом, если молодёжный плюрализм был порождён ещё первой русской революцией, то массовость – это новое качество, которое более всего проявилось именно в 1917 г.

Впервые осознанная и последовательная поддержка молодёжному движению на государственном уровне, в том числе и материальная, была оказана в масштабах всей страны организациям учащихся средних учебных заведений, которые раньше других включились в послефевральские революционные процессы. Это можно назвать началом государственной молодёжной политики.

В первые же дни марта 1917 г. в средних учебных заведениях практически всех крупных городов страны стали возникать ученические объединения, а 1 марта было созвано первое легальное собрание старшеклассников частной гимназии Лентовской в Петрограде, на котором

был избран комитет «для выяснения задач школьной молодёжи в связи с текущим моментом и для принятия участия в революции» [1]. Как и в 1905 г., учащиеся бурно реагировали на события. Уже 13 марта в Петрограде, в Тенишевском реальном училище состоялось учредительное собрание с участием 700 делегатов от 50 средних учебных заведений столицы [1, с. 47]. На собрании была образована Организация учащихся средних учебных заведений (ОУСУЗ или ОСУЗ).

Общее собрание ОСУЗ Петрограда утвердило 26 марта Устав, в котором говорилось, что «организация средне-учебных заведений создана для установления прочной связи между учащимися и учащими во имя обновления средней школы на началах самоопределения, самообразования и саморазвития, для выяснения нужд учащихся относительно педагогической постановки школьного дела, для устроения всей школьной жизни учащихся и для посильной помощи государству» [1, с. 48]. По существу, в данном Уставе впервые были закреплены положения об общих интересах учащихся и педагогов и о помощи государству, а не о подрыве, уничтожении его революционным путём. Тем самым намечались перспективы качественно новых взаимоотношений молодёжи и власти в демократическом поле развития страны.

Переход власти к Временному правительству был поддержан абсолютным большинством учащихся. В адрес Временного правительства только до 15 марта поступило 14 тысяч приветственных телеграмм, в том числе 4 тысячи – от учащихся [2, с. 98]. 24 мая (6 апреля) в Екатерининском зале Государственной Думы состоялся приём делегации учащихся столицы, которые явились со знамёнами, имевшими надписи: «Привет Временному Правительству!», «Да здравствует свободная школа в свободной стране!». В числе выступавших перед школьниками был социал-демократ Н.С. Чхеидзе [1].

Вскоре ОСУЗ Петрограда выросла до 12 тысяч человек. Журнальная секция начала издавать газету и журнал. Первый номер газеты «Свободная школа» вышел 13 апреля. Филиалы ОСУЗ появились в Москве, Вятке, Рязани, Астрахани и других городах [1]. К маю 1917 г. уже насчитывалось до 115 организаций учащихся, большинство из которых образовалось на базе существовавших с 1915 г. отделов молодёжи при Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым и Всероссийском союзе городов (Зем.гор). Более всего членов ОСУЗ насчитывалось в Москве – 15 тысяч [3, с. 55].

В начале апреля в Москве состоялось совещание делегатов от двух столиц, на котором было образовано Организационное бюро для созы-

ва Всероссийского съезда, обратившееся 9 апреля с Воззванием ко всем российским учащимся. В воззвании Временное правительство признавалось «единственной в стране властью, облечённую доверием народа», а «советы рабочих и солдатских депутатов – контрольным органом демократии». «Долгом совести» всех учащихся провозглашалось «всемерное участие в работах на оборону», содержался призыв «к самой широкой культурно-просветительской деятельности – организации кружков, самообразования, лекций, прений, клубов», к созданию кооперативов, касс взаимопомощи, бюро труда. Одной из главных задач учащихся должно было стать активное участие в «выработке проектов реформы средней школы» [3, с. 57].

Инициатива ОСУЗ получила признание и поддержку министерства народного просвещения и всего Временного правительства, которое оказало материально-финансовую помощь школьному движению. Кроме того, удалось «благодаря хорошо поставленной <...> информации <...> без особого труда создать политически единодушное во всём школьном движении» [4, с. 58]. Вся Россия в 1917 г. буквально покрылась сетью ученических изданий: «Юная жизнь» (Ярославль), «Юность» (Рыбинск), «Голос свободной школы» (Киев), «Ученическая жизнь» (Тифлис), «На Переломе» (Юрьев), «Свободная школа» (Красноярск) и т. д. [5, с. 247]. По всей стране проходили собрания, региональные съезды, создавались новые союзы учащегося юношества.

Первый в истории страны легальный Всероссийский съезд учащихся работал в Москве 10-16 мая. Более чем 150 делегатов представляли 113 населённых пунктов страны [6, с. 52]. На съезде выступил премьер-министр Временного правительства князь Львов, с приветствием к делегатам обратился представитель Московского совета рабочих и солдатских депутатов. Съезд прошёл организованно, с большим подъёмом. На нём было провозглашено образование Всероссийского Союза, выдвинут лозунг этого юношеского объединения – «Свободная школа в свободной России».

Основными задачами Союза ученических организаций явились воспитание гражданственности и культурная работа. В союзе образовывались секции: по обороне или трудовой помощи государству (организация летних трудовых дружин: полевых, огородных, для работ на заводах и работы, совместимой с учебными занятиями, например, в попечительстве); культурно-просветительская (для самообразования и подготовки к просветительской деятельности среди народа), журнальная; кооперативная; взаимопомощи; финансовая.

Особо подчёркивалась, что Союз решительно осуждал эксцессы в школе, срывы занятий, всё, вносящее в жизнь беспорядок и разруху, и призывал учащихся не только Петрограда, но и всей России проводить новые устои в планомерном, согласованном и законодательном порядке [3, с. 59]. В порядке реформы школы учащиеся высказывались за автономию, демократизацию школы, самоопределение, специализацию, выборное начало, совместное обучение, упразднение института инспекторов и балльной системы, улучшение методов преподавания, представительство старшеклассников в родительских комитетах и педсоветах с правом решающего голоса, пересмотр преподаваемых предметов и количества часов на них [3, с. 76].

Специальным пунктом выражалось негативное отношение к стремлению отдельных граждан привнести политический характер в деятельность ученических организаций. Показательно отношение Союза к демонстрации учащихся против Ленина. «Ленинство – это своеобразное явление, по странной игре судьбы, дышащее славянофильской верой в мессианскую роль русского народа, да, и не народа, а только русского пролетариата, стоящее вне соотношения реальных политических, классовых и производительных сил, в условиях русской действительности естественно переходит в анархию». «Товарищи! Организуется манифестация против Ленина, который своей деятельностью ведёт Россию по пути контрреволюции». Целые школы «снимались», чтобы принять участие в этой манифестации, затеянной отдельной группой учащихся. Позиция же Союза учащихся по отношению к этой демонстрации была иной:

«1. Организация средних учебных заведений есть учреждение внепартийное, а потому всякие ученические выступления на почве политических разногласий считаются недопустимыми.

2. Выступление учащихся против Ленина, без сомнения, будет носить бурный характер, что даст возможность разыгаться страстям и может быть началом контрреволюции».

С целью прекращения начатой демонстрации, противоречащей принципам «внепартийности» организации, и в учебных заведениях, и на улицах выступали члены Управления Союза. Надо устраивать не манифестации, а собрания, на которых положения Ленина могли бы подвергаться правильной критике» [3, с. 77].

Союз ученических организаций в целом решительно отмежевался от политической платформы. Однако это не исключило возможности группировки отдельных членов Союза в особые кружки по партийным

взглядам, пропагандировавшие те или иные возможности работать в сторону агитации политических идей среди народа. «Просвещать – задача благородная, но чтобы просвещать других, нужно самому быть подготовленным, нужно самому продумать свои лозунги» – считали агитаторы из числа учащихся [3, с. 78].

Для послефевральской России в умах большинства мыслящего населения страны перемешались идеи демократии, социализма, прогресса в условиях всеобщей эйфории. С ростом и усилением на протяжении лета-осени 1917 г. политизации и расслоения российского общества разумно организованное, впервые поддержанное на государственном уровне и имеющее уже собственный опыт практической деятельности движение учащихся всё более раскалывалось на различные политические течения, утрачивало общность целей и задач. Один из лидеров учащийся молодёжи Петрограда Д. Мейснер вспоминал впоследствии: «Наши молодёжные собрания проходили бурно. Организация эта была формально не политическая, а "профессиональная", но время такое, что политика, партийная борьба владела всецело юношеством... Мы в ОСУЗ ломали копыя в междоусобной брани: кадеты, эсеры, меньшевики...» [7, с. 41].

Опереточная пестрота и легковесность политических воззрений и размежеваний в среде учащихся была характерна для большинства регионов России. Так, в апреле-июне 1917 г. в г. Орле действовали: Союз учащихся, Группа социалистической молодёжи, Группа еврейской социалистической молодёжи и Самообразовательный кружок. Ещё 24 марта вышел 1-ый номер «Журнала юношества» [8]. В Туле на сходке представителей средних учебных заведений 4 марта 1917 г. был образован «Центральный комитет тульских учащихся». Во главе его оказались социалисты, и он наметил довольно революционный курс работы. Одновременно образовались ещё 2 организации: «Социалистический кружок» и «Саморазвитие». Кроме того, в Туле действовали объединения учащихся антибольшевистской направленности: «Социалистический клуб» (700) членов, общество «Новый студент» [3, с. 75].

Постепенно преобладающим влиянием в ОСУЗ стала пользоваться партия эсеров. После октября 1917 г. большинство членов организации встало на позиции непризнания власти большевиков и к середине 1918 г. были распущены. Непродолжительный срок и распад под ударами обстоятельств ученических союзов, а также других молодёжных организаций показал, что без поддержки взрослых государственных либо об-

ществленных структур юношеским объединениям, особенно в начальный период их деятельности не устоять.

Список источников и литературы

1. Васильков П.Н. Ученические организации // Русская школа. 1917. № 2-4, 5-8.
2. Булатов И.А. Молодёжные движения Российской и Британской империй начала XX века в контексте сравнительного анализа // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2009. Вып. 8.
3. Русское и советское молодёжное движение в документах. 1905–1937 гг. М., 2002.
4. Рогозин И.И. Политическая борьба за молодёжь России, 1903–1917 гг. М.: Прометей, 1989.
5. Соколов В.И. История молодёжного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI в. Рязань, 2002.
6. Кулешов И. Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 1890-х по 1917 гг.). Л., 1931.
7. Мейснер Д. И. Миражи и действительность. М., 1966. С. 41.
8. Известия (Орёл). 1917. №№ 24, 33, 42, 54, 77.

Гришук Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, natalia.ivako@yandex.ru

N.V. Grishuk

1917 in the history of youth movement Russia: the beginning of the state youth policy (for example, student unions)

Summary: The article touches upon work of youth movements and organizations during February revolution. The author analyzes main streams and peculiarities of youth movements at the revolution time.

Key words: youth movements and organizations, patriotic work, charity

«ВОЗВРАТИТЕ ПРОСТИТУТКУ НА РАБОТУ И НАЙДИТЕ ЕЙ МЕСТО В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ» (проблемы проституции на страницах печати в 1920-е гг.)

Д. В. Трошина (БГУ)

Аннотация: статья посвящена отражению отдельных проблем, связанных с проституцией в РСФСР в начале 1920-х годов, на страницах центральной и местной печати. В статье содержится краткий исторический экскурс государственных мероприятий по регламентации проституции в Российской империи, а также интерпретируются мероприятия большевистской власти по искоренению проституции. В заключении содержится вывод о неудачных попытках ликвидировать феномен «продажной любви», что было связано как с социально-политической ситуацией в стране, так и с идеологическими установками большевиков.

Ключевые слова: проституция, проститутка, безработица, работница, раскрепощение женщин, большевики, коммунизм, свободная мораль, жертва.

Проституция в России была официально легализована в 1843 году, образованием Врачебно-полицейского комитета [1, с. 143]. Все проститутки регистрировались в комитете и им выдавали бланк вместо паспорта – желтый билет.

Правилами строго регламентировалось их поведение, определялись требования обязательной ежедневной личной гигиены: баня два раза в неделю, обязательный еженедельный медицинский осмотр с использованием индивидуального набора гинекологических инструментов. Эти положения соблюдались в Петербурге с 1840-х гг. вплоть до начала XX в. [2, с. 29-33].

Официально зарегистрированным проституткам конкуренцию, в основном, составляли вольные проститутки, число которых неуклонно возрастало [3]. Эта ситуация наблюдалась на территории всей страны.

В марте 1917 г. были упразднены многие законодательные акты Российской империи о проституции, в том числе «Положение о врачебно-полицейском надзоре в Санкт-Петербурге», что означало прекращение легального ее существования.

Однако отсутствие специального учреждения, которое могло бы заниматься одновременно и медицинскими и правовыми проблемами в сфере свободной любви, могло повлечь за собой скачок в распространении венерических заболеваний. Затруднительна была в этой ситуации и социальная адаптация бывших проституток.

Для решения большинства из назревших проблем 20 марта 1917 г. состоялось Собрание, посвященное борьбе с распространением венерических болезней, которое по своей сути выполнило функции Врачебно-полицейского комитета, поскольку намечало ряд мер как лечебного, так и просветительского характера для борьбы с распространением проституции.

В первые годы большевистской власти различными властными структурами на местах осуществлялись меры по ограничению проституции. Например, согласно распоряжению Петроградского районного совета, с 5 октября 1918 г. «женщинам и девушкам, вовлеченным в проституцию: <...> в кратчайший срок, не позднее недели» предписывалось зарегистрироваться в порайонных комендатурах и «исправно являться на медицинские осмотры...» [4, л. 17]. Орловский губернский исполком 12 декабря 1918 г. ввел специальные карточки для регистрации и осмотра проституток, поручив управлению милиции следить за их явкой [5, с. 83].

Проституцией на уровне центральной власти стали заниматься два разных ведомства: Народный комиссариат здравоохранения и Народный комиссариат внутренних дел. «Каждое ведомство лечило симптомы болезни, казавшиеся опасными именно ему, избирая весьма специфические и порой взаимоисключающие приемы врачевания» [3].

В 1921 г. Наркомат социального обеспечения, периодически сотрудничавший с Наркоматом здравоохранения, подготовил «Тезисы по борьбе с проституцией». В них отмечалось, что покончить с позорным явлением можно, лишь путем полного раскрепощения женщин, через устранение голода, дороговизны, безработицы, детской беспризорности, обучения неподготовленных к труду, «ликвидировав пережитки буржуазной морали». Программная установка в концентрированном виде была сформулирована в пункте № 2 – «Коммунизм – могила проституции!» [6, с. 7].

Действительно, согласно марксистской теории, из которого исходила официальная идеологическая доктрина большевиков, проституция представляла собой пережиток капитализма, который подлежал ликвидации как и другие подобные явления прежнего строя. В новой

системе идеологических ценностей проститутки оказались в числе тех угнетенных, кого власть хотела облагодетельствовать в первую очередь. Для них создавались специальные артели, открывались профилактории, предпринимались активные попытки перевоспитания.

Так, уже в июне 1919 г. Отделом управления Петроградского Совета был организован Первый лагерь принудительных работ [7, с. 21]. Среди арестованных было 6 577 женщин, в основном бывших ремесленниц, которые на тот момент занимались проституцией. Основной задачей лагеря было возвращения женщин к производительному труду, для чего были созданы специальные мастерские, проводилась культурно-просветительная работа. Вскоре организаторы столкнулись с проблемой – среди женщин оказалось много больных венерическими заболеваниями. Пришлось открывать соответствующую лечебницу на 200 коек. Тем не менее, далеко не все воспитанницы могли приспособиться к систематическому труду, и для реализации этой задачи была организована Женская трудовая колония на станции «Разлив», в стенах которой предполагалось «вести упорную, большую, постоянную работу влияния, особенно на молодежь в сторону создания правильной, здоровой, сексуальной жизни» [7, с. 23]. Однако «упорную и большую» работу вести не получилось, так как большинство женщин после излечения разбежалось.

Особое отношение к проституции и проституткам нашло свое отражение и в Уголовном кодексе РСФСР, принятом 11 июня 1922 г., в котором регламентировалось только сутенерство и сводничество [8, ст. 170-171]. Проституция рассматривалась как социальная проблема, и никаких наказаний за занятие проституцией не предусматривалось. Проститутки привлекали по иным статьям, в том числе и по политическим.

Идеи, отражающие официальный взгляд на проституцию, широко пропагандировались на страницах центральной и местной печати. Достаточно показательны в этом смысле материалы газеты «Брянский рабочий». Так, в статье «Работница и крестьянка» автор Е. Бумажный провозглашал: «Нигде в мире, ни в одном государстве, нет такой подлинной свободы, как та, которой пользуются раскрепощенные Октябрьской революцией работницы и крестьянки Советской России. Тов. Ленин не раз подчеркивал в своих выступлениях и статьях, что без полного раскрепощения женщины нельзя и думать о торжестве коммунизма» [9]. Е. Бумажный указывал и на основную причину, порождающую проституцию – безработица, предлагая бороться, прежде всего, с ней.

В этой же газете в статье «Школа фабзавуча против проституции» поднимался вопрос, связанный с необходимостью повышения образования и

квалификации женщин: «Женским трудом завод пользуется по преимуществу, как чернорабочим трудом, не требующим ни опыта, ни знаний. И в этом главная беда работницы. Только тогда, когда она научится работать не хуже рабочего – только тогда перестанет ее страшить безработица, только тогда перестанет ей грозить ночная улица города» [10].

Необходимо уточнить, что, согласно коммунистической идеологии, проституцией признавалась не только продажа своих услуг клиентам за деньги, продуктовые карточки или наряды, но и законный брак, заключенный на основании материальной выгоды, в том числе тот, где жену покупал/содержал муж. Примечательно, что при разработке новых критериев морали в сфере сексуальных отношений, идеологи новой власти не выступали против свободных половых связей между мужчиной и женщиной вне формальной регистрации [11, с. 14].

Отношение к такой форме брачных отношений в своих работах неоднократно высказывала А.М. Коллонтай – один из теоретиков по женскому вопросу в партии большевиков. «Неприемлемой, вредной для коллектива является материальная сделка между полами, в форме ли проституции, в образе ли законного брака, – указывала она, – подмены свободного общения полов на почве взаимного влечения грубо-материальным учетом выгоды от этого общения» [12, с. 18]. Согласно «новой морали», которую она пропагандировала, «свободная любовь», внебрачная связь, основанные на искренних чувствах, лучше, чем семейные отношения, построенные на сугубо материальном интересе [13, с. 311-315].

Отражение подобных умозрений А.М. Коллонтай также можно встретить на страницах газет 1920-х гг., в том числе и местных. Причем провинциальные авторы интерпретировали ее положения, исходя из собственных соображений, упрощая, а порой и вульгаризируя смысл.

Так в «Брянском рабочем» от 28 мая 1924 года вышла заметка «О законных женах и проститутках» [14]:

«Недавно в Бежице состоялся общественный суд над проституткой. Хочу высказать свое мнение о проститутке и «законной» жене.

Большинство браков – проституция.

Проститутка уличная работает сдельно, а жена является поденной проституткой.

Сейчас обязанность мужа как более сознательного поднять уровень сознания жены, привить ей здоровые коммунистические взгляды на окружающее.

Товарищеское взаимоотношение должно быть основой семейной жизни, только тогда брак – не проституция.

Но ни просвещение, ни улучшение результатов женского труда не избавили становившуюся на ноги Страну Советов от проституции. Ведь как бы не были хороши и заманчивы лозунги, жизнь женщины не становилась лучше.

«Эх, тяжело житье деревенской бабы – прямо закрыла б глаза да куда-нибудь ушла бы!»

Городская жизнь и манит и зовет; и уходили многие из деревни – кто на фабрику, кто на завод. И работали, превратясь в машину, дни и ночи не разгибая спину, а получая гроши, холодали и голодали. <...> И стоит в простеньком костюме бедная работница, видит: как за ней уж не один мужчина охотится! Тот подморгнет, а тот прокатиться предложит. <...> Ну сдержишь себя один – два раза, а там и захватила тебя «зараза»! И под шум городской, под шепот прибауток и шуток, ан глядишь: работница закружилась в рое проституток. Тяжело потом приходится казнить: ждет ее заразная больница, а в больнице той ужасные мученья: курс тяжелый специального лечения! А по выходе оттуда неспособна ни к какому уж труду и обречена на страшную нужду!» [15].

Попытки большевиков на протяжении 1920-х гг. уничтожить проституцию или хотя бы уменьшить ее распространение не принесли существенных результатов. Государственная политика основывалась на ленинских указаниях: «Возвратите проститутку на работу и найдите ей место в общественном производстве» [16, с. 479].

Поскольку проституция являлась одной из главных причин распространения венерических заболеваний, государство стремилось покончить с ней главным образом как с медицинской проблемой. Предпринимались также меры защиты самих проституток от насилия и плохого обращения, т. е. они рассматривались в качестве жертв сложившихся обстоятельств, впрочем, как и их клиенты. Однако вопрос о последних оставался открытым [17, с. 503-504].

Новые меры государственного регулирования имели определенный успех, но их масштаб был слишком мал для полного решения проблемы, окруженной глубокими социальными вопросами: женской безработицей, отказами от детей, супружескими изменами, бедностью, квартирным вопросом, перенаселенностью городов.

Список источников и литературы

1. Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией. СПб., 1897. 150 с.
2. Штюмер К. Проституция в городах // Труды Высочайше разрешенного съезда по обсуждению мер борьбы с сифилисом в России. СПб., 1897. Т. 1.

3. Лебина Н.Б., Шкаровский М.Б. Проституция в Петербурге [Электронный ресурс] / URL: <http://statehistory.ru/books/N-B--/4>. (дата обращения: 26.11.2017).
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 4301. Оп. 1. Д. 298.
5. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. 320 с.
6. Материалы межведомственной комиссии по борьбе с проституцией. М., 1921. Вып. 1. 16 с.
7. Равич. Борьба с проституцией в Петрограде // Коммунистка. 1920. № 1-2.
8. УК РСФСР от 01.06.1922 года // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
9. Бумажный Е. Работница и крестьянка // Брянский рабочий. 1923. 8 марта.
10. С.И. Школа фабзавуча против проституции // Брянский рабочий. 1923. 8 марта.
11. Алферова И.В. «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!»: трансформация семейных отношений в российском общественном дискурсе (1917–1927 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-2. С. 10-15.
12. Коллонтай А.М. Проституция и меры борьбы с ней: Речь на III Всероссийском совещании заведующих губженотделами. М., 1921. 23 с.
13. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск, 2011. 352 с.
14. «О законных женах и проститутках» // Брянский рабочий. 1924. 28 мая.
15. Раешник // Брянский рабочий. 1923. 8 марта.
16. Цеткин К. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Т. 2. 740 с.
17. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. 616 с.

Сведения об авторе:

Трошина Дарья Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Troshina D.V.

«RETURN THE PROSTITUTE TO WORK AND FIND HER PLACE IN THE SOCIAL PRODUCTION» (PROBLEMS OF PROSTITUTION IN THE PRESS.1920-ies)

Abstract: The article is devoted to the reflection of some problems related to prostitution in the RSFSR in the early 1920s, on the pages of the central and local press. The article contains a brief historical overview of state measures to regulate prostitution in the Russian Empire, and also interpreted the measures taken by the Bolshevik authorities to eradicate prostitution. In conclusion, there is a conclusion about unsuccessful attempts to eliminate the phenomenon of "selling love", that was connected with the socio-political situation in the country, and the ideological attitudes of the Bolsheviks.

Keywords: prostitution, prostitute, unemployment, worker, the emancipation of women, Bolsheviks, communism, free morality, the victim

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЫБОРГСКОГО ГРАДОСТРОЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Е. В. Петров (СПбГУ)
Т. С. Криницына (СПбГУ)

Аннотация: в статье рассматриваются основные типы и виды источников по истории Выборгского градостроения хранящихся в коллекциях и собраниях российских архивов. Анализ всего комплекса исторических источников позволяет объективно говорить об основных чертах градостроительного развития Выборга в советский период.

Ключевые слова: историческая урбанистика, градостроительное развитие Выборга, архитектурно-планировочная работа.

Архивные документы по истории градостроительного развития Выборга в советское время, во многом позволяет перевести сегодняшние общественные дискуссии о сохранности исторического центра Выборга в более профессиональное, академическое русло и переосмыслить в целом сложный и противоречивый проектно-планировочный процесс развития территории с точки зрения «*Urban history*» (исторической урбанистики).

Характеристика всего комплекса и типа исторических источников по истории градостроительного развития Выборга в советский период включает в себя следующие материалы:

1). *Проекты планировки и застройки города Выборга (1952 г.) и генеральные планы города (1963 г., 1986 г.)*, как основополагающие документы, регламентирующие градостроительное развитие города на протяжении всего советского периода;

2). *Нормативно-правовые документы*, свидетельствующие о решениях центральной, региональной и местной власти касающиеся проблем разработки и утверждении генерального плана Выборга, как основополагающего документа градостроительной жизни города;

3). *Ведомственные источники*, характеризующие целый комплекс противоречий при подготовке проектной документации усилиями градо-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 17-31-00024 а1 «Градостроительное развитие города Выборга в советский период (1944-1991 гг.)»

строительных организаций: «Облпроект», «Гипрокомунстрой», «Ленгражданпроект», «Спецпроектреставрация» и др.;

4). *Делопроизводственные документы* местного и регионального уровня, которые позволяют фиксировать детали процесса разработки генерального плана Выборга в разные периоды;

5). *Материалы кино и фотодокументов*, а также картографические материалы, хранящиеся в различных государственных архивохранилищах и архивах организаций и позволяющие документально проиллюстрировать реальное положение дел в Выборге;

6). *Материалы устной истории*, позволяющие закрыть многочисленные лакуны в изучении градостроительной истории города Выборга 1960 – 1990-х гг.;

7). *Историографические источники*, которые, вкупе с материалами устной истории, в ряде случаев выступают в качестве единственных данных, по причине утраты материалов.

Советский опыт градостроительного развития Выборга сегодня рассматривается в качестве завершённого исторического процесса. Многочисленные документы хранящиеся в центральных и местных архивах предоставляют возможность для полного и объективного освещения основных этапов разработки генпланов развития Выборга в 1953 г, 1962 г. и 1986 г.. Они свидетельствуют о первых проектно-планировочных работах, начавшихся после освобождения территории в 1944 г. и неудачных попыток разработки генплана 1947–1948 гг. архитектором В.Н. Талепоровским, до утверждённого властями генплана 1952 г. архитектора М.П. Лаврова и 1963 г. архитектора В.Я. Фогеля и завершённости процесса в 1986–1991 гг., в рамках генерального плана архитекторов Д.П. Фридлянда и Н.А. Ли. Материалы подобного рода крайне важны для понимания того, в какой мере советские генпланы видоизменяли традиционную финскую планировку города и можно ли согласиться с большинством замечаний в адрес советских градостроителей по поводу обезличенной и типовой застройки Выборга во второй половине XX века.

В советский период вопросы реставрации и реконструкции города существенно осложнял тот факт, что после 1940 г. материалы Выборгского муниципального архива были перемещены в окружной архив города Миккели (Финляндия). Часть выборгских материалов хранятся также в городе Лаппеенранта, где Выборгу посвящен целый отдел музея Южной Карелии. В археографической публикации А. Рупасова и М. Мусина по Выборгу приводится комплекс градостроительных документов выполненных сотрудниками Ленгипрогора. Они лишний раз свидетельствуют о чрезвы-

чайных обстоятельствах подготовки генплана Выборга в 1939 г. [8]. Отсутствие документов, схем и планов, вкупе с незафиксированными изменениями облика города, существенно тормозило работу архитекторов над генеральным планом. Что не могло не отразиться на процессе восстановления большинства разрушенных зданий.

В Центральном Государственном архиве научно-технической документации г. Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб) хранятся материалы фонда Архитектурно-планировочного управления Ленинградского Областного Исполнительного комитета Совета народных депутатов РСФСР (ОБЛАПУ) за 1944 – 1960-е гг. [5]. Управление занималось вопросами руководства, контроля, согласования планировки и застройки городов и населенных пунктов Ленинградской области, руководило охраной и реставрацией памятников архитектуры. Комплекс данных источников характеризует противоречивый процесс разработки первого советского генерального плана г. Выборга в 1944 – 1947 гг., а также позволяет проследить его дальнейшую судьбу вплоть до 1950 года. Остаётся открытым до сих пор вопрос: «В какой мере генплан 1953 г. вобрал в себя идеи проекта 1947 выполненного мастерской Талепоровского и Милюковой»? Многочисленная проектная документация позволяет переосмыслить сложности и противоречия реконструкции и восстановления города в послевоенный период, уточнить детали архитектурно-планировочного процесса на уровне подготовки отдельных решений градостроительными институтами. В качестве основных ведомственных документов несомненный интерес представляют отчеты и докладные записки о работе Управления Главного архитектора города Выборга, а также переписка с организациями и предприятиями по планировке, застройке, благоустройству и отводу земельных участков. Данный аспект представляется важным, так как он позволяет определить место и роль отдельных урбанистических институтов (комитетов по делам архитектуры, институтов проектирования городов, проектировочных мастерских) в разработке генеральных планов Выборга в 1952, 1963, 1986 г. и выделить основные этапы, сложившиеся в градостроительном развитии территории. Следует иметь в виду, что при создании и разграничении полномочий ведомственной системы имели место организационно-управленческие противоречия, складывающиеся в ходе восстановления и реконструкции города. По мнению специалистов, именно «сложившаяся в послевоенные годы советская система представлений о городе создавала немало проблем для градостроительной практики» в дальнейшем [7, с. 8].

Среди всего многообразия ведомственных документов, следует обратить внимание на материалы «проекта планировки и застройки города

Выборга 1952 года», «генеральный план города Выборга 1963 года», «пояснительную записку к генеральному плану 1986 года» хранящиеся в Выборгском филиале института «Ленгражданпроект». Эти документы небезынтересны для изучения традиций советской урбанистики, поскольку в них определялись согласно строительным нормам все черты будущего градостроительного развития Выборга. В них речь идёт о планировке, застройке и реконструкции города на протяжении существенного промежутка времени (1-20 лет). Они включают в себя аналитическую и проектную часть с детальной планировкой отдельных районов города и графические схемы, с подробной характеристикой социальной, экономической, культурно-бытовой, экологической и транспортной сферы. В них согласно исходным условиям генплана приводится концептуальная установка о том, как город будет развиваться на протяжении всего периода действия документа. С точки зрения истории архитектуры не могут не вызывать интерес те разделы генплана города, которые содержат ценные фотофиксации памятников и историко-культурных объектов города.

Представляется принципиально важным расширить предметное поле изучения истории градостроительного развития Выборга на основе многочисленных документов и материалов хранящихся в Центральном Государственном архиве историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Особый интерес представляют документы фонда Ленинградского областного комитета КПСС [2] за 1945 – 1946 гг. Комплекс данных источников характеризует процесс обсуждения представителями власти различных сценариев будущего развития Выборга. Анализ документов позволяет проследить принципиальные моменты обсуждения пространственного развития территорий, которые, в конечном счёте, явились «исходными условиями» для разработки основных положений генерального плана.

В Ленинградском областном государственном архиве в Выборге (ЛО-ГАВ) хранится ряд документов, содержащих уникальную информацию по градостроительной истории города, в частности результаты рекогносцировки послевоенного Выборга [3]. Данные материалы были введены в научный оборот в работе Г.И. Большаковой, использовавшей их при подготовке диссертационного исследования [6]. Не меньший интерес представляют материалы фонда Исполнительного комитета Выборгского городского совета народных депутатов Ленинградской области [4]. Эти документы характеризуют социально-экономическую ситуацию в городе в поствоенный период, отражают проблемы, с которыми столкнулись власти и жители города в первый поствоенный год, а также свидетельствуют о темпах

решения задач, которые были поставлены перед городским руководством областными, республиканскими и союзными властями.

В Выборгском краеведческом музее (ВКМ) имеются документы, которые также дополняют картину послевоенного состояния города. Это документы следующего порядка: материалы о развитии промышленности в послевоенный период, планы восстановления и развития хозяйства Выборга, справки о торговом снабжении и обслуживании населения и работе коммунальных и строительных предприятий и др. В краеведческом отделе библиотеки Алвара Аалто хранится машинописная копия статьи архитектора Леонида Леонтьевича Гуревича «О композиции городского центра Выборга» (1990 – 1991 гг.).

Опыт советского градостроительного развития Выборга объективно позволяют сегодня оценить не только труды М.И. Мильчика и Д.П. Фридлянда ставшие важной частью современной историографией вопроса, но и материалы устной истории, многочисленные интервью членов городского архитектурного совета Выборга: Н.А. Ли, Т.А. Ступневой, Ж.А. Хватовой. Они позволяют переосмыслить не только развитие градостроительной мысли, но в целом ряде случаев выступают в качестве единственного доступного материала, по причине утраты документов*.

Данные материалы, на правах нарративного (повествовательного) источника, позволяют конкретизировать многие нюансы по таким сложным вопросам как преемственность между финским генеральным планом О. Меурмана и новыми принципами развития территории в советское время. Ценность данного материала вполне очевидна для урбанистов и мы разделяем высказанную в литературе идею о том, чтобы сохранить историческую память о создателях советского генерального плана Выборга. Материалы интервью с градостроителями и архитекторами Выборга, позволяют персонифицировать историю Выборгского градостроения советского периода, уточнить список участников архитектурных мастерских работавших над созданием генеральных планов В.Н. Талепоровского, В.Я. Фогеля, Д.П. Фридлянда.

Безусловно, каждый тип источника обладает разной степенью достоверности и репрезентативности в силу своего происхождения: материалы устной истории имеют более высокую степень зависимости от личностного фактора, нежели, актовые материалы. Однако комплексный подход к изучению источниковой базы и восприятие ее как совокупности различ-

* 13-14 марта 1998 г. разрушительный пожар в значительной степени уничтожил здание института «Ленгипрогор», его архивы, проектные материалы.

ных типов и видов источников позволяет существенно дополнить и уточнить содержащиеся в них данные. Подобный подход даёт возможность не только предметно и детально охарактеризовать специфику профессиональной работы выборгских градостроителей и генпланистов, но и наиболее достоверного описать процесс урбанистического развития Выборга в советский период в качестве города социалистического типа.

Список источников и литературы

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 17-31-00024 а1 «Градостроительное развитие города Выборга в советский период (1944–1991 гг.)».
2. ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. – фонд Ленинградского областного комитета КПСС.
3. ЛОГАВ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2., См.: Большакова Г.И. Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940-1960 гг.: автореф. дисс. ... доктора ист. наук. СПб., 2010.
4. ЛОГАВ. Ф. Р-437. – фонд Выборгского городского Совета народных депутатов Ленинградской области. Исполнительный комитет.
5. ЦГАНТД СПб. Ф. 388. – фонд Архитектурно-планировочного управления Ленинградского Областного Исполнительного комитета Совета народных депутатов РСФСР (ОБЛАПУ).
6. Большакова Г.И. Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940-1960 гг.: автореф. дисс. ... доктора ист. наук. СПб., 2010.
7. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х - первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства: автореф. дисс. ... доктора архитектуры. М., 2000.
8. Мусин М., Рупасов А. Виипури (Выборг). 1940 год. Документы. Выборг: «Выборгская типография», 2009.

Сведения об авторах:

Петров Евгений Вадимович – доктор исторических наук, профессор кафедры Источниковедения истории России, института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Криницына Таисия Сергеевна – магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Petrov E.V., Krinitsyna T.S. (Saint-Petersburg State University)

Sources for Vyborg's urban history during Soviet time

Annotation: The article discusses the main types of sources dedicated to Vyborg's urban history which are stored in Russian archives. An analysis of the entire range of historical sources makes it possible to objectively refer to the main features of the urban development of the Vyborg during soviet time.

Key words: urban history, master plan of Vyborg, architectural and planning work.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОВЕТСКОЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВЫБОРГА*

Е. В. Петров (СПбГУ),
Т. С. Криницина (СПбГУ)

Аннотация: в статье рассматриваются различные точки зрения на историю советского градостроения в Выборге сложившиеся в современной историографии. Авторы рассматривают наиболее значимые работы в которых переосмысливается градостроительный опыт развития Выборгской территории. Историографический анализ позволяет охарактеризовать содержание основных этапов урбанистического развития Выборга во второй половине XX века.

Ключевые слова: архитектурный облик Выборга, градостроительные институты, советская модель градостроительного развития, архитектурное наследие Выборга.

*«Архитектура – тоже летопись мира:
она говорит тогда, когда уже молчат и песни,
и предания, и когда уже ничто не говорит о погибшем народе».*
Н. В. Гоголь

Архитектурный облик Выборга задолго до последних решений властей о музеефикации исторического центра города стал предметом тревог и беспокойства архитектурного сообщества и градозащитного движения. По мнению отечественных и зарубежных экспертов, в Выборге переплетены многоплановые и многовековые градостроительные традиции таких европейских стран как Германия [34], Швеция, Финляндия и Россия. Каждая из сторон в Выборгском градостроительном наследии видит то, что носят её граждане в своём сердце, пытаясь представить собственную историю развития данной территории [16], иногда будируя в крайних формах вопрос «What's the Time in Vyborg?» [31].

По разным экспертным заключениям выборгское градостроительное наследие насчитывает от 280 до 350 объектов культурного и исторического значения, среди которых и неповторимые архитектурные и скульптурные

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 17-31-00024 а1 «Градостроительное развитие города Выборга в советский период (1944–1991 гг.)».

шедевры, и уникальные объекты садово-паркового искусства, и интереснейшие археологические памятники. За скорейшее решение проблема сохранности архитектурного наследия Выборга ратуют сторонники градозащитного движения и реставраторского сообщества. Они отмечают, что современный Выборг приближался к «точке невозврата» [30] и перспектива утраты уникального исторического облика города все более становилась похожа на реальность. Сегодня новости относительно сохранения культурного наследия города звучат куда более оптимистично: в конце лета заместитель министра культуры РФ Олег Рыжков анонсировал включение Выборга в число городов-музеев [11] (решение окончательно было принято осенью [10]), а уже в октябре Выборг вступил в фазу долговременной реставрации.

В этой связи представляется весьма важным поднять вопрос о традициях разрыва и преемственности градостроительного развития города во второй половине XX века. Иными словами ответить на вопрос, в какой мере послевоенная советская реконструкция города видоизменяла традиционный Выборгский градостроительный стиль.

Ранние периоды выборгского градостроения достаточно обстоятельно исследованы зарубежными и отечественными специалистами (изучение облика города берет свое начало с конца XIX века [20]). О советском периоде говорили, в лучшем случае те, кто был сопричастен в силу своих профессиональных и должностных обязанностей к принятию архитектурных решений. Изучение архивных материалов по истории разработки, обсуждения и принятия генплана развития города в советское время позволяет сравнить разнообразные подходы на проблему восстановления и реконструкции Выборга в послевоенный период и более детально проследить процесс эволюции пространственного развития городской среды. Данный вопрос весьма часто поднимается зарубежными коллегам. А именно, что нового привнесла в архитектурный облик города советская власть в Выборге?

Подавляющее большинство работ, посвященных архитектурному развитию Выборга в советский период, появились уже после распада СССР. Следует отметить, что на это же время приходится пик исследовательского интереса к проблеме сохранности архитектурного облика города. Практические шаги в изучении советского архитектурного стиля Выборга были напрямую связаны с включением города во всесоюзные туристические маршруты. Местными краеведами была подготовлена целая серия работ, направленность которых в большей мере соответствовала информации для путеводителей по памятным местам. В данных работах в той или иной мере упоминались отдельные этапы в развитии городской архитектуры, смены стилей и образа города, в том числе, и в советский пе-

риод [2]. На фоне общего массива изданных в 1960–1970-е годы книг нетривиальностью подхода выделяются работы Е.Е. Кеппа [17]. Он являлся выпускником Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Тема дипломной работы Кеппа была посвящена архитектуре Выборга. В последующем её изучение стало делом всей его жизни. При подготовке к изданию своих книг Кепп многократно консультировался с коллегами из Финляндии, Швеции, Германии, в том числе с О.И. Меурманом – финским архитектором, создателем концепции «Большого Выборга», автором генерального плана 1927 года.

Среди современных работ обобщающего характера следует упомянуть архитектурный путеводитель по Выборгу, подготовленный в 2006 году финскими специалистами из Политехнического института Хельсинки [24]. Данный труд, помимо краткой исторической справки и полного списка имен архитекторов и художников, которые трудились в досоветском Выборге, представлен обстоятельный обзор памятников исторического центра города и тех поселков, укреплений и парков, которые окружали Старый город.

Особо среди работ финских авторов следует выделить труд Ю. Ланкинена [32], посвященный истории Выборга. Со слов его коллег и друзей, в планы архитектора входило написание труда по истории советского Выборга, однако, к сожалению, кончина автора не позволила ему свершить задуманное [23]. Имя Ю. Ланкинена стоит упомянуть также в связи с созданием макета города Выборга образца 1939 года, и как одного из создателей проекта «Виртуальный Выборг» [9].

С начала 1990-х гг. всё больше стало издаваться совместных российско-финских работ по градостроительной истории города Выборга. В данном случае многоаспектность подходов позволила говорить о напластования архитектурных стилей и градостроительной истории Выборга как наиболее явственном случае и примере *градостроительной конвергенции* [33]. Многие наработки советских специалистов, инициируемые такими институтами как «Спецпроектреставрация», обрели международную известность: в этот период достаточно много внимания начинает уделяться изучению опыта разработки охранных зон Выборга. Коллектив авторов данного проекта возглавлял Михаил Исаевич Мильчик – член Российского комитета ICOMOS, Федерального Совета по сохранению культурного наследия при правительстве Санкт-Петербурга, который вел обширную работу по изучению и сохранению архитектурного наследия Выборга. При его участии были также разработаны проекты зон охраны ряда исторических городов Ленинградской, Новгородской и Архангельской областей.

М.И. Мильчик в соавторстве с финской коллегой Уллой-Риитой Кауппи систематизировали архивные материалы и представили обзор градостроительной истории Выборга, опубликовав планы города на отдельных этапах его развития [15]. Среди работ М.И. Мильчика стоит отметить его труд, посвященный изучению отдельных этапов градостроительной истории Выборга и судьбе библиотеки А. Аалто [22]. Профессиональный взгляд на проблему градостроительного развития города в досоветский период также представляет работа одного из главных архитекторов города и создателей генерального плана 1986 года – Д.П. Фридлянда [28]. Из диссертационных исследований следует упомянуть работу Л.А. Кудрявцевой о выборгской архитектуре финского периода, подготовленное в период её работы в Выборгском отделении НИИ «Спецпроектреставрация» [19]. Л.А. Кудрявцева ссылается на обширный список авторов, в работах которых прямо, либо косвенно, приводятся данные о досоветских генеральных планах развития Выборга и деятельности его главных архитекторов. Во многом данные работы позволяют судить о досоветском стиле Выборгского градостроения и противоречиях в преемственности его развития в более поздний период.

Следует отметить, что если в довоенный период можно говорить о традициях преемственности пространственного развития города, то со второй половины XX века наметился определённый разрыв, который до сих пор остаётся так и не переосмысленным в отечественной историографии. Большинство работ по истории градостроительного развития Выборга в послевоенный период посвящены разнообразным аспектам проблемы восстановления и реконструкции Выборга. В последствие теория восстановления и реконструкции обрела самодавлеющий характер с точки зрения методологии исследования. В её рамках и будет традиционно трактоваться развитие данной территории. Историографические работы и многочисленные архивные источники, позволяют сегодня обстоятельно рассмотреть процесс превращения Выборга из финского города в советский. Предпосылками для ревизии прошлых концепций выступают изданные в последнее время результаты многочисленных исследований по различным аспектам территориально-административных преобразований на Карельском перешейке. Следует отметить работы Г.И. Большаковой [5], посвященные проблемам культурного возрождения данной территории [6], советской переселенческой политике [7] и проблемам адаптации советских переселенцев в 1940–1960-е гг. в регионе [8].

Изучение миграционной проблематики представлено в статье Л.В. Герашенко [12]. Вопросы повседневной жизни советских граждан в Вы-

борге, общего благоустройства, восстановления жилого фонда, образовательных и медицинских учреждений были освещены в трудах Н.Н. Гордеевой [13] и В.А. Орава [25]. Отдельный интерес у исследователей проявляется к изучению проблемы, связанной с попытками создания и функционирования в Выборге свободной экономической зоны в конце 1980-х гг. [4]. При этом важно подчеркнуть, что специальных работ, посвящённых истории создания генерального плана советского Выборга, как основополагающего документа, выдержанных в академическом ключе, не так много.

В диссертационном исследовании Ю.Л. Косенковой [18] сделаны выводы о том, что новый подход к городу, при котором во главу было поставлено качество жизни людей, начал формироваться еще до окончания Великой Отечественной войны, то есть в 1943–1946 гг.. Именно в этот период создавался Комитет по делам архитектуры СНК СССР, архитектурно-проектировочные институты и тресты. Однако, как указывает автор, «всплеск профессионального сознания был слишком слабым и не был подкреплён сколько-нибудь последовательными теоретическими и методическими разработками» [18, с.4]. Ю.Л. Косенкова отмечает внутренние противоречия свойственные архитектурным веяниям эпохи (идеи социальной самоорганизации – «neighborhood unite») и социально-политическую направленность советского градостроительства.

Впервые вопросы о периодизации градостроительного развития Выборга в советское время поднимались в трудах выборгских и петербургских архитекторов, реставраторов и градостроителей. Наиболее показательна в этом плане работа одного из главных архитекторов Выборга Д.П. Фридлянда, посвященная градостроительному развитию города во второй половине XX века [27]. Согласно авторской концепции, советский этап в градостроительной истории города разбивается на 3 ключевых периода. Все они связаны с разработкой и принятием генерального плана территориальной застройки города. I этап – восстановление и реконструкция разрушенной в годы войны городской застройки. В этот период было разработано 2 проекта планировки города Выборга: в 1947 году архитекторами Ленинградского отделения «Горстройпроекта» В.Н. Талепоровским и Ф.И. Милюковой проект генерального плана г. Выборга, а спустя 5 лет, в 1952 году Ленинградским институтом «Гипрокоммунстрой» был выполнен «Проект планировки и застройки г. Выборга». II этап – разработка генерального плана Выборга 1963 г., созданного институтом «Ленгипрогор» (арх. В.Я. Фогель). III этап – разработка генерального плана 1986 года, выполненного авторским коллективом Выборгского филиала института «Ленгражданпроект» (арх. Д.П. Фридлянд, Н.А. Ли).

В статье Фридлянда градостроительная история Выборга рассматривается в контексте вопросов разработки, утверждения и реализации генплана определившего пространственно-архитектурное развитие города в советский период. Вместе с тем, в историографии до сих пор остаются открытыми для переосмысления вопросы определяющие процессы изменения облика города. Имеющиеся сегодня в распоряжении историков и архивистов документы весьма информативны в отношении принятия архитектурных решений местными, региональными и центральными властями. Материалы многочисленных ведомственных документов ещё предстоит ввести в научный оборот исследователям. Учитывая тот факт, что периодизация, предложенная Д.П. Фридляндом, является единственным опытом обобщения и систематизации градостроительной деятельности в Выборге в советское время, вся остальная литература по этой теме является вторичной [14].

Д.Н.Фридлянд провёл периодизацию и дал характеристику отдельным этапам развития советского Выборга именно с точки зрения градостроителя. Его авторское видение концептуально заложило основы для последующего более детального изучения процесса градостроительной эволюции советского генплана Выборга. Принимая и разделяя авторскую точку зрения, следует оговорить отдельные частности в его работе. Изложенный материал по истории первого советского генплана 1947 г. не находит подтверждения в архивных документах. Упомянутый в качестве первого генплана проект Талепоровского, как свидетельствуют исторические источники, закончился арбитражными разбирательствами в 1948 г в судебных инстанциях. Восстановление последовательности развития событий вокруг первого генплана заставляет более внимательно отнестись к различного рода проектно-планировочным документам, чтобы более обстоятельно переосмыслить ранние этапы градостроительной истории Выборга в советское время.

В новейшее время интерес к градостроительной истории Выборга проявился в силу сложившегося катастрофического положения дел связанного с проблемой утраты архитектурных памятников. На фоне общественных дискуссий, подтолкнувших власти принять решение о реновации исторического центра города и его музеефикации, реставраторы и архитекторы обращаются к известному опыту советского времени по разработке проекта охранных зон. Условия для сравнительно анализа развития присоединенных территорий наблюдаются благодаря тому, что помимо Выборга [26], в диссертационных исследованиях поднима-

ются аналогичные вопросы послевоенного развития таких городов как Клайпеда и Калининград [21].

В качестве успешного реставрационного примера можно рассматривать опыт воссоздания в городе библиотеки Алвара Аалто. Сегодня её сотрудники вычленяют градостроительную защиту исторического центра города как самостоятельное направление в своей работе [29]. 4 октября 2011 года ими, совместно с отделением истории архитектуры Университета Аалто (Хельсинки), был организован и проведён международный семинар по истории архитектуры Выборга. В нем принимали участие такие специалисты из Финляндии и России: Айно Нисканен, профессор истории архитектуры Университета Аалто в Хельсинки, Петри Неувонен – выпускник Политехнического института в Хельсинки и автор издания «Выборг: Строительное наследие семи столетий», а также М.И. Мильчик, Т.Н. Пятницкая и мн. др. В дискуссиях, развернувшихся во время заседания, нашла отражение алармистская точка зрения обеспокоенности по поводу катастрофического состояния городской архитектуры Выборга [3].

Очередное мероприятие, которое было проведено 13–14 февраля 2014 г. в библиотеке Алвара Аалто посвящалось теме «Мультикультурного наследия Выборга и его сохранности». На семинаре присутствовали, в том числе, и градозащитники, а среди первоочередных тем обсуждались экстраординарные меры, которые необходимо предпринять для защиты исторического центра города. Большинство специалистов высказалось в пользу необходимости разработки мер по организации работ для сохранения архитектурного наследия города. Всё больше и настоятельнее начали говорить о комплексной программе возрождения Выборга, как «выдающегося международного историко-культурного, архитектурного, музейного и туристического центра» [30, р. 48]. Нам представляется сегодня принципиально важным рассматривать этапы градостроительной истории Выборга комплексно, включая классические образцы работ по генпланам: Нилмама (1861) – в дореволюционный период, и Меурмана (1927) – в финский период, вместе с советскими (1947/1952, 1963, 1986) и российским (2005).

Таким образом, в имеющихся изданиях посвящённых градостроительной истории Выборга советского времени материалы генеральных планов города признаются в качестве основного документа архитектурно-пространственного развития. Они позволяют уточнить эволюцию территориальной застройки Выборга и смену представлений власти о будущем города. На наш взгляд этот процесс характеризуется определёнными ста-

диями роста в советское время. Изначально Выборг являлся закрытым городом. В период с 1944 по 1953 гг., на архитектурных решениях местных и центральных властей сказывались сложности и противоречия процесса демилитаризации городской жизни послевоенного времени. Скорее это был «переходный период» в истории Выборгского градостроения, характеризовавшийся сменой финского генплана на советский вариант. Только в последующий период с 1962 по 1986 гг. город фактически перешагнул рамки исторического центра. На данном этапе реализовывалась типовая советская модель градостроительного развития. Её особенность состояла в градостроительной конвергенции, когда новая прямоугольно-регулярная структура планировки на основе кварталов, сочеталась с традиционной радиально-регулярной структурой исторического ядра вокруг крепости. Стремление советских архитекторов развивать территорию в качестве интернационального мегаполиса сказалось на решениях принятых в период с 1986 по 1991 гг., который можно рассматривать в качестве глобального перехода к устойчивому развитию.

Список источников и литературы

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 17-31-00024 а1 «Градостроительное развитие города Выборга в советский период (1944–1991 гг.)».
2. Адашкина В.И., Вассель И.П., Риор Э.М. Знакомьтесь – Выборг. Л., 1965.
3. Архитектура Выборга: пространство и время [Электронный ресурс] // Архитектурный журнал «Проект Балтия». 2007–2013. URL: <http://projectbaltia.com/news-ru/2502> (дата обращения: 20.11.2017).
4. Баганов С.Г. Отечественный опыт создания и функционирования свободных экономических зон // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5. С. 26-29.
5. Большакова Г.И. Административно-территориальные преобразования на Карельском перешейке в 1940-1960-е годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 93. С. 14-21.
6. Большакова Г.И. Культурное возрождение Карельского перешейка в 1940-е годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 11-18.
7. Большакова Г.И. Переселенческая политика Советского государства и её реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960 гг.: автореф. дисс. ... доктора ист. наук. СПб., 2010.
8. Большакова Г.И. Проблемы адаптации советских переселенцев на Карельском перешейке в 1940–1960-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2008. № 12. С. 42-46 и другие работы автора.
9. Виртуальный Выборг 1939 [Электронный ресурс] // Виртуальный Выборг. 2006. URL: <http://www.virtuaaliviipuri.tamk.fi/> (дата обращения: 20.11.2017)
10. Выборг получит статус «город-музей» и вступит в период 20-летней масштабной реставрации [Электронный ресурс] // IVBG.RU. 2015–2017. URL: <https://ivbg.ru/7857016-vyborg->

poluchil-status-gorod-muzej-i-vstupil-v-period-20-letnej-masshtabnoj-restavracii.html (дата обращения: 20.11.2017).

11. Выборг, Гороховец и Крапивна станут городами-музеями [Электронный ресурс] // ТАСС. 1999–2017. URL: <http://tass.ru/kultura/4482300> (дата обращения: 20.11.2017).

12. Геращенко Л.В. Условия заселения приграничных районов Карельского перешейка советскими гражданами в 40–50-е гг. XX в. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 225–286.

13. Гордеева Н.Н. Благоустройство города Выборга в послевоенный период // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 4. С. 43–52;

14. Имеются в виду отдельные доклады и выступления. Например, работы О.Ю. Лиховидова на тему «Генплан исторической части г. Выборга в период с XII – XX вв.: история и перспективы».

15. Кауппи У.-Р., Мильчик М.И. Выборг – столица старой Финляндии. Раума, 1993.

16. Кашенко С.Г., Рябова Л.К. К изучению кросскультурного пространства Выборга: некоторые вопросы историографии // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 141–151; Петров Е.В. Базанов П.Н. Эконен К. Книжное и издательское дело русского зарубежья в Выборге в 1920–1930 гг. // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 8. Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. СПб., 2015. С. 108–120.

17. Кепп Е.Е. Архитектурные памятники Выборга. Выборг, 1977; Он же. Выборг. Художественные достопримечательности. Выборг, 1992.

18. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства: автореф. дисс. ... доктора архитектуры. М., 2000.

19. Кудрявцева Л.А. Архитектура Выборга конца XIX – первой половины XX века. Проблемы стилистической эволюции: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 1996.

20. Лагус Г. Из Выборгской истории. Стокгольм, 1895.

21. Манюк Е.С. Советское градостроительство в Бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945–1950-е гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Калининград, 2015.

22. Мильчик М.И. Этапы градостроительной истории Выборга и библиотека Алвара Аалто // Градостроительное искусство. М.: Комкнига, 2007. Вып. 1. С. 407–419.

23. Мошник Ю., Ефимов М. Юха Ланкинен. Архитектор памяти // Выборг 2017. № 3 (17702). 13 января 2017.

24. Неувонен П., Пёухья Т., Мустонен Т. Выборг. Архитектурный путеводитель. Выборг: СН, 2006.

25. Орав В.А. Выборг – финский город на советской земле // Труды кафедры Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 179–189;

26. Петров Е.В., Криницына Т.С. Источники по истории создания первого генерального плана городской застройки Выборга в 1947 г. (по материалам ЦГАНТД СПб) // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России. Сборник материалов 16-ой международной межвузовской конференции преподавателей, аспирантов, студентов, посвященной 70-летию Великой Победы. 15–16 апреля 2015. Выборг: «Выборгский филиал РАН-ХиГС», 2016. С. 28–31.

27. Фридлянд Д.П. Застройка Выборга второй половины XX в. // Страницы Выборгской истории. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 683–702.

28. Фридлянд Д.П. Обзор градостроительного развития Выборга (XIII – п.п. XX вв.) // Страницы Выборгской истории. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 437–445.

29. Architectural seminar in Helsinki dedicated to the reconstruction of Aalto library in 2003: documentation of conservation of modernist buildings and urban projects. Vyborg, 2003.

30. Common Heritage: The Multicultural heritage of Vyborg and its preservation. Proceeding of international seminar 13-14.02.2014 at The Alvar Aalto library in Vyborg. Helsinki, 2015.
31. Kopenkina O. Between State and Public: «What's the Time in Vyborg?», a Project by Liisa Roberts [Электронный ресурс] // ArtMargins Online. 1999–2016. URL: <http://www.artmargins.com/index.php> (дата обращения: 16.10.2017); Wells Ch. Vyborg: a borderland town remembered and forgotten. Masters thesis / Department of Social Sciences. University of Eastern Finland, 2014, Lähteenmäki M. ed. Dreaming of a Greater Finland. Finnish-Russian border demarcations from 1809–1944. Helsinki, 2007. Salmela U., 'Happy homes and stable society. Otto-Ilvari Meurman and omakoti in interwar Finland // Planning Perspectives, 22 (October 2007). P. 443-466.
32. Lankinen J. Viipuri – suomalaisen kaupunki. Helsinki, 2000.
33. Petrov E, Krinitsyna T. From a Finnish Urban Space to Soviet Urban Planning: the Development, Approval and Implementation of the First Soviet Master Plan of Vyborg in 1944–1953 // Meanings of an Urban Space. Understanding the historical layers of Vyborg / Ed. K.Katajala. Mittel und Ostmitteleuropastudien: «LIT Verlag». 2016. Bd. 12. P. 123-153.
34. Schweitzer. R. Die Wiborger Deutschen // Veröffentlichungen der Stiftung zur Förderung deutscher Kultur. Helsinki, 1993. № 3. P. 15-21.

Сведения об авторах:

Петров Евгений Вадимович – доктор исторических наук, профессор кафедры Источниковедения истории России, института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Криницына Таисия Сергеевна – магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Petrov E.V., Krinitsyna T.S. (Saint-Petersburg State University)

Historiography review of the Soviet town-planning history of Vyborg

Annotation: the article discusses the different viewpoints of modern historiography dedicated to Soviet urban history in Vyborg. The authors consider the most important work in which the town-planning experience of Vyborg's urban development is reinterpreted. The historiography analysis provides an overview of the main stages of Vyborg's urban development in the second half of the twentieth century.

Keywords: Vyborg's architecture, urban institutions, the Soviet model of urban development, the architectural legacy of Vyborg.

**КАРТЫ И ПЛАНЫ ГОРОДА ВЫБОРГА
И ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX вв.
В ДОКУМЕНТАХ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
АРХИВА**

Т. В. Богданова (РГИА)

Аннотация: в данной статье автором подробно рассмотрены и проанализированы картографические материалы г. Выборга и Выборгской губернии, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Особое внимание уделено рукописным картам, благодаря которым можно определить особенности периодизации развития городской инфраструктуры г. Выборга в указанный период. Дается сравнительное описание планов г. Выборга, созданных в одно время. Перечислены фонды и коллекции архива, в которых картографический материал хранится в наибольшем количестве.

Ключевые слова: г. Выборг, Выборгская губерния, карты, планы.

Российский государственный исторический архив (далее РГИА) является одним из крупнейших исторических архивов в России. Архивная коллекция состоит из 1368 фондов, что составляет более 6,5 миллионов единиц хранения.

Анализируя состав фондов РГИА, нужно отметить, что многие коллекции, хранящие картографические материалы, были специально выделены в отдельные фонды и систематизированы по правилам ведомственной принадлежности государственным учреждениям. Эти коллекции включают в себя политико-административные, географические, топографические, коммуникационные, навигационные, гидрографические и специальные карты, как России, так и в меньшем количестве Западной Европы, Северной и Южной Америки, и планы отдельных российских и зарубежных городов. В архиве этот картографический материал хранится в виде отдельных планов или атласов. Многие карты и планы великолепно выполнены в художественном отношении, некоторые являются превосходными образцами графического мастерства.

Небольшое количество старинных рукописных карт из-за неблагоприятных условий хранения были повреждены, часть фрагментов и опи-

саний, к сожалению, полностью утрачены. После сдачи их на хранение в архив сотрудниками были проведены реставрационные работы. В новом здании РГИА созданы все условия для бережного хранения этих документов: строго соблюдается климат-контроль, постоянно происходит мониторинг климатических условий, физико-химического и микробиологического состояния документов, микробиологического и экологического состояния воздуха в хранилищах. Отдельные карты оцифрованы, в том числе для Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, и доступны для просмотра в электронном виде в читальном зале РГИА. Это помогает хранителям сберечь картографические материалы от постоянного использования, что благотворно влияет на физическое состояние документов. Лабораторией микрофильмирования и реставрации документов архива картам уделено повышенное внимание из-за различных химических процессов в красках.

Картография Финляндии, в том числе г. Выборга и Выборгской губернии, представлена в документах архива в небольшом количестве. Основу составляют красочные рукописные карты, в меньшем количестве сохранились печатные карты. Все эти документы уникальны для исследования ландшафтно-градостроительной эволюции г. Выборга, его окрестностей и губернии, они дают возможность определить особенности и периодизацию развития городской инфраструктуры. Значительная часть территории Выборгской губернии выходила на побережье Ладожского озера и являлась частью так называемого Озерного края. На многих картах показано расположение берегов, акваторий, бухт, гаваней, заливов и болот.

В фонде «Техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел» (Ф. 1293) хранятся наиболее подробные карты г. Выборга. В основном они относятся к периоду восстановления города после разрушительного пожара 1793 г. Новый проект застройки был утвержден императрицей Екатериной II в 1794 г. после доклада выборгского губернатора Гюнцеля. При этом два плана профессионально выполнены губернским архитектором Иваном Брокманом. На всех планах есть масштабная линейка, масштаб указан в саженьях.

Одним из наиболее интересных является «План губернскому городу Выборгу с показанием спасенных зданий от приключившегося в 21 день июня 1793 года несчастного пожара» [1]. Хотя этот рукописный план не датирован, он подписан И. Брокманом, и можно предположить, что был составлен в конце 1790-х или в начале 1800-х гг. На плане цветом выделены не пострадавшие от пожара каменные и деревянные строения, здесь же выделены сгоревшие каменные дома, лавки и погреба, а вновь проектируемые улицы, каменные дома и кварталы отмечены красными

линиями. Черными линиями обозначено прежнее расположение улиц и кварталов. На плане имеется художественная компасная картушка, ориентированная на северо-восток.

В описании расшифрованы буквенные обозначения, так Соборная церковь обозначена буквой А, сгоревшее старое строение собора – В, сгоревшая каменная колокольня с часами, которую было решено восстановить, – С, строящаяся каменная немецкая Екатерининская церковь – Е, финская церковь – F, генерал-губернаторский дом – Н, место, назначенное для строения Главного народного училища – L, место для Гостиного двора – N, место для дома городского общества – О, таможенный дом – а, почтовый дом – b, дом городского магистрата – с, место, назначенное для строений греко-российскому духовенству – d и т. д.

В этом же деле находится черно-белая печатная копия «План губернского городу Выборгу» [1], ориентированный на северо-восток. На плане имеется запись о том, что императрица Екатерина II на подлинном чертеже поставила высочайшую резолюцию: «Быть по сему. 14 августа 1794 г. в Санкт-Петербурге». В описании имеются также расшифрованные буквенные и цифровые обозначения, так дома для артиллерийских штабс- и обер-офицеров с цейхгаузами и конюшнями обозначены буквой – С, пороховые погреба – D, кордегардия и гауптвахты – Е, артиллерийский пушечный двор с казармами – F, Шлосская крепость – II, Кронсанктаннская крепость – III, Выборгское предместье – IV, Козья слобода – S, Новая слобода – T и т. д. На карте четко отмечены дороги в Санкт-Петербург, Вильманstrand, Кексгольм, Нейшлот и на Березовые острова.

В этом же фонде хранится, возможно, более поздний «План губернского и приморского с портами города Выборга с его предместьями. Сочиненный в 1802 г.» [2, л. 1]. Он был отреставрирован, но имеет повреждения в изъяснениях, поэтому текст восстановить полностью не удастся, не указан и архитектор. На плане изображена художественная компасная картушка, ориентированная на северо-восток. Каменные строения здесь обозначены красной, а деревянные – желтой краской, тушью выделены оставшиеся после «бывшего в 1793 г. пожара» фундаменты и развалины.

Несомненный интерес представляет также «План губернского города Выборга с его предместьями. 1809 г.» [3, л. 1]. К этому времени «город выстроен по Высочайше конфирмованному плану». В отличие от вышеназванных планов, этот план ориентирован на северо-запад и «кроме одной поперечной улицы, во всех частях сходствует оная улица для лучшего рассмотрения Кармином вытянута». После восстановления начался новый

этап жизни города, количество городских строений резко возросло, границы города расширились.

Сохранился план Выборгской губернии без указания точной даты составления и фамилии архитектора, предположительно относящийся к началу XIX в. На плане имеется описание предместий г. Выборга, изображена художественная компасная картушка, ориентированная на северо-восток, и в описании расшифрованы цифровые обозначения: коса, на которой построены деревянные строения обывателей (1), каменные пороховые погреба (2), каменный запасный магазин (3), каменный провиантский магазин (4), каменная казарма (5), деревянные провиантские магазины (6), инженерный деловой двор (8), офицерские гарнизонные квартиры (9), острог невольников (11), колодцы (12), оспенный дом (14), полковые дворы (15), пивоварня (16), огороды (17) и т. д. [4, л. 1].

Следует отметить, что в данном фонде также хранятся и другие карты Выборгской губернии и уезда, однако, сам г. Выборг изображен на них условно и схематически, линиями обозначена конфигурация Выборгской крепости, показаны центральные улицы и главные здания города.

Среди этих карт следует выделить: план Выборгского уезда без указания фамилии архитектора и даты написания, предположительно созданный в начале XIX в., с разделением на кирхшпили [5, л. 1], коммуникационную карту Финляндской губернии, составленную в 1809 г., с обозначением проходов по Финскому заливу [6, л. 1], и почтовую карту Финляндской губернии, составленную в начале XIX в. [7, л.1].

На почтовой карте Финляндской губернии красной тушью отмечены летние почтовые станции, и имеются сведения о том, что в г. Выборге, для почтовых целей постоянно содержалось 11 почтовых и 9 курьерских лошадей. На карте есть также описание «большим трактам и почтовым станциям Финляндии», в том числе и г. Выборга. Изображена масштабная линейка, масштаб указан в верстах, показано расстояние между городами, имеется описание государственного тракта и местных дорог.

К началу XX века относится, хранящиеся в этом же фонде, печатная карта железнодорожных, водяных и шоссейных сообщений Финляндии, составленная в 1902 г., с условным обозначением расположения г. Выборга и губернии [8, л. 1].

Еще один детальный план г. Выборга начала XIX в., составленный И. Брокманом [9, л. 1], хранится в фонде «Коллекции планов и чертежей министерства императорского двора» (Ф. 485).

Этот план городской части г. Выборга сходен с планом И. Брокмана из фонда «Техническо-строительного комитета МВД» (Ф. 1293. Оп. 168.

Финляндия. Д. 7), но является более подробным и масштабным. На нем изображена территория Выборгского замка и Крон-Санкт-Анненская крепость. Количество отстроенных после пожара 1793 г. городских строений на нем больше – это дает возможность с уверенностью утверждать, что данный план – более поздняя работа И. Брокмана.

Зеленой краской на плане изображены крепостные и городские стены, красной – каменные строения, серой – фундаменты сгоревших домов, желтой – деревянные строения. На нем нет изображения компасной картушки, хотя видно, что план ориентирован на северо-восток.

Наиболее ранние карты Выборгской губернии (наместничества) хранятся в фонде «Коллекции карт, планов и чертежей Петербургского сенатского архива» (Ф. 1399).

Эта архивная коллекция была создана из графических материалов Межевого департамента и других департаментов Сената, Собственной е.и.в. канцелярии, Канцелярии генерал-прокурора Сената и была сформирована путем изъятия из дел, приложенных к ним графических материалов: планов, карт и чертежей. Хранящиеся до этого вместе и тесно связанные между собой целостностью темы документальные материалы были физически разделены. Многие картографические документы сохранили обозначения с указанием годов и номеров дел тех учреждений, в которых они были созданы. Но большая часть находящихся в коллекции материалов, к сожалению, навсегда утратила связь с документами и не имеет никаких помет, указывающих на их происхождение [10, с. 144].

Среди картографического материала XVIII века, хранящегося в этой коллекции, следует отметить две крупномасштабные рукописные карты: «Ландкарта Выборгской губернии», составленная лейтенантом флота Иваном Йохенсеном в 1756 г., к которой приложена расшифровка буквенных обозначений и содержащая сведения о расположении российских церквей, мыз, деревень, пильных и мучных мельниц [11, л. 1]; «Специальная карта Российской и Шведской Финляндии 1769 г.», на которой отмечены существовавшие в то время крепости, в том числе Выборгская, а также мызы и деревни. Специальная карта подробно показывает приграничную территорию и границу между двумя государствами – Швецией и Россией в середине XVIII в. [12, л. 1].

В двух экземплярах сохранилась карта Выборгского наместничества, с обозначением г. Выборга, сочиненная А.М. Вильбрехтом в 1792 г. для «Российского атласа, из сорока четырех карт состоящего и на сорок два наместничества империю разделяющего» [13, д. 5, л. 5; д. 7, л. 6]. Этот широкоформатный настольный атлас являлся вторым после академического атла-

са 1745 г. официальным атласом Российской империи и был создан для того, чтобы показать административное переустройство империи после проведения губернской реформы императрицей Екатериной II. Его создание стало значимым этапом в развитии отечественной картографии.

На карте Выборгского наместничества имеются подписи: в левом нижнем углу – «Соч: А. Вильбрехт», в правом нижнем углу гравер – «Выр: А. Савинков», внизу картуша подпись – «Г.И. Колпаков». Наместничество было разделено на шесть уездов. На карте обозначены населенные пункты и города: Выборг, Фридрихсгам, Вильманstrand, Нейшлот, Кексгольм, Сердоболь, а также Финский залив, озера, реки, остров Валаам и смежные острова. Вдоль побережья Ладожского озера на юге и юго-востоке показан Ладожский канал.

Левый верхний угол карты украшен гравированным аллегорическим картушем с гербом наместничества. В то время картуши показывали в символической форме ту роль территорий наместничеств, которую они играли в политической, экономической и культурной жизни Российской империи. Картуш Выборгского наместничества показывает его экономическую сферу деятельности: производство дегтя (изображено несколько конусообразных бочек) и разработка залежей строительного камня. Также изображены кадуцей, утес и корабли.

К концу XVIII века относится подробный «План Выборгской, Шлотской и Крон-Санкт-Анненской крепостей», сочиненный в 1798 г. инженер подполковником Федором <Бохлиным>, с показанием фортификационных сооружений. На плане в описании имеется буквенная расшифровка обозначений, и детально показано расположение вновь выстроенных каменных двухэтажных строений «для жительства Врангелева гарнизонного полка штабс- и обер-офицеров и нижних чинов», обозначенных «проектной краской», и расположение ветхих деревянных строений, выделенных пунктиром и покрытых тушью. На плане имеется изображение компасной картушки, план ориентирован на северо-восток [14, л. 4].

К первой четверти XIX века из указанной Коллекции относятся «Карта особых угодий г. Выборга за 1804 г.» [15, л. 1] и «Гидрографическая карта Российской империи», с указанием округов путей сообщения за 1825 г., с обозначением г. Выборга и губернии [16, л. 1].

Сохранились карты Выборгской губернии, с условным обозначением конфигурации г. Выборга, и в фонде «Главного управления уделов» (Ф. 515). Следует отметить «Карту Выборгской губернии, с показанием удельных селений», составленную землемером Федором Корбелецким в 1770 г. Она интересна тем, что на ней обозначены кирхшпили и приходы Удель-

ного приказа в г. Выборге. На карте указано, что в Выборгском кирхшпиле в то время располагалось 3 удельных селения с «удобной землей» в количестве 1102 дес. 88 саж., «неудобной» – 847 дес. 2146 саж., с крестьянами – 60 м. п. и 58 ж. п. [17, л. 1].

Сохранилась и географическая «Карта Выборгской губернии», сочиненная в 1797 г., без указания автора, на которой обозначена крепость г. Выборга, форты, редуты, православные и лютеранские церкви [18, л. 1].

Обе эти карты были приняты на хранение в архив Департамента уделов и внесены в опись с особым примечанием: «Ведомость планам и картам, Уделу не принадлежащим. Определением Департамента, состоявшегося 23 марта 1870 г., постановлено хранить вечно» [19, л. 455].

В фонде «Главного управления почт и телеграфов» (Ф. 1289) сохранились печатные планы г. Выборга, с указанием направления телеграфной линии за 1839 г. [20, л. 1, 2].

В фонде «Коллекции планов и чертежей водных и шоссейных дорог» (Ф. 1487) сохранилась «Карта почтовых и всех проселочных дорог Финляндской губернии», составленная в 1810 г., автор которой не известен [21, л. 1].

В документальных материалах этого фонда сохранились и другие карты со схематическим изображением г. Выборга, среди них: карты городов Финляндии [22], составленные в конце XVIII века, и несколько гидрографических карт начала XIX века [23].

Аналогичные материалы имеются в коллекциях фондов «Карты, планы и чертежи учреждений, ведавших промышленностью и торговлей» (Ф. 1424) и «Планы и чертежи по строительству железных дорог в России» (Ф. 350).

В фонде «Карты, планы и чертежи учреждений, ведавших промышленностью и торговлей» сохранилась часть печатной карты, показывающая территорию Финляндии в 1913 г., на которой условно обозначен г. Выборг и губерния [24, л. 2].

«Коллекция планов и чертежей по строительству железных дорог в России» (Ф. 350) содержит документальные материалы чертежной, образованной при Департаменте железных дорог в 1842 г. Документальные материалы чертежной в состав архива были переданы вместе с материалами МПС. Коллекция включает также графические материалы управлений по сооружению отдельных ж. д., правлений казенных и частных ж. д. [25, с. 119]. Отдельная опись этого фонда № 54 включает в себя материалы, как строительства Соединительной железной дороги между финляндскими и российскими ж. д. в начале XX в., так и главной линии финляндских ж. д. Петербург-Гельсингфорс.

Железная дорога Петербург-Гельсингфорс строилась в 1868–1871 гг. и состояла в ведении самостоятельного управления Финляндских ж. д. в г. Гельсингфорсе, поэтому планы и чертежи по сооружению этой железной дороги, хранящиеся в данном фонде, в основном связаны с более поздним строительством соединительной линии между финляндскими и русскими железными дорогами, и их количество очень незначительно.

Среди указанных материалов следует выделить карту отчуждаемых земельных участков для Финляндских ж. д. [26, л. 1, 2, 3] и печатную карту направления линии Финляндских ж. д., с указанием направления грузового сообщения с Петербургом в случае постройки дороги Хитола-Петербург и Ювяскюля-Пиексямяки-Нейшлот [27, л. 1].

На последней красным цветом обозначены участки, по которым грузовое сообщение с Петербургом должно было пройти по линии Хитола-Петербург, синим цветом обозначены участки, по которым грузовое сообщение с Петербургом шло по линии Выборг-Петербург, пунктиром обозначены линии, строящиеся или проектируемые.

Подводя итог данного обзора, следует отметить, что вышеперечисленный картографический материал г. Выборга, хранящийся в РГИА, является редким и уникальным комплексом документов. Эти документы позволяют подробно выявить особенности исторической и социально-экономической географии г. Выборга и Выборгской губернии в XVIII – нач. XX вв. и представляют интерес не только для наших исследователей-оотечественников, изучающих историю Северо-Западного региона России, но и для зарубежных исследователей, в особенности из Финляндии [28]. Многовековые тесные экономические, научные и культурные связи создали общую историю, интерес к которой увеличивается с каждым годом.

Список источников и литературы:

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 168. Финляндия. Д. 7. Л. 1, 2. В 2012 г. документы фонда Техническо-строительного комитета МВД были отсканированы для Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина.
2. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 18.
3. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 12.
4. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 6.
5. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4.
6. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 1 б.
7. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 2.
8. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 3.
9. РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 362.

10. Российский государственный исторический архив: Путеводитель: В 4 т. 2-е издание, дополненное и исправленное: Фонды высших государственных учреждений. СПб.: «Лики России», 2012. Т. 1.

11. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 52.

12. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 229.

13. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 5. Л. 5; Д. 7.

14. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 327.

15. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 230.

16. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 8.

17. РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 2568.

18. РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 2567.

19. РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 2567.

20. РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 444.

21. РГИА. Ф. 1487. Оп. 44. Д. 29.

22. РГИА. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 68, 69.

23. РГИА. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 263, 264.

24. РГИА. Ф. 1424. Оп. 6. Д. 68.

25. Российский государственный исторический архив: Путеводитель: В 4 т. 2-е издание, дополненное и исправленное. Фонды общественных и частных учреждений и организаций. СПб.: Лики России, 2012. Т. 3.

26. РГИА. Ф. 350. Оп. 54. Д. 269.

27. РГИА. Ф. 350. Оп. 54. Д. 270.

28. См.: Meanings of an Urban Space. Understanding the historical layers of Vyborg / Ed. K.Katajala. – Mittel und Ostmitteleuropastudien: «LIT Verlag». – 2016. Bd.12.

Богданова Татьяна Васильевна – главный специалист, Российский государственный исторический архив, taitiana@yandex.ru

Bogdanova T. V. Russian State Historical Archive

MAPS AND PLANS OF THE CITY OF VYBORG AND VYBORGIAN GOVERNMENT OF THE SECOND HALF OF THE XVIII THE BEGINNING OF THE XX IN THE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE.

Abstract: In this article, the author has examined in detail and analyzed the cartographic materials of Vyborg and Vyborg Gubernia, stored in the Russian State Historical Archive. Particular attention is paid to handwritten maps, thanks to which it is possible to determine the features of the periodization of the urban infrastructure development in Vyborg in the specified period. A comparative description of Vyborg's plans, created at the same time, is given. The funds and collections of the archive are listed, in which the cartographic material is stored in the largest quantity.

Keywords: Vyborg, Vyborg gubernia, maps, plans.

ОСОБЕННОСТИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ г. ВЫБОРГА В 1980–1991 гг.*

Е. В. Петров (СПбГУ),
Т. С. Криницина (СПбГУ)

Аннотация: в статье рассматриваются основные черты проектно-планировочной деятельности советских архитекторов при создании генплана города 1986 года. В ней анализируются общие положения генплана, которые по мысли его создателей должны были предать будущим чертам городского развития глобальный характер свойственный «интернациональным столицам». Авторы приходят к выводам о том, что в силу ведомственных противоречий и общих сложностей перестроечного периода архитектурно-пространственная композиция Выборга, ассоциирующаяся со столичным статусом города, утратила свою актуальность в советское время.

Ключевые слова: проект зон охраны архитектурных памятников, институт Спецпроектреставрация, архитектурно-пространственная композиция Выборга, институт Ленгражданпроект, архитектурное наследие Выборга.

Ранние страницы Выборгской градостроительной истории достаточно обстоятельно изучены зарубежными и отечественными специалистами, в отличие от советского периода и времени перехода к российскому генплану. Наименее исследованным остаётся рубеж 1990 гг., когда выборгские архитекторы стремились предать будущим чертам городского развития глобальный характер свойственный «интернациональным столицам». В качестве главного источника для характеристики проектно-планировочных работ в данном случае выступает генеральный план города Выборга 1986 года, как основополагающий документ градостроительной жизни, свидетельствующий о концептуальном понимании и стремления архитекторов развивать территорию в качестве интернационального мегаполиса. Генеральный план города Выборга был разработан Выборгский филиалом института «Ленгражданпроект» (бывший «Ленгипрогор») в 1985 году по заказу Архитектурно-планировочного управления Ленин-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 17-31-00024 а1 «Градостроительное развитие города Выборга в советский период (1944–1991 гг.)».

градского областного исполкома на двадцатилетний период, то есть, до 2005 года [2, л. 4]. Главными архитекторами проекта являлись Д.П. Фридлянд [4, с. 90-91] и Н.А. Ли [3].

Развитие города, согласно плану, должно было происходить, главным образом, за счет роста существующего промышленного комплекса и других градообразующих элементов. Новое промышленное строительство проектом было предусмотрено только за счет увеличения домостроительного комбината. Экономическое значение Выборга, по-прежнему, определялось развитой промышленностью, работающей в продолжение и дополнение промышленности Ленинграда. Важное значение имела транспортная инфраструктура города: морской торговый порт и Сайменский канал, крупного железнодорожный узел. Особое внимание уделялось и развивающейся санаторно-курортной зоны Северо-запада страны.

Проектная численность населения города на конец расчетного срока предусматривалась в 100 тыс. человек, против 80 тыс. чел в 1985 г., то есть рост за 20 лет должен был составить 20 тыс. человек [2, л. 3]. Немаловажно, что проектом предусматривалось упорядочение городской черты. По плану 1986 года в городские территории были включены фермерские земли на юге, земли Гослесфонда на востоке и акватория Выборгского залива с близлежащими островами на западе. Общая площадь городских земель, с учетом акватории, увеличивалась с 8,298 га до 11,508 га. Согласно плану, жилой фонд города к концу расчетного срока должен был увеличиться в 1,6 раза против существующего и достигнуть 20,1 м² на человека. Проектом был предусмотрен резерв жилых территорий для увеличения нормы жилой обеспеченности до 23 м²/чел.

Для строительства в городе было принято следующее основное соотношение жилых домов по этажности: 65% – 5-этажные дома, 35% – 9-этажные дома. Основной вид застройки – крупнопанельное домостроение [2, л. 4]. Малоэтажная индивидуальная застройка планировалась в пос. им. Кирова и пос. им. Калинина, кроме этого предусматривалась возможность малоэтажной застройки в северных поселках (Северный, Гвардейский, Выборгский, Петровский) вдоль международной трассы. Среди поселков развитию подлежал только пос. им. Калинина (предполагаемое увеличение численности населения – до 4,0 тыс. человек). Поселки Северный и Выборгский, Гвардейский и Петровский в пределах расчетного срока развитию не подлежали (кроме организации застройки и благоустройства вдоль международной автотрассы).

В основу генерального плана была заложена следующая планировочная структура:

- 1) Развитие трех основных жилых районов (I, II, III) с городским центром; трех жилых образований в поселках им. Калинина, им. Кирова и «Кировские дачи», имеющих сравнительно небольшое развитие; группы не подлежащих развитию на расчетный период северных поселков (Петровский, Гвардейский, Северный, Выборгский);
- 2) Развитие пяти основных производственных зон, включающих коммунально-складские предприятия;
- 3) Развитие системы зеленых насаждений общего пользования, включая парки и лесопарки для организации отдыха населения;
- 4) Развитие транспортной инфраструктуры: системы внешних железнодорожных, автомобильных, водных транспортных и пассажирских направлений и организации внутригородской системы транспортного обслуживания [2, л. 13].

Говоря о территориальном межевании, важно обратить внимание на функциональное определение жилых территорий Выборга. Так, II планировочный район, располагающийся на территории от Батарейной горы на северо-западе до железнодорожной промышленной ветки – на юге и, ограниченный с востока и запада территориями производственных зон, являлся районом массовой застройки. Жилищное строительство представляло собой крупнопанельную 5–9-этажную застройку [2, л. 14–15]. Непосредственная близость района к культурно-историческому центру города, а также концентрация жилых строений обуславливали развитие II планировочного района как общественно-торгового центра.

Также генеральным планом предполагалось создание III планировочного района (Приморского). Создание его планировалось на территории мыса Бобрового, в юго-западной части города, в районе акватории Выборгского залива и бухты Закрытой на свободной от застройки территории. Создание Приморского района решало основную градостроительную задачу – выход города к воде и формированием силуэта города со стороны Выборгского залива и бухты. На берегу залива предусматривалось создание парка, организация морского причала и водно-спортивных сооружений [2, л. 15]. Таким образом, Приморский район должен был выполнять функции рекреационной зоны и служить центром отдыха выборжан и гостей города.

Особый интерес среди городских зон представляет I-й планировочный район, который располагался на территории старого Выборга: от замка-крепости на севере до Батарейной горы на юге. Данный район был вычленен в генеральном плане 1963 года как территория на которой предполагались, преимущественно, консервационные и реставрационные работы. За-

стройка в этом районе была ограничена в предшествующий период по инициативе главного архитектора В.Е. Щербакова. В рассматриваемый период, по-прежнему имелись ограничения для развертывания строительства на отдельных участках, которые попадали в зону ограничений и регулирования из-за непосредственной близости от памятников культуры и истории Выборга. Все еще остававшиеся в этом планировочном районе «вредные» предприятия предполагались к переносу и передислокации в промышленные зоны [2, л. 14]. Основной целью подобного переноса было оздоровление городской застройки, улучшения условий проживания и создания условий для дальнейшего развития производственных и коммунальных предприятий [2, л. 6-7]. Важно отметить, что передислокация предприятий, начатая еще в 1960-е, активно продолжалась в 1980–1990-е годы.

По мысли авторов проекта, I планировочный район должен был выполнять функцию культурно-исторического центра города – он представлял собой градостроительное и историко-культурное ядро города Выборга. Именно на территории этого района находится исторический центр – старый город, а вместе с ним – памятники истории и архитектуры. Важно, что зона регулирования застройки согласно плану была определена с учетом предпроектных предложений охранных зон города, отдельных памятников архитектуры, истории и их комплексов и проходила: с юга – по ул. Данилова – Физкультурная – Сборная – Куйбышева до железнодорожного полотна, с севера – по территории поселков, располагаемых на острове Твердыш. В природно-культурном аспекте в г. Выборге были отмечены территории и участки ценного городского ландшафта. Это исторические парки, скверы, бульвары, охранные зоны памятников культуры и истории, ландшафтно-видовые участки (парк Монрепо, парк им. Ленина, скверы вдоль Суворовского проспекта, Садовой улицы, бульвара Кутузова, набережные), являющиеся рекреационными зонами в среде плотной городской застройки. Парк Монрепо превращался в музей-заповедник [2, л. 16].

В исторической части города сохранилось и было воссоздано каменное мощение, отнесенное к ландшафту городской ценности, придающее индивидуальный исторический колорит улицам и площадям старого Выборга. Всего в городе было выделено 27 исторических комплекса двух категорий ценности. В первую категорию вошли территории возникновения города, относящиеся к периоду XIII–XVIII вв. (Выборгский замок – крепость – каменный город – Рогатая крепость). Ко второй категории относятся территории Аннинский укреплений и Петербургского форштадта как последующий период развития города XVIII–XIX вв. Включение охранных зон в качестве предпроектных предложений в текст генплана по сути своей

закрепляло градозащитные инициативы по сохранению архитектурного наследия Выборга.

Выполнение работы по созданию предпроектных предложений в начале 1980-х годов было поручено научно-исследовательскому институту «Спецпроектреставрация» (Ленинградскому филиалу). Руководителями проекта стали архитектор Галина Попова и искусствовед Михаил Мильчик. Усилиями специалистов была проделана колоссальная работа по выявлению, описанию и каталогизации объектов архитектурного наследия. Последующим шагом в данном направлении должно было стать создание полномасштабного проекта зон охраны, однако эта работа требовала полномасштабных градостроительных исследований. На протяжении продолжительного времени, институт выполнял обследования всех исторических построек Старого и Нового города, а также городских поселков. Помимо исторической паспортизации (составления отдельной анкеты на каждый памятник), важной составляющей исследования стали историческая справка о развитии градостроительной системы и анализ планировочной структуры города [6, р. 90]. В качестве главных задач данной работы М.И. Мильчик выделял следующие:

- «Определение границ города на каждом этапе его развития;
- Выявление присущей каждому этапу планировочной структуры;
- Нахождение местоположения административно-религиозных и торговых центров на каждом этапе развития как важнейших градообразующих факторов;
- Определение системы вертикальных доминант для каждого этапа;
- Выявление черт преемственности, нахождение традиционных элементов объемно-планировочной структуры города на каждом этапе;
- Фиксация сохранившихся от каждого этапа элементов планировочной структуры с изменившейся в них масштабной соотносительностью и ролью доминант» [6, р. 92].

На основе проведенных исследований были разработаны историко-архитектурный и историко-градостроительный планы, которые являлись обоснованием для проекта зон охраны памятников истории и культуры г. Выборга. Создание проекта пришлось на первую половину 1990-х годов. Как отмечает М.И. Мильчик, официального утверждения документ не получил, хотя «городская администрация и Департамент по охране памятников Ленинградской области успешно работали с этим проектом на протяжении около 10 лет, с середины 1990-х до середины 2000-х гг.» [6, р. 92].

В рамках работ по сохранению архитектурного наследия города важно упомянуть о работах и планах в области развития улиц и магистралей.

В генеральном плане было заложено формирование двух крупных магистралей, задачей которых было разгрузить и избавить исторический центр города от транзитного городского движения. Эти магистрали получили названия Большого и Малого обходов, так как позволяли миновать исторический центр города на пути с Ленинградского шоссе (южной части города) в направлении к государственной границе с Финляндией [2, л. 16].

Реализация генерального плана города Выборга 1986 года совпала с периодом глобальных перемен в жизни советского общества. В данных условиях говорить об устойчивом развитии не приходилось, а тем более о претворении градостроительных замыслов в жизнь. Масштабные работы, которые были запланированы в рамках нового генплана города, не могли быть реализованы без существенных финансовых средств. На фоне остродефицитного бюджета страны в тот период вполне логичной выглядела идея создания в Выборге свободной экономической зоны.

Город располагался в непосредственной близости от государственной границы с Финляндией и на протяжении всего советского периода оставался важным транспортным узлом. В качестве трансграничной территории он обладал существенными преимуществами. Идея развития свободных экономических зон является отдельным предметом для изучения. Реализация подобных проектов, затрагивала многие аспекты экономической жизни территории, где такая зона создавалась. Ещё важнее понять каким образом она отражалась на пространственном развитии города. В одной из своих работ Д.П. Фридлянд констатировал, идея создания свободной экономической зоны и попытка ее реализации породили несколько проектных предложений возможного развития города: с русской и финской сторон.

В 1989 году по заказу ПСО «Леноблстрой» в составе предложений по созданию особой экономической зоны в Выборге Д.П. Фридляндом была разработана «Схема планировки и потенциального развития города Выборга», которая выработала «предельно допустимые возможности дальнейшего развития всех функциональных зон города с формированием жилой зоны, рассчитанной на население 250-300 тыс. жителей» [5, с. 689]. Проект предполагал расширение городской территории путем включения множества окружающих город поселков (Селезнево, Харитоново, Кравцово, Соколинское, Верхне-Черкасово и др.). Согласно проекту, формировались «перспективные территории производственного назначения, позволяющие разместить практически любые предприятия, допустимые по санитарным требованиям, на участках между существующими промзонами» [5, с. 693].

Одновременно была разработана аналогичная работа финскими специалистами архитектурного бюро «Касагранде и Харома» при сотрудничестве с советскими проектировщиками, где были учтены градостроительные предложения, разработанные в вышеупомянутом проекте. Тем не менее, проект свободной экономической зоны в Выборге остался нереализованным. В общих работах, посвященных данной проблематике, описывается широкий спектр проблем, с которыми столкнулись власти при реализации подобных проектов: начиная от недостаточности и противоречивости нормативно-правовой базы, заканчивая попытками реализации подобных идей на $2/3$ территории новой России. Как пишет Д.П. Фридлянд, в случае Выборга, «реальным результатом проделанной работы было утверждение необходимости выноса транзитного автотранспорта за пределы города и определения трассы объездной автомагистрали, а также определение территории для крупных предприятий автомобилестроения и других объектов» [5, с. 694-695]. Безусловно, свободная экономическая зона была чрезвычайно трудным для реализации, амбициозным проектом, который в условиях политической и экономической нестабильности конца 1980-х-начала 1990-х не мог быть реализован должным образом. Реальным ее достижением стал вынос транзитного автотранспорта за пределы исторического центра города с помощью создания трасс Большого и Малого обходов.

Таким образом, позднему типу советской архитектурно-планировочной застройки Выборга были свойственны следующие черты. Наиболее ощутимые изменения архитектурно-планировочной структуры город связаны с территориальным ростом, в связи с образованием новых промышленных предприятий и прилегающих к ним селитебных районов. Территориальное разрастание города, которое шло за счет поглощения пригородных поселений, форштадтов и деревень, с утратой строгости характерной для традиционной планировки. Стилистическое оформление силуэта города окончательно дистанцировалась от ретроспективы предыдущих эпох. Высотные элементы храмов, фиксирующие центр и основные композиционные оси были утрачены. В результате, исторически центр был лишен пространственной целостности и визуального обозначения. Не смотря на то, что усилиями института "Спецпроектреставрация" (Ленинградский филиал) была проведена колоссальная работа по инвентаризации архитектурного наследия, проект зон охраны Выборга, так и не был официально утвержден. Архитектурно-пространственная композиция Выборга, ассоциирующаяся со столичным статусом города, была утрачена в советское время.

Список источников и литературы

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 17-31-00024 а1 «Градостроительное развитие города Выборга в советский период (1944-1991 гг.)».
2. Генеральный план г. Выборга. Основные положения проекта. Пояснительная записка. Том 1. 1986 г.
3. Ли Н.А. – советский и российский архитектор, градозащитник, одна из создателей генерального плана города Выборга 1986 г., в 1980-е – 1990-е годы занимала должность главного архитектора города, а позднее – один из инспекторов по охране памятников Выборгского района Ленинградской области.
4. Фридлянд Д.П. – советский и российский архитектор, один из создателей генерального плана города Выборга 1986 г., долгое время был главным архитектором города. Окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Более 20 лет руководил одной из архитектурных мастерских выборгского филиала института «Ленгражданпроект». См.: Кепп Е.Е. Выборг: художественные достопримечательности. Выборг: Фантакт, 1992.
5. Фридлянд Д.П. Застройка Выборга второй половины XX в. // Страницы Выборгской истории. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 683-702.
6. Miltchik M., Pyatnitskaya T. The Project for Protection Zones in Vyborg – Strengths and Weaknesses // Common Heritage: The Multicultural heritage of Vyborg and its preservation. Proceeding of international seminar 13-14.02.2014 at The Alvar Aalto library in Vyborg. Helsinki, 2015.

Сведения об авторах:

Петров Евгений Вадимович – доктор исторических наук, профессор кафедры Источниковедения истории России, института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Креницына Таисия Сергеевна – магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Petrov E.V., Krinitsyna T.S. (Saint-Petersburg State University)

Main Features of Vyborg's town-planning development in 1980-1991

Annotation: in article the main lines of design and planning activity of the Soviet architects are considered during creation of the Master plan of Vyborg in 1986. It examines the general provisions of Master plan, which, in the minds of its creators, were to give the future features of urban development a global character peculiar to the "international capitals". Authors come to conclusions that owing to departmental contradictions and the general difficulties of the Perestroika the architectural and spatial composition of Vyborg which is associated with the capital status of the city has lost in Soviet period.

Key words: protection of architectural monuments, Spetsproektrestavratsiya, architectural and spatial composition of Vyborg, Lengrazhdanproekt, architectural heritage of Vyborg.

ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДОВ БЫВШЕЙ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. С. Манюк

(Калининградский областной историко-художественный музей)

Аннотация: предпринята попытка охарактеризовать послевоенные социально-политические условия в бывших городах Восточной Пруссии – Калининграде и Клайпеде, после войны вошедших в состав разных советских республик, повлиявшие на их градостроительное развитие в 1945 – 1950-е гг.

Ключевые слова: Калининград, Кёнигсберг, Клайпеда, Мемель, Восточная Пруссия, восстановление, градостроительство, генплан.

Для верного понимания градостроительного развития трансграничных территорий необходимо учитывать историческую обстановку, в которой оно происходит. Градостроительство отражает результаты различных сторон жизни общества. Говорят, что архитектура – это зеркало экономики. В первую очередь на развитие экономики, как и архитектуры, влияют власть и общество. Поэтому для выявления причин тех или иных градостроительных процессов важно ориентироваться в социально-политической ситуации, которая складывалась на бывших немецких территориях в послевоенное время.

С первых дней новой истории бывшим немецким городам был определён разный путь. Руководство Литовской ССР еще в октябре 1944 г. до окончания боевых действий определило представителей будущей гражданской власти Мемеля. Важным мероприятием при вхождении в государство новых территорий является смена названий. Переименование символически закрепляет политическую принадлежность, вселяет в жителей чувство безопасности, ощущение пребывания на своей земле. После штурма город во всех официальных документах был переименован в Клайпеду. Присоединение к СССР позиционировалось как «окончательное соединение литовских земель».

Характерной особенностью Кёнигсберга и прилегающего к нему района являлось то, что в административном порядке он до апреля 1946 г. территориально не входил в состав ни одной из советских республик и сохранял прежнее название до июля 1946 г. Неопределённость его судьбы

создавала ощущение временной оккупации, как у остававшегося немецкого населения, так и у советских военнослужащих и первых переселенцев. Деятельность советских гражданских органов управления в Калининграде началась позже, чем в Клайпеде, из-за чего, как отметил в своём письме И.В. Сталину от 28 мая 1947 г. секретарь калининградского обкома П.А. Иванов, «министерства и ведомства рассматривали её как оккупированный район» [цит. по: 2, с. 253].

Таким образом, с самого начала развитие Клайпеды и Калининграда было обусловлено разным восприятием этих новых советских территорий – как «возвращённой земли» и как «трофея». С другой стороны, оба города оказались «закрытыми», а проживавшие на приграничных территориях жители попали в категорию «режимных людей»*.

Перед правительством встала задача восстановления городов, подвергшихся значительным разрушениям во время войны. По информации Народного комиссариата внутренних дел Литовской ССР (сентябрь 1945 г.) разрушения в Мемеле составили 65 – 70 % [18, F. R-754. Ap. 13. V. 35. L. 117]. Было уничтожено 60 % промышленных предприятий, 50 % зданий культурного назначения [15, p. 142].

В Кёнигсберге особенно сильно пострадал исторический центр в пределах вального кольца, где преобладала деревянная застройка, он был разрушен на 70 – 75 % [7, с. 24], окраины пострадали в среднем на 60 % [5, с. 3]. Уничтожению подверглось 40 % заводов и фабрик [10, с. 447]. Серьёзный урон ряду стратегических объектов нанесли отступавшие немецкие войска, руководство которых знало, что города могут перейти к СССР (о желании получить незамерзающие порты на Балтийском море Кёнигсберг и Мемель И.В. Сталин высказался на Тегеранской конференции в 1943 г. [3, с. 20]).

В связи с необходимостью восстановления разрушенных городов и окончательного «закрепления» присоединённых территорий за СССР встала проблема их заселения. Спешная эвакуация вглубь Германии населения Кёнигсберга и Мемеля началась летом – осенью 1944 г., когда Красная армия вступила на территорию Литвы и стала быстро продвигаться к границе с Восточной Пруссией. При этом если в Кёнигсберге по окончании штурма оставалось около 7 % довоенного населения* (26 – 27

* С весны 1945 г. по весну 1946 г. властные полномочия на присоединённых территориях исполняли чрезвычайные органы власти. 9 июля 1945 г. в северной части Восточной Пруссии был сформирован Особый военный округ, который 29 января 1946 г. вошел в Прибалтийский военный округ.

тыс. человек вместо 372 тыс. в 1939 г. [4, с. 161]), то в Мемеле практически не было местных жителей [22, с. 123].

Благодаря государственной политике переселения, к началу 1950-х гг. в Калининграде проживало около 200 тыс. человек [12, Ф. 9510. Оп. 3. Д. 70. Л. 3]. В послевоенное пятилетие рост населения в Клайпеде был одним из крупнейших в Литве. По данным литовских исследователей в мае 1945 г. в городе проживало около 500 человек [22, с. 122], а к июлю 1946 г. уже насчитывалось до 30 тыс. жителей [16, F. 104. Ap. 1. B. 3. L. 42]. Клайпеда стала третьим по величине городом республики, в 1950 г. в ней проживало 48,5 тыс. человек.

Более 70 % гражданского населения Калининграда являлись выходцами из российских областей, в том числе подвергшихся оккупации [6]. Согласно имеющимся данным, в 1947 – 1950 гг. крестьяне составляли 40 % от общего количества переселенцев в города области [2, с. 130]. В Клайпеду напротив, как правило, из российских регионов направляли квалифицированных специалистов для работы на возрождавшихся предприятиях [13, с. 174; 22, р. 129]. По данным литовских ученых, к началу 1950-х гг. по национальному составу Клайпеда была русским городом (65 – 75 % населения) [14, с. 60]. В обоих городах преобладали трудоспособные возрастные группы (от 18 до 59 лет).

При смене населения региона неизбежны национальные конфликты. В Клайпеде нередко возникали разногласия между вернувшимися коренными жителями (т. н. «прусскими литовцами»*) и занявшими их дома переселенцами [14, с. 52; 19, с. 91; 20, р. 89]. Некоторые из новосёлов считали вернувшихся жителей «фашистами» [21, с. 126]. Репатриантов неохотно принимали на работу. В свою очередь оставшиеся в крае коренные жители с враждебностью встречали переселенцев [14, с. 53-55]. Ситуацию обостряло то, что советская власть испытывала подозрение к лицам, вернувшимся с Запада. Многие из них были депортированы*. Кроме того, литовцы выражали недовольство «засильем» русского населения.

В Калининграде специфика отношений переселенцев и коренного немецкого населения имела несколько иной характер. Д-р ист. наук Ю.В. Костяшов проанализировал материалы интервью около 300 переселенцев и пришёл к выводу: 60 % опрошенных обозначали отношение к немцам как нейтральное [17, с. 168]. Хотя имели место случаи враждебно-

* По мнению разных литовских исследователей, в 1945 – 1950 гг. в Клайпеду вернулось от 6000 до 8000 репатриантов из Германии (прежде всего из советской оккупационной зоны).

сти, преступных действий [1, с. 185–189, 211]. Некоторые переселенцы боялись встречи с немецким населением.

Таким образом, в Калининграде и Клайпеде столкнулись люди разных национальностей, культур, религий, стереотипов поведения.

Процесс «освоения» и укоренения новых жителей шёл медленно и с разной динамикой в разных частях бывшей Восточной Пруссии. Это зависело от особенностей территориальной политики центральных и региональных властей, от истории миграции, состава населения, народных традиций. В 1945 – 1950 гг., когда ещё свежи были воспоминания о войне, повсеместно наблюдалось отрицание германской культуры. Однако стоит отметить, что литовская градостроительная культура относительно безболезненно восприняла близкие ей традиции немецкого религиозного и светского зодчества. Власти стремились ассимилировать германское культурное наследие с целью скорейшей адаптации и социальной стабильности населения.

Что касается русской самобытности, то в бывшем Кёнигсберге она столкнулась с непониманием и неприятием градообразующих элементов немецкого поселения. Многие переселенцы чувствовали себя временными жителями, считали бывшую прусскую территорию чужой. Существенное влияние на настроения населения оказывала официальная пропаганда. Власть заботилась о том, чтобы немецкие традиции не были усвоены и приняты советскими гражданами. В период десталинизации ускорилось физическое уничтожение «чужого» архитектурного наследия (разрушение кирх, подрыв руин королевского замка в 1968 г.). Однако в сознании населения, вложившего силы и душу в возрождение города, в мышлении нового поколения людей, родившихся и выросших в Калининграде, наоборот, «трофейный город» постепенно становился «своим». Общественность начала выступать в защиту памятников архитектуры.

Наряду с новым населением, первоочередное влияние на будущее развитие присоединённых территорий оказала политика советской администрации. В региональной историографии устоялось мнение, что до 1947 г. центральное правительство не уделяло должного внимания Калининградской области, которая стала источником строительных материалов, оборудования, ремесленных изделий для восстановления советских городов. Ее не включили в первый послевоенный пятилетний план. Хотя вошедшие по итогам войны в состав Советского Союза Клайпедская область, Южный Сахалин, Курильские острова, район Печенги в план вошли. Только в июле 1947 г. принят т. н. «Сталинский план восстановления

и развития Калининградской области»*, обозначивший основные направления хозяйственного развития и с опозданием включивший её в государственный план.

Вышеизложенная ситуация обусловила отставание в сфере градостроительства. Города возрождались, но хаотично, беспланово. В то время как генеральные планы восстановления российских городов начали реализовываться в 1948 – 1949 гг., работы по составлению генпланов Клайпеды и Калининграда только начались. Они были приняты в 1952 и 1953 гг. соответственно, но не реализованы в связи с политическими изменениями в стране в середине 1950-х гг. [подробнее: 8; 9].

В то же время градостроительной деятельности отводилась функция «закрепления» присоединённых территорий за СССР, как на государственном уровне, так и в сознании населения. Важный вопрос, который вставал перед зодчими новых советских городов, – что делать с немецким архитектурным наследием. В Калининграде и Клайпеде избрали разный путь.

В СССР послевоенная концепция города строилась на основе преемственности по отношению к архитектурному наследию прошлого. В Клайпед, как и в городах прибалтийских республик, наряду с социалистическими преобразованиями признавалась ценность старого города как памятника национальной культуры. Литовские зодчие искали возможности «сочетания интересов сохранения и включения памятников архитектуры в новую композицию города с требованиями современного советского градостроительства» [11, Ф. 674. Оп. 3. Д. 608. Л. 8 об.].

В Калининграде немецкая архитектура никак не была связана с искомно русской. Поэтому и о сохранении её официально не говорили. Калининградские архитекторы поставили перед собой задачу «изменения лица города, прусского до мелочей» [11, Ф. 674. Оп. 3. Д. 519. Л. 5]. Хотя местные архитекторы признавали необходимость включения довоенных зданий в новую застройку [8, с. 72]. По умолчанию многие сооружения «чужой» материальной культуры органично влились в современный городской пейзаж.

Эти первоначальные установки, сформулированные ещё на рубеже 1940 – 1950-х гг., и определили градостроительную судьбу бывших немецких городов. Процесс восстановления новых советских городов происходил с разной динамикой в разных частях бывшей Восточной Пруссии. Во многом это было вызвано принадлежностью к разным союзным

* Ряд постановлений Совета Министров СССР от 21 июля 1947 г.

республикам, зависело от политики центральных и региональных властей, от истории миграции, состава населения, народных традиций. Восстановление Клайпеды, обеспеченной необходимыми материально-техническими, кадровыми ресурсами, на несколько лет опережало Калининград. В то время как параллельно с ремонтом старой застройки в Клайпед в конце 1940-х – начале 1950-х гг. началось новое строительство, в Калининграде этот процесс стал набирать темпы только к концу 1950-х гг. Кроме того в Клайпед получила распространение индивидуальная застройка, которую поддерживало государство. Вместе с тем, как и по всей стране, с ростом населения дефицит жилья продолжал увеличиваться в обоих городах.

К концу 1950-х гг. не все здания в Клайпед и в Калининграде удалось отремонтировать и восстановить, некоторые районы лежали в руинах. Но это уже были другие, советские города. Базовые направления строительства, очертания будущих городских пейзажей были заложены именно в первые послевоенные годы (дорожная схема, расположение административных и общественных центров, зелёных зон). В то же время, сохранялась преемственность городской среды. Сформированный в те годы облик городов сочетал в себе архитектурно-градостроительную среду немецкого времени и черты советского зодчества.

Таким образом, можно прийти к выводу, что градостроительное развитие присоединённых к СССР городов Восточной Пруссии имело ряд специфических особенностей, обусловленных политическими, социальными, экономическими причинами.

Список источников и литературы

1. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / С.П. Гальцова, А.Н. Гедима, М.А. Клемешева и др.; рук. авт. кол. Ю.В. Костяшов. СПб.: Изд-во «Бельведер», 2002. 272 с.
2. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945 – 1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.
3. Кретинин Г.В. Государственно-правовые аспекты формирования территории и населения Литвы: ист. очерк. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. 30 с.
4. Кретинин Г.В. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население: октябрь 1944 – 9 мая 1945 года // Россия и Балтия. М.: Весь Мир, 2011. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений. С. 151-166.
5. Криворуцкая И.Е. О восстановлении послевоенного Калининграда, 1946 – 1953 гг. // Балтийский альманах. 2002. № 2. С. 3-6.

6. Манкевич Д.В. О численности и половозрастной структуре населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах // Калининградские архивы. Вып. 10. С. 233-247.

7. Манюк Е.С. Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945 – 1950-е гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Калининград, БФУ им. И. Канта, 2015. 30 с.

8. Митина Е.С. (Манюк Е.С.) Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Калининград, 2010. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. С. 71-76.

9. Митина Е.С. (Манюк Е.С.) От немецкого Мемеля к советской Клайпед (восстановление города в первое послевоенное десятилетие) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Калининград, 2011. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. С. 88-92.

10. Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов и др. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2004. 460 с.

11. Российский государственный архив литературы и искусства.

12. Российский государственный архив экономики.

13. Фёдорова О.Г. Послевоенное восстановление Клайпеды и Калининграда: сравнения и оценки // Россия и Балтия. М., 2011. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений. С. 167-176.

14. Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation // Annaberger Annalen. 1999. Nr. 7. S. 39-64.

15. Genys J., Andrijauskas E. Klaipėdos urbanistika ir architektūra po didžiojo gaisro // Klaipėda. Istorija Populiariai. Klaipėda : Klaipėdos miesto savivaldybė, 2002. P. 121-152.

16. Klaipėdos apskrities archyvas.

17. Kostjasov J.V. Russen und Deutsche in Ostpreußen nach 1945 – Konfrontation oder Integration? // Annaberger Annalen. 1999. № 7. S. 161-172.

18. Lietuvos centrinis valstybes archyvas.

19. Mačiulskis M. Die Tätigkeit des MVD-MGB im Memelland in den Nachkriegsjahren (1945 – 1953) // Annaberger Annalen. 1999. Nr. 7. S. 65-94.

20. Safronovas V. Antrojo pasaulinio karo įvykiai Rytų Prūsijoje Klaipėdos krašto ir Kaliningrado srities atminimo kultūroje // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. XVIII. Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos. Klaipėda, 2009. P. 87-108.

21. Sakson A. Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzski, Obwód Kaliningradzki, Warmia I Mazury. Poznań: Instytut Zachodni, 2011. 828 s.

22. Vareikis V. Klaipėda zwischen der Sowjetunion und der Litauischen SSR, 1945 – 1990 // Nordost-Archiv. Im Wandel der Zeiten: Die Stadt Memel im 20. Jahrhundert. Bd. 10. Lueneburg, 2002. S. 117-148.

23. Vareikis V. 99 stories about Klaipėda. Klaipėda: Publishing Group DRUKA, 2009. 208 p.

Об авторе

Манюк Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь музея, ГБУК «Калининградский областной историко-художественный музей», Россия., E-mail: manyuk.ekaterina@yandex.ru

Ekaterina Manyuk, Ph.D., scientific secretary, Kaliningrad regional history and art museum, Russia. E-mail: manyuk.ekaterina@yandex.ru

**FEATURES OF URBAN RECONSTRUCTION OF THE FORMER EAST
PRUSSIA TOWNS IN THE POSTWAR PERIOD.
SOCIAL AND POLITICAL ASPECT.**

Abstract: The article identifies the factors that influenced on the urban development of the former cities of East Prussia – Kaliningrad (Königsberg) and Klaipeda (Memel), which become part of different Soviet republics, in 1945 – 1950-ies.

Keywords: Kaliningrad, Königsberg, Klaipeda, Memel, East Prussia, reconstruction, town-planning, general plan.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР В 1950-1960-х гг.

Р. А. Соловьев (БГУ)

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления в преобразовании отечественной системы военного образования в 1950–1960-х гг. В эти годы под влиянием научно-технической революции и революции в военном деле происходят коренные преобразования Вооруженных сил СССР, что естественно потребовало изменения подходов к подготовке военных кадров. Автор на основе новых и уже известных источников анализирует складывание в Советском Союзе принципиально новой системы военных учебных заведений. Выявляются ее недостатки и раскрываются достижения, способствовавшие поддержанию должного уровня боеспособности Вооруженных сил СССР.

Ключевые слова: Вооруженные силы СССР, военное образование, военно-учебные заведения, подготовка военных кадров, Н.С. Хрущев, военная реформа

Широкое внедрение в 1950–1960-е гг. в Вооруженные силы СССР принципиально нового оружия и военной техники вызвали необходимость перестройки системы подготовки кадров, обучения и воспитания военнослужащих. Революция в военном деле предъявила новые требования к их технической подготовке и стилю работы. Нововведения, направленные на качественное улучшение командного состава Советской Армии, являлись важной составной частью политики военных реформ, активно проводимых в Советском Союзе, начиная с середины 1950-х гг. по инициативе нового главы государства Н.С. Хрущева.

Прежде всего, коренные изменения в военном деле повлекли существенные сдвиги в структуре офицерского корпуса: заметно стал возрастать удельный вес инженеров и техников. Если в конце 1945 г. в Вооруженных силах одна штатная единица инженерно-технического состава приходилась на 4,2 единицы командного состава, а в Сухопутных войсках – на 5,7 единицы, то к концу 1950-х гг. – соответственно на 1,5 и 3 штатные единицы [1, с. 118].

В 1954 г. Совет министров СССР принял решение об отнесении военно-технических и специальных военных училищ с трехлетним сроком обучения к числу средних специальных учебных заведений. Их выпуск-

никам выдавались дипломы-удостоверения, установленные для выпускников гражданских средних специальных учебных заведений.

Для повышения технических знаний всех категорий офицеров многие средние военные и военно-технические училища преобразовывались в высшие военно-учебные заведения. Было вновь сформировано 28 высших военных училищ, увеличена вдвое численность слушателей и курсантов высших военно-учебных заведений. К 1961 г. доля высших военных училищ в структуре военно-учебных заведений достигла 56 %, против 19,4 % в 1945 г. [1, с. 117]. Значительно была расширена и сеть заочного военного обучения, что позволило в короткие сроки значительно повысить уровень образования офицеров.

К сожалению, стремление к увеличению количества офицеров, обладавших высшим образованием, осуществлялось во многом в ущерб качеству военного образования, по сравнению с гражданскими учебными заведениями.

Другим важным направлением реформирования военных учебных заведений стала оптимизация их численности. Прежде всего, это коснулось военных учебных заведений, готовящих специалистов по «гражданским специальностям» (медики, педагоги, финансисты, интенданты и т. п.).

В марте 1956 г., по предложению министра обороны СССР Г.К. Жукова, были расформированы Военно-юридическая академия и военно-ветеринарный факультет при Московской ветеринарной академии, а задача подготовки соответствующих специалистов для Вооруженных сил была возложена на гражданские учебные заведения. В это же время Военно-транспортная академия и Военная академия тыла и снабжения были объединены в одно учебное заведение [13, с. 282, 286, 291].

С 1956 г. началось расформирование военно-медицинских училищ. В 1957 г. была ликвидирована Военно-морская медицинская академия. В декабре 1959 г. Н.С. Хрущев предложил окончательно ликвидировать все военно-медицинские учебные заведения, считая их «излишним «нагромождением», содержание которых обходится в три раза дороже, чем аналогичных гражданских» [15, л. 150]. К середине 1960-х гг. единственным военным учебным заведением в СССР для подготовки специалистов с медицинским образованием стала Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова в городе Ленинграде. Задача подготовки военных врачей была возложена также на военно-медицинские факультеты при гражданских медицинских институтах [10; 20, с. 105].

Широкая программа строительства и развития в нашей стране в послевоенные годы новых подводных лодок, в том числе с атомными

энергетическими установками, оснащенных ракетным оружием, выдвинула на одно из первых мест проблему подготовки высококвалифицированных кадров офицеров-подводников. Решение этой проблемы потребовало создания специальных высших военно-морских учебных заведений. Первым из них стало 1-е Балтийское высшее военно-морское училище, которое в мае 1954 г. было преобразовано в 1-е Высшее военно-морское училище подводного плавания.

В то же время упразднение в марте 1953 г. Военно-морского министерства повлекло за собой реорганизацию учебных заведений, подчиненных этому ведомству. Несколько военных училищ были переданы в другие виды войск, а отдельные расформированы. К 1956 г. осталось 12 военно-морских училищ [6, с. 585].

Вторая половина 1950-х гг. характеризовалась активным поиском наиболее эффективной системы подготовки офицеров, способных успешно изучить и уметь применять новые образцы вооружения и военной техники в условиях возможного использования ракетно-ядерного оружия.

С 1956 г. устанавливается единая система подготовки летных кадров. Летчики и штурманы для ВВС, ПВО и ВМФ готовились только в учебных заведениях Военно-воздушных сил с общим сроком обучения три года. Навыки полетов на учебных самолетах курсанты приобретали в авиационных школах первоначального обучения, которые были преобразованы в училища. Дальнейшее их обучение проходило в военных авиационных училищах летчиков и штурманов.

Быстрое развитие авиационной техники требовало и дальнейшего совершенствования довольно «громоздкой» системы подготовки авиационных кадров. С 1959 г. военно-авиационные училища летчиков и штурманов преобразовывались в высшие военно-авиационные училища с четырехлетним сроком обучения. Теперь в них было сосредоточенно и первоначальное обучение курсантов, а военно-авиационные училища первоначального обучения были расформированы. Это решение позволило существенно сократить количество авиационных военных училищ. Если к середине 1950-х гг. подготовку авиационных кадров вели около 100 военно-учебных заведений, то к концу 1950-х гг. их осталось 27 [4, с. 290–295].

На рубеже 1950–1960-х гг. в кратчайшие сроки была создана сеть военно-учебных заведений для подготовки офицеров-ракетчиков, которая к 1962 г. включала в себя Военную академию имени Ф.Э. Дзержинского и 11 военных училищ (восемь из которых были высшими) [12, с. 57].

Развитие системы военно-учебных заведений войск Противовоздушной обороны (войск ПВО страны) началось еще в конце 1940-х гг.

практически одновременно с поступлением в войска принципиально новых образцов военной техники – зенитных ракетных комплексов и радиолокационного оборудования [1, с. 64]. Всего к 1955 г. подготовка командных кадров для войск ПВО страны велась в двух высших и 11 средних военных училищах. Кроме этого специалистов для Войск ПВО страны готовили академии других видов Вооруженных сил.

В 1956 г. для подготовки офицеров с высшим военным образованием была сформирована Калининская военно-командная академия войск ПВО, занятия в которой начались с 1 марта 1957 г. Первый выпуск офицеров из академии прошел уже через год – в апреле 1958 г. [8, с. 350–352].

Интенсивное развитие в 1954–1959 гг. ракетного оружия различного назначения резко изменило и систему подготовки кадров для артиллерии (с 1961 г. преобразованную в ракетные войска и артиллерию).

Специалистов для переданных в состав Сухопутных войск инженерных бригад РВГК, вооруженных оперативно-тактическими ракетными комплексами, до создания РВСН готовили Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище и Камышинское артиллерийское техническое училище. С 1957 г. инженерно-технические кадры для ракетных войск стали готовить перепрофилированные артиллерийские училища – Ленинградское высшее инженерное и Сумское техническое.

С 1958 г. командно-технический состав первых тактических ракетных комплексов готовили три артиллерийских училища – Сумское, Томское (бывшее зенитное) и Тульское (бывшее оружейно-техническое) [2, с. 13–14].

Появление новых средств борьбы, оснащение войск новой боевой техникой, совершенствование средств управления вызвало необходимость и реорганизации системы подготовки офицеров для самого многочисленного рода войск – мотострелковых. В июне 1958 г. одним из первых в стране преобразуется в высшее общевойсковое командное училище с четырехлетним сроком обучения Московское военное училище имени Верховного Совета РСФСР. Всего к середине 1960-х гг. подготовку офицеров для мотострелковых войск осуществляли восемь высших военных общевойсковых командных училищ. Позднее на четырехгодичный срок подготовки военных специалистов переводятся и танковые училища, а также училища инженерных войск [18, с. 49–50].

Одним из предложений Н.С. Хрущева по дальнейшему развитию Вооруженных сил СССР, изложенным в его записке от 8 декабря 1959 г., стало коренное переустройство системы подготовки офицерских кадров: «Необходимо, конечно, будет пересмотреть и систему военных учебных заведений (их профиль и количество). Может быть, если мы перейдем на

новую систему (имеется в виду территориальная система комплектования Вооруженных сил СССР), следует организовать и такие военные учебные заведения, в которых вести подготовку офицерских кадров без отрыва от производства» [14, л. 12].

На совещании в ЦК КПСС 18 декабря 1959 г. он вновь озвучил свои замыслы по реформированию системы подготовки офицерских кадров: «А если мы, например, будем готовить лейтенантов из инженеров. Он прослужит 5 лет и возвращается в промышленность инженером. Мы можем это сделать» [15, л. 58].

Предложения Н.С. Хрущева были поддержаны многими военачальниками, присутствовавшими на совещании. Например, генерал армии Ф.И. Голиков в своем выступлении отметил: «При богатстве, разнообразии и повсеместном наличии по стране гражданских вузов и техникумов мы имеем полную возможность решительно перестроить всю систему подготовки необходимых для Вооруженных сил офицерских кадров. Исключение, может быть, потребуется для подготовки подводников, для особо сложных новейших типов самолетов, и тех специалистов, которых нигде не готовят по гражданской линии» [15, л. 94]. Поддержали Н.С. Хрущева также маршалы Советского Союза С.С. Бирюзов и М.В. Захаров [15, л. 182, 215; 13, л. 15].

Маршал Советского Союза А.А. Гречко доложил об успешном апробировании новой системы подготовки для укомплектования инженерными кадрами ракетных частей [15, л. 59].

Перспективная система обучения офицеров позволила бы значительно сократить количество военных учебных заведений и повысить уровень общей подготовки военнослужащих. По нашему мнению, возможность радикальных изменений системы военного образования, наряду с изменением системы комплектования Вооруженных сил, рассматривались высшим руководством государства и армии и в отдаленной перспективе. Для перехода на нее в начале 1960-х гг. не было создано необходимых условий. Новый этап военной реформы ограничился очередным сокращением Вооруженных сил. 15 января 1960 г. на сессии Верховного Совета СССР был принят Закон «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР», предусматривавший их сокращение еще на 1,2 млн. человек. В том числе предусматривалось сокращение и пропорционального количества военных училищ. Их число было определено Постановлением Совета министров СССР от 31 марта 1960 г. «О сокращении численности и реорганизации военно-учебных заведений Министерства обороны». В частности, были расформированы семь

авиационных училищ, три военно-морских училища, три артиллерийских училища.

Вскоре сокращение Вооруженных сил было приостановлено, что было вызвано нехваткой офицеров в войсках. Летом 1962 г. Главное управление кадров предложило решить эту проблему путем временного назначения на офицерские должности сержантов и старшин срочной и сверхсрочной службы [17]. Позднее были разработаны программы подготовки офицеров из солдат-срочников [11]. В 1961–1965 гг. в целом ряде военных училищ были созданы курсы по подготовке младших лейтенантов. Первоначально был установлен шестимесячный срок обучения, который позднее был увеличен до одного года [18, с. 49–50]. Широкую практику получил и призыв офицеров из запаса.

Отставка Н.С. Хрущева в октябре 1964 г., привела к пересмотру отдельных положений военной политики государства. В частности, во второй половине 1960-х гг. начался процесс восстановления и создания новых военных училищ. Например, в 1966 г. были сформированы Барнаульское высшее военное авиационное училище летчиков и Ворошиловградское высшее военное авиационное училище штурманов, а также восстановлено Пермское военное авиационное техническое училище, расформированное в 1960 г. В 1967 г. было вновь сформировано Военно-морское училище в Калининграде.

Одновременно продолжился процесс переформирования военных училищ в высшие учебные заведения. К 1970 г. из 103 военных училищ Министерства обороны более 75% были высшими [20].

Процесс реформирования завершился созданием в 1967 г. сети военно-политических училищ. Это был принципиально новый тип военно-учебного заведения. Каждое из семи открытых военных училищ ориентировалось на подготовку заместителей командиров рот (батареи) по политической части для определенного вида или рода войск. Такая организация обеспечивала не только высокую подготовку таких выпускников, как политработников, педагогов и воспитателей, но и гарантировала приемлемый уровень их командирской и технической подготовки [3, с. 84–85].

В 1968 г. в Министерстве обороны СССР вновь было образовано Главное управление военно-учебных заведений, что обеспечило централизованное руководство вузами, проведение единой государственной политики в области военного образования. Необходимость его создания была продиктована коренными количественными и качественными изменениями в системе подготовки офицерских кадров [5, с. 15–16].

Сложившаяся к концу 1960-х гг. система военного образования просуществовала практически без изменений до распада СССР.

Таким образом, в 1950–1960-х гг. осуществлялось планомерное развитие системы военного образования на фоне разворачивавшейся революции в военном деле. С 1958 г. начался процесс преобразования средних военных училищ в высшие командные со сроком обучения четыре года, продолжалось создание новых инженерных и командно-инженерных училищ по новейшим направлениям развития военного дела. Пересматривались организация и содержание обучения, вводились новые военные специальности. Наиболее значимым стало создание военных учебных заведений для подготовки офицеров-ракетчиков, летчиков вертолетной авиации, обслуживающего персонала атомных энергетических установок подводных лодок и ядерных боеприпасов. В то же время целые направления военного образования (прежде всего по тыловым специальностям) были фактически ликвидированы.

Непоследовательность в вопросе определения необходимого количества офицерских кадров и поспешность проводимых сокращений Вооруженных сил привели к тому, что во второй половине 1960-х гг. стала остро ощущаться нехватка командных кадров. После отставки Н.С. Хрущева были внесены коррективы в проведенные преобразования. Кроме того, были восстановлены некоторые из ранее расформированных военных училищ. Широко практиковался призыв офицеров из запаса, получила развитие сеть военных кафедр при гражданских вузах.

Проведенные мероприятия обеспечили успешное функционирование системы военного образования вплоть до конца 1991 г.

Список источников и литературы

1. Бабаков А.А. Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.): История строительства. М.: Воениздат, 1987. 287 с.
2. Барабанов А.М. Развитие системы подготовки кадров ракетных войск и артиллерии сухопутных войск во второй половине XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 12-15.
3. Бусловский В.Н. К вопросу об истории военно-политических училищ // Военная мысль. 2017. № 1. С. 84-89.
4. Воздушная мощь Родины / Под ред. Л.Л. Батехина. М.: Воениздат, 1988. 432 с.
5. Грошев Р.В., Парфенов М.В. Эволюция органов управления военным образованием // Гуманитарный вестник ВА РВСН. 2017. № 3. С. 14-18.
6. Еремин В.П., Закорин Н.Д., Кобзев В.П., Махров Н.В. Военно-морское образование в России. СПб.: Наука, 2000. 640 с.
7. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в СССР (1917–1984 гг.). – Новосибирск: НВВПУ, 1991. 261 с.

8. Лашков А.Ю., Галатюк В.Л. 100-летие противовоздушной обороны России. 1914–2014 гг. в 2 т. М.: Фонд «Русские витязи», 2014. Т. 2. 600 с.
9. Пермское военное авиационное техническое училище. Пермь: ПВАТУ, 1998. 24 с.
10. Потапов Р. Погоны курсантов Военно-Морской Медицинской Академии. 1940–1956 гг. // Петербургский коллекционер. 2014. № 5. С. 88-91.
11. Программа подготовки командиров радио-, радиорелейных, телеграфных и телефонных взводов из солдат имеющих высшее образование. М.: Воениздат, 1965. 85 с.
12. Ракетный щит Отечества / Под ред. В.Н. Яковлева. М., 1999. 246 с.
13. Российский государственный военный архив. Ф. 41143. Оп. 1. Д. 70.
14. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 12. Д. 613.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 16. Оп. 165. Д. 153.
17. Рубан А.Ф. Погоны вице-лейтенантов Советской Армии // Сержант. 2011. № 1 (47). С. 23.
18. Сливин Т.С., Тананайко В.В. Военно-учебные заведения СССР в послевоенные годы // Мир образования – образование в мире. 2015. № 1. С. 48-51.
19. Сокращение Вооруженных сил СССР в середине 50-х годов // Военные архивы России. 1993. № 1. С. 271-308.
20. Сорокин А.В. Погоны обр. 1969 г. курсантов военно-учебных заведений Вооруженных сил СССР // Петербургский коллекционер. 2015. № 2. С. 102-106.

Об авторе:

Соловьев Рустам Арсланович – аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского, solorus@mail.ru

Solovyev Rustam Arslanovich – graduate student, Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky, solorus@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF MILITARY EDUCATION IN THE SOVIET UNION IN THE 1950s AND 1960s.

Abstract: The article discusses the main directions in the transformation of the domestic system of military education in 1950-1960-ies. In the years under the impact of scientific and technological revolution and the revolution in military Affairs occur a fundamental transformation of the Armed forces of the USSR, which naturally demanded changes in the approach to the training of military personnel. The author on the basis of new and already known sources analyzes in the Soviet Union, he developed a fundamentally new system of military educational institutions. Identifies its shortcomings, and reveal the achievements that contributed to the maintenance of an adequate level of combat readiness of the Armed forces of the USSR.

Key words: Soviet Armed forces, military education, military schools, military training, N.S. Khrushchev, military reform.

**ФЕНОМЕН В.И. ЗАСУЛИЧ
ПО АМЕРИКАНСКОМУ ИСТОРИКУ РИЧАРДУ ПАЙПСУ:
РОДОНАЧАЛЬНИЦА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ ИЛИ ЗАЩИТНИЦА «ПОРУГАННОЙ ЧЕСТИ»?**

Рецензия на работу Pipes R. The Trial of Vera Z // Russian History. Vol. 37,
№1 (2010). – Brill. New York, 2010. – 84 p.

А. А. Локтюшина (СПбГУ)

Аннотация: работа «Суд над Верой З.» Ричарда Пайпса вышла в свет в 2010 году. Несмотря на то, что польско-американский историк специализируется на макроисторических подходах в изучении Советской России, данная работа посвящена исключительно персоналии Веры Засулич, которая, по мнению большинства отечественных историков, сыграла заметную роль в истории развития российского революционного движения. В рецензии выявляется личная оценка автора, его стремление донести до читателя – кем же на самом деле являлась В.И. Засулич?

Ключевые слова: американская историография, история России, В.И. Засулич, Ричард Пайпс, суд присяжных

Среди зарубежных экспертов и знатоков русской и советской истории, имя профессора русской истории в Гарварде Ричарда Пайпса (Richard PIPES) лучше других знакомо отечественным специалистам. В былые годы «холодной войны» оно звучало чуть ли не нарицательным, в плане диффамации на советский строй. После 1990-х годов большая часть исследований Р. Пайпса была переведена на русский язык и стала доступна российскому читателю [1, с. 123]. Из автобиографии историка известно, что родился он в польской провинции Силезия, в преддверии Первой мировой войны. Варшава, тогда еще была частью Российской империи (от Венского Конгресса до Германской оккупации в 1915 году) и поэтому Россия, со слов самого Р. Пайпса, играла едва ли не главную роль в его жизни [2, p. 1].

На протяжении всей своей карьеры Ричард Пайпс никогда не скрывал, что негативно оценивает российскую революцию, мотивируя это тем, что та или иная оценка данного события диктуется самой его природой. Его общая интерпретация российской политической традиции может быть найдена в книгах «Россия при старом режиме», «История российской революции» и «Биография П. Струве». После биографии Струве он издаёт своё исследование «Народничество: семантический анализ». Работу о Вере Засулич можно считать продолжением ранее изданных книг. Она напечатана в издании «Russian History» и имеет три главы.

В первой из них «Трудности тюремной жизни» автор описывает детство и юность Веры Засулич. Поворотным моментом в ее жизни Пайпс отмечает семнадцать лет, возраст, когда она примкнула к социалистам, т. е. к революционерам [4, р. 65]. Эти связи, а именно сотрудничество с русским революционером Сергеем Нечаевым, в конце концов, привели ее к аресту и тюремному заключению в 1869 году. С этого момента, по мнению автора, В.И. Засулич окончательно отошла от революционных настроений. Как будет видно впоследствии, выстрел в Трепова не являлся способом к созданию революционно опасной ситуации в империи.

Вторая глава касается вопроса о личных мотивах В.И. Засулич, которые побудили ее выстрелить в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. В советской историографии очень часто встречался тезис о том, что В.И. Засулич являлась чуть ли не предтечей всей русской революции 1917 года. Ричард Пайпс развеивает этот миф, утверждая, что Засулич не преследовала никаких политических целей. Она всего лишь пыталась добиться справедливости в отношении Боголюбова, восстановить его честь. Причину этого поступка, по мнению Пайпса, следует искать в прошлом Веры. Происходившая из обедневшей дворянской семьи, она всю жизнь вынуждена была добиваться своего и учиться жить без чьей-либо помощи. Претерпев многие трудности в жизни, Засулич просто усмотрела в Боголюбове себя и попыталась добиться справедливости хотя бы для него.

В последней главе автор рассматривает общественную реакцию, которая разразилась вокруг судебного процесса 1878 года. Не только в Российской империи широко обсуждалась эта тема, но вести об этом распространялись по всему миру. Ярким подтверждением тому служит часто цитируемая на тот момент фраза французского публициста Густава Вальберта: «На сорок восемь часов Европа забыла обо всем, о мире, о войне, о Бисмарке... все внимание было приковано к В.И. Засулич» [2, р. 126].

Столь бурная реакция за рубежом вполне объяснима. Европа была поражена тем, что в «авторитарной Российской империи» суд присяжных смог вынести оправдательный вердикт политическому преступнику. Россию воспринимали на тот момент отставшей страной, главными постулатами которой являлись крепостное право и нерушимая власть монарха, который фактически сосредотачивал в себе все ветви власти. Образ затворнической тюремной России стал постепенно разрушаться. Неужели в России могут прижиться либеральные нововведения Запада? Этот вопрос все больше и больше подогревал интерес зарубежных исследователей, публицистов и просто заинтересованных лиц.

Важно отметить, что «Суд над Верой З.» во многом отличается от прочих исследований по этой теме по двум веским причинам. Во-первых, Ричард Пайпс рассматривал не столько сам судебный процесс, сколько те события, которые привели к нему. В противовес ему такие авторы, как Бергман, Силжак в большинстве своем изучали исключительно сам суд 1878 года [5, p. 123]. Наконец, во-вторых, в отличие от остальных, Ричард Пайпс больше интересовался психологией персонажа, нежели политическими мотивами её революционной деятельности. Также автор большое внимание уделил библиографическому исследованию по данной теме. В монографии используется большое количество архивных источников, в том числе и российских. Очень много дневников, воспоминаний, журналов, газет находились в поле изучения Ричарда Пайпса.

Многие исследователи считают Ричарда Пайпса приверженцем тоталитарной трактовки; обвиняя его в том, что он предвзято оценивает многие события российской истории. В данной работе автор предельно деликатно оперирует историческими данными. Авторская точка зрения о Вере Засулич обоснована не столько концептуальными подходами, сколько строгим изложением фактов и анализом достоверных источников.

Список источников и литературы

1. Петров Е.В. История американского россиеведения. Курс лекций. СПб., 1998. 214 с.
2. Bergman J. Vera Zasulich: A Biography. Stanford Univ. Pr. Stanford, 1983. 277 p.
3. Pipes R. Russia observed: Collected Essays on Russian and Soviet History. Boulder: Westview, 1989.
4. Pipes R. The Trial of Vera Z // Russian History. Vol. 37. № 1 (2010). Brill. New York, 2010. 84 p.
5. Siljak A. Angel of Vengeance: The Girl Who Shot the Governor of St. Petersburg and Sparked the Age of Assassination. St. Martin's Griffin. New York, 2009. 384 p.

Об авторе

Локтюшина Анна Алексеевна – бакалавр Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Loktyushina Anna Alekseevna – Institute of History of St. Petersburg State University.

THE PHENOMENON OF V.I. ZASULICH ON THE AMERICAN HISTORIAN RICHARD PIPES: PRECURSOR REVOLUTIONARY MOVEMENT IN RUSSIA OR THE DEFENDER OF "RIPATED HONOR"?

Annotation: The monograph "The trial of Vera Z." Polish-American academician Richard Pipes was published in 2010. Despite the fact that Richard Pipes specializes in the history of the Soviet Union, one of his works is devoted exclusively to one person –

Vera Zasulich, who played a huge role in the history of the development of the Russian revolutionary movement. The article reveals a personal assessment of the author, his desire to show readers – who in fact was V.I. Zasulich?

Key words: *American historiography, History of Russia, V.I. Zasulich, Richard Pipes, jury trial.*

СМЕРТНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ г. ВЫБОРГА ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ XIX – НАЧАЛА XX в.

М. А. Маркова

Аннотация: статья посвящена анализу процессов смертности в Выборге. Сравнительный анализ причин смерти, зафиксированных в метрических книгах Преображенского собора за 1840-е и 1900-е гг., выявил существенные изменения в структуре смертности взрослого православного населения.

Ключевые слова: историческая демография, история Выборга, смертность.

Среди всего многообразия показателей, характеризующих процессы воспроизводства населения, есть ряд ключевых характеристик, которые используются при анализе особенностей протекания демографического перехода в том или ином регионе. Среди этих показателей следует назвать распределение смертности по причинам смерти. Концепция эпидемиологического перехода, предложенная в 1971 г. А. Омраном, указывает на определяющую роль изменений, происходивших в структуре заболеваемости и смертности, в зарождении демографического перехода [1].

Изменения в структуре заболеваемости и смертности населения Выборга были изучены на основании метрических книг Преображенского собора 1840-х и 1900-х гг., использовались приходские экземпляры документов [2]. Анализировались случаи смерти среди взрослого населения в возрасте от 15 до 59 лет. Следует отметить, что причины смерти именно для этой возрастной группы указаны наиболее точно, в записях о детях или лицах преклонного возраста «расплывчатые» формулировки (старость, слабость, колотье) встречаются существенно чаще. Заболевания или причины смерти, указанные в источниках, были распределены в соответствии с современной международной статистической классификацией болезней 10-го пересмотра, была рассчитана процентная доля каждого класса заболеваний в общем числе случаев.

Известно, что в процессе эпидемиологического перехода инфекционные заболевания в качестве основной причины смертности постепенно замещаются эндогенными заболеваниями. Сравнительный анализ данных 1840-х и 1900-х гг. указывает на существенные изменения, произошедшие в смертности выборжан. Вклад инфекционных заболеваний значительно

уменьшился, однако, они по-прежнему составляли самую большую долю в общем числе случаев. Туберкулез, являясь настоящим общественным бедствием в XIX столетии, приносил наибольшее число смертей среди данного класса заболеваний. Хотя и с большим отрывом, тиф также не потерял своего значения в общей эпидемической картине к началу XX века.

Болезни системы кровообращения не изменили своей очередности, в рассматриваемый период они находились на втором месте, при этом, процентная доля заболеваний данного класса вдвое выросла к началу XX века. Внешние причины смерти вытеснили болезни органов пищеварения из группы лидеров, заняв третье место в 1900-е гг.

Таблица. Распределение умерших в возрасте 15-59 лет по классам причин смерти в 1840-е и 1900-е гг.*

Номер класса	Наименование классов причин смерти	1840-е гг.		1900-е гг.	
		Общее число смертей	Процент. доля смертей	Общее число смертей	Процент. доля смертей
1	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	58	74,4	29	34,9
2	Новообразования	0	0	2	2,4
3	Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекшие иммунный механизм	0	0	1	1,2
4	Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	0	0	1	1,2
5	Психические расстройства и расстройства поведения	1	1,3	0	0
6	Болезни нервной системы	2	2,6	5	6,0
9	Болезни системы кровообращения	6	7,7	13	15,7
10	Болезни органов дыхания	2	2,6	9	10,8
11	Болезни органов пищеварения	5	6,4	3	3,6
14	Болезни мочеполовой системы	0	0	6	7,2
15	Осложнения беременности, родов и послеродового периода	4	5,1	4	4,8
19	Травмы, отклонения и некоторые другие последствия взаимодействия внешних факторов	0	0	8	9,6
20	Внешние причины смерти	0	0	2	2,4
Всего		78	100	83	100

* В таблице представлены только те классы заболеваний, информация о которых содержится в источниках.

Интересно сопоставить полученные результаты с данными о жителях Выборгской стороны, зафиксированными в метрических книгах Сампсониевского собора Санкт-Петербурга за 1835–1841 гг. [3] и 1917 гг. [4] Выборгская сторона являлась рабочей окраиной города, здесь проживали непривилегированные жители столицы, ремесленники и нижние воинские чины с семьями составляли основное население прихода.

Данные о жителях Петербурга также указывают на огромную смертность от инфекционных заболеваний в 1-й половине XIX века. Более $\frac{2}{3}$ всех смертей связано с этим классом, чахотка (туберкулез) являлась самой распространенной причиной смерти.

Конечно, условия военного времени, кризисная ситуация сказались на структуре причин смерти в Петрограде в 1917 г., поэтому проводить детальное сопоставление показателей вряд ли стоит, однако, интересно отметить, что и в Петрограде 1917 г., и в Выборге начала 1900-х гг. болезни системы кровообращения занимали второе место, составляя 15,0% и 15,7% соответственно. Принимая во внимание лидирующее положение данного класса причин в современной структуре смертности, можно рассматривать этот факт как одно из проявлений модернизации смертности в Выборге в начале XX в.

Список источников и литературы

1. Вишневский А. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция//Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 5-9.
2. Метрические книги Преображенского собора в г. Выборге. [Электронный ресурс]. URL: digi.narc.fi/digi/slistaus.ka?ya=81821 (дата обращения 29.11.2016 г.)
3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 111. Д. 268, 278, 286, 292, 302, 321.
4. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3561.

Summary: The article is devoted to the analysis of mortality processes in Vyborg. A comparative analysis of the causes of death recorded in the metric books of the Preobrazhensky Cathedral in the 1840s and the 1900s revealed significant changes in the structure of the mortality rate of the adult Orthodox population.

Keywords: historical demography, the history of Vyborg, mortality.

РОССИЯ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск III

ООО «Издательство Курсив»
241036, Брянск, Бежицкая, 14, ком. 147.
Тел./факс: 66-65-53.
kursiv2004@yandex.ru

Формат 60×84 ¹/₁₆ Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 11. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Клинцовской городской типографии.
243140, Брянская обл., г. Клинцы,
пер. Богунского полка, 4 а.